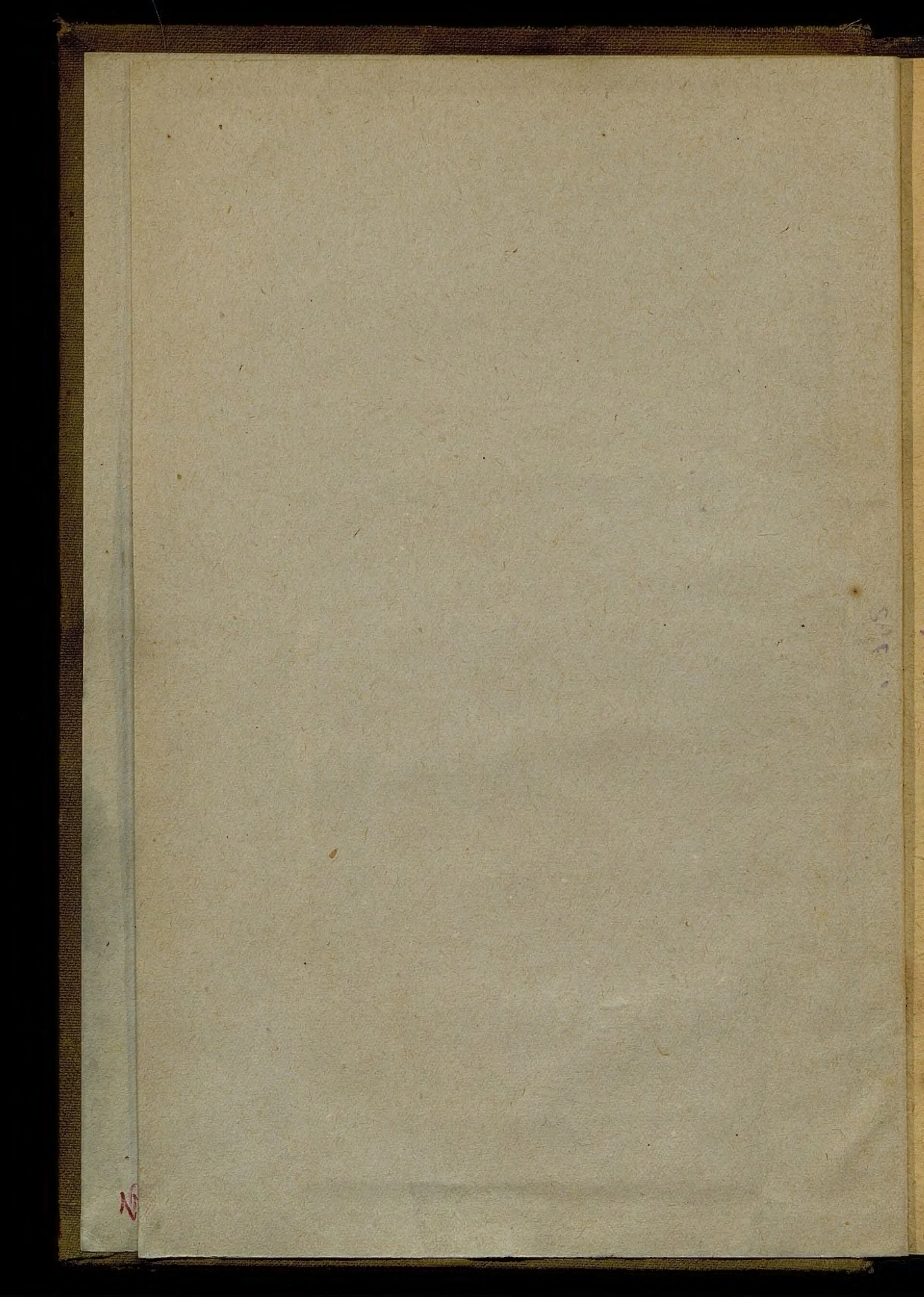
А. [illegible]

ВОССТАНИЕ [illegible] г.

В Б[illegible]РИИ

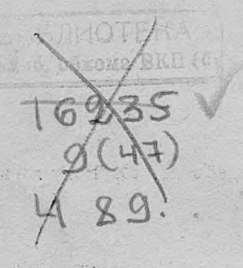

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. П. ЧУЛЮШНИКОВ

ВОССТАНИЕ 1755 г. В БАШКИРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор акад. Б. Д. Греков

Редактор Издательства И. У. Будовниц

Технический редактор О. Г. Давидович. — Корректор Е. П. Раутман

Сдано в набор 11 мая 1938 г. — Подписано к матрицированию 13 апреля 1940 г.
Подписано к печати с матриц 22 августа 1940 г.

111 стр. + 1 карта
Формат бум. 62 X 94 см. — 7 печ. л. — 9,12 уч.-авт. л. — 44544 тип. зн. в печ. л.
Тираж 2000. — Ленгорлит № 1734. — РИСО № 741. — АНИ № 374. — Заказ № 809

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

ГЛАВА I

БАШКИРИЯ В 30—50-х ГОДАХ XVIII В.

В середине XVIII в. Башкирия переживала переломный период в своей истории. К этому времени вполне определился давно начавшийся процесс постепенного сложения новых волостных объединений башкир, возникавших уже не на племенной, а на территориальной основе. Правда, первичная ячейка этого объединения — территориальная община из нескольких больших семей, включавшая в свой состав и чужеродцев, — существовала во многих местах еще в XVII в.,[1] но долгое время на ряду с ней оставались также прежние племенные объединения — волости, соединявшие не определенные территории, а группы населения, принадлежавшие к одним и тем же племенам, где бы они ни находились территориально. Такие волости-племена обозначались термином, общим для всех кочевых и полукочевых тюркских народов,— иль (ايل).

Только примерно со второй четверти XVIII в. обнаруживается замена подобных старых волостей новыми, возникавшими уже на территориальной основе. Указания на образование подобных объединений имеются в реестре и описании башкирских волостей, составленном около 1730 г., где перечисляется 10 волостей на Казанской дороге, в которых «живут башкирцы разных дорог и волостей».[2] О фактическом же территориальном разрыве прежних племенных волостей, ставшем повсеместным явлением к 30—50-м годам XVIII в., говорят следующие слова указа В. Н. Татищева от 24 февраля 1738 г. к башкирам Уфимского уезда: «Ваши волости имянуемые числите по родам, а не деревнями, и одной волости люди живут по всей Башкирии, и в одной деревни люди разных многих волостей».[3] Подобное же явление имеет в виду и И. И. Неплюев в своем доношении в Коллегию иностранных дел

[1] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, изд. Акад. Наук СССР, М.—Л.; 1936, стр. 77, док. № 7; УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1828, № 80, лл. 15—17.

[2] Там же, стр. 137.

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1737—1741 гг., № 108, лл. 185 об.—186.

от 12 августа 1755 г., когда, останавливая внимание на башкирах Бурзянской волости, живущих за Уралом, по р. Белой, он отмечает: «Яко и во всех их волостях такие селения есть, что одной волости з другими смешався верстах во сте и больше в различных местах живут».[1] Некоторые указания на тот же процесс постепенного территориального смешения разных башкирских племен с одновременным сохранением, однако, племенного единства рассеянных частей, можно найти и в материалах издаваемой Институтом истории Академии Наук СССР 3-й части Сборника по истории Башкирской АССР. Так, на основании имеющихся в них данных выясняется, что в одной и той же деревне или ауле в 50-х годах XVIII в. оказывалось население, принадлежавшее к разным волостям. Например, в ауле Тюнгак, Гайнинской волости, постоянными его жителями являлись башкиры не только данной волости, но и соседних с ней волостей, как Ирехтинской и др.[2]

Наконец, о том же процессе, происходившем нередко и в результате прямых насилий и притеснений со стороны царской администрации, говорят как будто и данные о количестве дворов в отдельных башкирских волостях Осинской дороги за 1739—1772 гг. Обнаруживающаяся из этих данных значительная убыль дворов в одних волостях на ряду с неестественно быстрым ростом в других объяснялась, повидимому, двумя причинами: с одной стороны, несомненным передвижением проживавших в них башкир из одних, более южных, волостей в другие — северные, с другой стороны — различием самих подвергшихся переписи одноименных башкирских волостей в разные периоды. Так, в 1739 г. все три приводимые ниже в таблице волости несомненно состояли еще из лиц, принадлежавших к одним и тем же племенам, жившим не только на основной территории прежнего племени, но также и в других районах. Поэтому Уранская волость и могла представляться в это время наиболее крупной. К 50-м годам XVIII в., когда под воздействием царской администрации начали складываться новые административные волости, возникавшие на территориальной основе, в их понятие, естественно, вкладывалось и иное содержание. Так возникли в это время, очевидно, и территориальные Гайнинская и Уранская волости с новым соотношением количества дворов, отражавшим фактически сложившееся размещение населения.

Позднее, к 70-м годам, то же произошло и с Ирехтинской волостью, выросшей количественно, повидимому, за счет передвинувшихся на ее территорию отдельных дворов южнее ее расположенной Гирейской волости.

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дела башкирские. 1755 г., № 2, л. 73 об.

[2] Материалы издаваемого Институтом истории Академии Наук СССР Сборника по истории Башкирской АССР, ч. 3. Башкирское восстание 1755 г.— ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, л. 362, ч. IV, л. 190—190 об.

Процесс сложения в данном районе в 50—70 годы новой административной волости на территориальной основе сильно облегчался большими сдвигами и в экономическом быте населения, к середине XVIII в. переходившего здесь к оседлому образу жизни.

Волости	Годы		
	1739	1752	1772—1775
Гайнинская .	214 дв.	562 дв.	795 дв.
Уранская . .	678 »	218 »	226 »
Ирехтинская	183 »	148 »	352 »[1]

Ведь не случайно определение Уфимской провинциальной канцелярии от 11 сентября 1755 г. рассматривало Гайнинскую волость как район, наиболее подходящий к сбору продовольствия и фуража для отряда правительственных войск, где «они (гайнинцы. *А. Ч.*) люди перед протчими хлебные и всем заводные».[2]

Те же перемещения и образования новых территориальных объединений происходили в той или иной мере и в других районах Башкирии, вплоть до юго-восточных ее окраин.[3] Это постепенное сложение новых территориальных волостей связано было с общим развивавшимся в это время в Башкирии процессом последовательного перехода ее основного населения от кочевого к полуоседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству[4] и постоянно подталкивалось еще смешением населения в условиях длительных восстаний против насилий и притеснений царской власти.

Таким образом первоначальное единство старых племенных волостей разрушалось частично в порядке внутреннего процесса развития, частично вследствие насильственных мероприятий царизма. Однако в административной практике сохранялись еще

---

[1] Пермская старина, вып. VIII. Пермь, 1900, стр. 57; П. И. Рычков, Топография Оренбургской губ., Оренб., 1887, стр. 71; Памятн. кн. Уфимской губ., ч. II, Уфа, 1873, стр. 146, 160.

[2] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII, 1756. Дело № 1781, ч. III, л. 120 об.

[3] Ср., напр., положение 160 дворов тамьянцев, которые в 1755 г. находились в команде старшины Бушмас-Кипчакской волости Сатлыка.— ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, л. 276 об.

[4] См. соответственные данные об этом процессе экономического развития Башкирского края в нашей статье «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.». Тр. Историко-археогр. инст. Акад. Наук СССР, т. XVIII, вып. 7, М.—Л., 1936, стр. 5—7.

пережитки родовых отношений, внешние формы, унаследованные от родовой общины и племенной волости.

Но за всеми этими сохранявшимися родовыми пережитками все же крепли новые общественные отношения, которые складывались на основе все усиливавшегося феодализирующего процесса. Истоки его уходили еще к периоду до завоевания Башкирии царской Россией, но только к 40—50 годам XVIII в. создавшийся в результате этого процесса общественный порядок с его усилившимся феодальным угнетением особенно остро стал чувствоваться широкими народными массами. Тогда же с новой силой поднялась и колониальная эксплоатация этих масс российским царизмом, которая сопровождалась самым широким вмешательством царской администрации во внутреннюю жизнь Башкирии и лишением ее населения последних остатков относительной самостоятельности в местном самоуправлении. Последнее облегчалось разгромом башкир в восстаниях 1735—1740 гг. и последовавшим за ним кровавым террором, охватившим всю страну. Наконец, в это же время проводилось систематическое военное окружение Башкирии и открывалась широкая полоса новых земельных захватов.

Рассмотрим же ближе, что представлял собою Башкирский край в этот переломный период своей истории. В административном отношении основная его часть составляла тогда в царской России особую административную единицу — Уфимскую провинцию, сначала (с 1728 г.) непосредственно подчиненную Сенату, позднее (в 1730—1741 гг.) входившую в состав Казанской губернии и, наконец (с 9 июля 1741 г.), вновь поставленную под «особенное ведомство» Правительствующего сената.[1] Управлявшаяся постоянно воеводами, эта провинция только в 1740—1744 гг., возможно в связи с общим усложнением возложенных на ее администрацию задач, получила на некоторое время руководство с более расширенными полномочиями в лице вице-губернатора.[2]

В этот же период (с 1738 г.), в целях более тесного охвата всей Башкирии царской административной системой, из состава Сибирской губернии было выделено так наз. «Сибирское Зауралье», из которого была образована новая Исетская провинция, в составе сначала трех дистриктов: Шадринского, Исетского и Окуневского, с административным центром последовательно в следующих пунктах: в Чебаркульской крепости, Теченской слободе и Челябинске.[3] Тогда же и в тех же целях в составе Уфимской провинции были

---

[1] ПСЗ, т. VIII, №№ 5316, 5318, т. IX, № 6469; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 145; Тр. Оренб. учен. арх. ком., вып. VII, Оренб., 1900, стр. 77; Указ Правит. сената 27 апреля 1731 г. о приписке Уфимской провинции к Казанской губернии. — УЦГАЛ. Архив внутр. политики. Фонд распоряжений верховной власти и высших правительственных учреждений, 1711—1734, кн. 46, лл. 73 об.—74.

[2] Пермская старина, вып. VIII, Пермь, 1900, стр. 27.

[3] В 1738 г. состоялось фактическое открытие провинции, постановление же об ее образовании было принято еще в предыдущем 1737 г. ПСЗ, т. X, № 7347; Пермская старина, вып. VIII, Пермь, 1900, стр. 50, 95.

образованы два особые воеводства: в Осе и в недавно отстроенной Красноуфимской крепости; а управление Соликамской провинцией, переименованной в Пермскую, переведено было из Соликамска в Кунгур, ближе к Башкирии, с перечислением самой провинции из Сибирской губернии в состав Казанской.[1]

Внутри вся страна делилась на 4 дороги — Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую, которые в свою очередь распадались на волости; последние же еще подразделялись на тюбы. В 1755—1759 гг. насчитывалось всего 42 волости и 131 тюба; из них в Зауральской Башкирии (в Исетской провинции) находилось 2 волости Ногайской дороги и 11 волостей Сибирской дороги. Общее количество башкир и других нерусских народностей на этой территории по данным, относящимся к 40—50-м годам XVIII в., определялось в пределах от 185 000 до 336 896 душ обоего пола, из которых собственно башкир было 106 176 душ, живших в 11 863 дворах. Остальную массу составляли татары, мишари (мещеряки), чуваши, мари и мордва.

Наиболее населенной частью Башкирии являлась Уфимская провинция, почти в $4^1/_2$ раза превышавшая по количеству своего населения Исетскую провинцию. Объясняется это, очевидно, тем, что в Зауралье, на р. Исети, башкиры и мишари (мещеряки) появились позднее, чем на западных склонах Урала, где башкиры жили издавна.[2]

Численность русского населения Башкирии колебалась в это время, по разным сведениям, в пределах от 109 880 до 200 000 душ обоего пола. Более определенные данные имеются у нас только относительно Исетской провинции, где на 21 405 душ обоего пола местных народностей приходилось 34 355 душ мужского пола русских.[3] Столь заметное преобладание здесь русского населения над местным нерусским являлось результатом вековой русской колонизации, проходившей в Приисетском крае много быстрее, чем на территории основной части Башкирии.

Переходя теперь к характеристике социальных отношений, приходится несколько остановиться на особенностях сложившегося здесь социального строя местного населения. При сохранении в нем, особенно среди башкир, значительных пережитков родового быта, этот строй представлял по существу феодализировавшееся общество с определившимися уже классовыми различиями. Наверху

[1] ПСЗ, т. X, № 7347. В. Н. Витевский. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1897, стр. 154; Пермская старина, вып. VIII, стр. 50.

[2] П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 65—71, 73, 371; Пермская старина, вып. VIII, стр. 40; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 450.

[3] В. Э. Ден. Население России по пятой ревизии, т. II, ч. 2, 1902, стр. 278—279, 302, 306, 315; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 49, 350—367, 370; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 395.

этого общества, как его высшая знать, стояли князья (мурзы) и тарханы.

Кроме феодалов из башкир[1] к числу мурз и тарханов принадлежали представители высшей феодальной прослойки из среды пришлого населения края, поселившиеся здесь или с очень давних времен, еще до подчинения Башкирии царской России, или же появившиеся после утверждения ее господства. Те и другие выступали с самого начала в роли прямых союзников завоевателей — были ли то казанские ханы, ногайские князья или русские цари; при этом все эти завоеватели одинаково поддерживали их социальное значение в целях упрочения своей власти в новозавоеванном крае. На существование этих феодалов в виде татарских, ногайских и мишарских мурз и тарханов, своим присутствием подчеркивавших неоднородность массы и пришлого населения, имеется ряд фактических указаний в сохранившихся источниках. Так, среди опубликованных В. В. Вельяминовым-Зерновым грамот и оберегальных памятей на тарханство, жалованных русскими царями, имеются три, выданные в 1690—1702 гг. не башкирским феодалам, а татарским и ногайским, служившим «исстари по Уфе».[2] В данный момент мы располагаем еще рядом документов, удостоверяющих наличие этих феодалов на территории Башкирии. Это прежде всего оберегальная грамота 26 февраля 1680 г. на вотчинное владение землею, выданная татарину Уфимского уезда Акешу Доскееву с товарищами. Здесь интересно указание, что предки этого татарина получили жалованную им землю с тарханским достоинством еще в период существования Казанского ханства и принадлежности данной территории казанским ханам. Как выясняется, пожалование состоялось в 929 г. (1522—1523 гг.) при хане Сагиб-Гирее.[3] Другим, подобным же документом является тарханная грамота 19 ноября 1617 г. на бобровые ловли «что за Камою рекою по Кинель речке», выданная служилому татарину тархану Килею Монашеву.[4] Затем соответственные же данные о татарских и мишарских мурзах и тарханах имеются в документах, относящихся и к 1746 и 1748 гг.[5] Наконец, последний подобный документ — это сохранившееся в татарском подлиннике прошение от 7 августа 1859 г. служилых татар Оренбургской

---

[1] Соответственные данные о наличии и возникновении этого феодального слоя среди башкирского населения приведены в нашей статье «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.» в 1-й части сборника «Материалы по истории Башкирской АССР», изд. Акад. Наук СССР. Тр. Историко-археогр. инст., т. XVIII, вып. 7, М.—Л., 1936, стр. 10—13.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства. Зап. Акад. Наук, СПб., 1865, т. IV, кн. 2, прил. к IV т., № 6, стр. 29, 44, 46.

[3] УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1823, № 563/144, ч. 1, лл. 435—435 об., 439—440.

[4] Там же, ч. 2, лл. 35—37.

[5] Там же, лл. 39 об.—40. Фонд синода, 1748, № 174, л. 1.

губернии, 24 башкирского кантона, военному министру ген.-ад. Сухозанету.

Это прошение хотя и относится к значительно более позднему времени, но представляет интерес и для данного случая своей исторической частью, где вспоминаются различные службы предков просителей. Здесь обращает на себя внимание указание, что предки просителей получили свое звание мурз от царской власти и были «испомещены» первоначально на горном берегу Волги около Касимова и Мурома; отсюда, уже после завоевания Казани и с развитием башкирских восстаний, они были переселены в Уфимский уезд и пожалованы поместьями по р. Бири (Буре), «чтобы усмирять начинавшие появляться смуты, оберегать г. Уфу и заблаговременно уведомлять об изменнических поступках бунтовщиков».[1] В этом свидетельстве перед нами ярко выявляется вся прислужническая роль этих татарских феодалов как прямых и постоянных союзников российского царизма в Башкирии. Но то же известие интересно и в другом отношении, поскольку обнаруживает, что в XVII в. звание мурз не всегда еще соединялось с вотчинным правом владения принадлежавшими им землями. Последнее право принадлежало, очевидно, тем из татарских мурз, которые унаследовали это звание от давних времен еще до завоевания Башкирии царской Россией. Большинство же местных служилых татар, пожалованных в звание мурз московским правительством, владели отнятыми у башкир землями только на поместном праве, строго обусловленном верной военной службою этих феодалов царской власти.

Ниже тарханов, как последняя ступень феодальной верхушки, располагались башкирские батыри[2] и нетитулованные мелкие и средние феодалы из пришлого населения — служилые татары и отдельные мишарские феодалы. Последние две группы, так же как и выше их стоявшие на феодальной лестнице мурзы и тарханы из татарского и мишарского населения, нисколько не зависели по своим земельным владениям от башкирских феодалов; однако первоначально, в XVII в., они не были вотчинниками захваченных ими земель, владея ими только на поместном праве, в результате пожалования от царской власти. Но эти отличия в правах владения земельными угодьями между различными группами местных феодалов в Башкирии не были продолжительными. Как известно, еще в конце XVII в. отличие вотчин от поместий было более юридическим, чем экономическим и бытовым, а с 1714 г., с изданием указа о единонаследии, совсем исчезло. В таких условиях, к началу XVIII в., все местные феодалы, как башкирские, так и из среды пришлого населения, владели землями на одном

---

[1] УЦГАЛ. Архив народного хозяйства. Лит. А., № 13296, л. 3—3 об.

[2] Соответственные данные о башкирских батырях см. в указанной нашей статье в Материалах по истории Башкирской АССР, ч. 1, Л.—М., 1936, стр. 13.

вотчинном начале с той только разницею, что феодалы из пришлого населения, получившие земли в личное пользование, распоряжались ими непосредственно, тогда как башкирские батыри могли осуществлять свои вотчинные права преимущественно в рамках сохранявшейся еще родовой или общинной собственности.

О наличии этого нижнего слоя средних и мелких феодалов среди татарских и мишарских масс Башкирии имеется также ряд вполне определенных известий. Древнейшее из них относится к 1658 г. и находится в царской грамоте уфимскому воеводе А. И. Головину. Упоминаемые здесь служилые татары-мещеряки, предки которых отправляли военную службу по Алаторю, Арзамасу, Кадому, Темникову, Романову, Свияжску и Курмышу, были несомненно местными феодалами и освобождались от платежа ясака за военную службу московскому государю на Уфе в течение 15 и более лет. Общее число этих переселившихся в Башкирию из Мещерской земли [1] мишарей-феодалов определялось в то время в 100 семей. Подобное их положение позднее, в 1688 г., было подтверждено специальной царской грамотой, резко отделившей их от остальной массы мишарского населения Уфимского уезда, расселившейся здесь, повидимому, также около середины XVII в. и обложенной ясаком в 1658 г. «смотря по людям и животам».[2] Однако это резкое выделение мишарской феодальной верхушки поддерживалось центральной властью только до начала XVIII в., когда к военной службе на Уфе были привлечены уж все мишари, жившие в пределах Башкирии. Тогда же, очевидно, все они были освобождены и от платежа ясака.[3]

По крайней мере хорошо знавший недавнее прошлое своего народа мишарский мулла Батырша совсем не помнил в 50-х годах XVIII в. того времени, когда бы мишари платили ясачную подать царской России до того момента, когда она вновь была введена среди них в 1747 г. и теперь уже для всего мишарского населения. Установление этого ясака совпало по времени с проведением 2-й ревизии и с начавшимся на основании ее данных новым сбором податей. Это совпадение не было случайным, так как в условиях общих финансовых затруднений, в результате двух недавно

---

[1] Мещерской землей называлась с очень давних времен, еще с периода феодальной раздробленности русского государства, область в бассейне среднего течения р. Оки, населенная сначала финскими племенами, а затем и татарами. Позднее, в пределах Казанского ханства, это же название придавалось также территории на правой стороне Волги — в бассейне верхнего течения рр. Суры и Мокши, населенной в то время татарами и отатарившимися финскими племенами.

[2] Материалы Волкова. М. К. Любавский. Очерк башкирских восстаний в XVII и XVIII вв. (неизд. рукописная работа).

[3] С этого времени название «служилые мещеряки» утрачивает первоначальный свой смысл обозначения одного только господствующего класса феодалов среди мишарского народа и стало применяться ко всей его массе, привлеченной к военной службе царской России. См., напр., Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 262.

закончившихся войн с Турцией и Швецией и накопившихся громадных недоимок с населения, привлечение к ясачной подати мишарей и служилых татар делалось неизбежным и казалось царизму, одним из наиболее безопасных и предпочтительных средств для получения необходимых дополнительных доходов. Во всяком случае этот источник дохода представлялся ему более приемлемым, чем сбор, например, «немалой недоимки, оставшей на башкирах после чинимого ими бунта».[1] Размер новой ясачной подати был определен в количестве башкирского «полуполтинного дворового оклада», т. е. по 25 копеек со двора в год. Этот ясак мишари и служилые татары платили вместе с ясачными башкирами до 1754 г., когда он был заменен обязательной покупкой соли из казны и общим привлечением всех башкир и мишарей к ежегодной регулярной военной повинности на Оренбургской линии.

Не позднее середины XVII в. поселились в Башкирии первые представители мелких и средних татарских феодалов и из другой ветви татарской народности, обитавшей в основном на левой стороне Волги в бассейне р. Камы. Их было тоже сначала 100 семейств — «служилых татар Исмаила Алпаева и Дусали Сунчалеева с товарищи». Царской грамотой 4 мая 1659 г. «по их челобитью за службу» им были отведены поместья в Уфимском уезде «под усадьбу и пашню земли», по 20 четей каждому.[2] Но в отличие от мишарских феодалов эти служилые татары постоянно до 1747 г. резко выделялись царской властью от остальной рядовой татарской массы. Если мишарские феодалы в порядке отправления военной повинности зачислялись, как мы только что видели, в одно служилое сословие с трудовой частью мишарского народа, то служилые татары-феодалы до самых 40-х годов XVIII в. не смешивались в этом отношении с собственными трудящимися массами и не платили вместе с ними возложенных на них податей. Тем самым эти служилые татары почти всегда ставились в особое и преимущественное положение в сравнении с башкирскими батырями, совсем не освобождавшимися от ясачной подати, которую они вносили вместе с остальными ясачными башкирами. В этом сказывалась определенная установка царской власти, стремившейся разностью условий быта, созданных для социально однородных групп, не допустить сближения их на основе общих интересов и стремлений.

Кроме указанных групп феодалов на территории Башкирии находились в то время и русские феодалы-помещики, поселившиеся на захваченных башкирских землях еще с первых десятилетий царского господства. Число их к данному моменту заметно выросло. Выросли и размеры их земельных владений, расширявшихся

---

[1] УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1823, № 563/144, ч. 1, л. 620.

[2] Там же. Военно-исторический архив. Фонд 4, 1848, св. 12, № 12, лл. 4 об.—5 об.

путем как скрытых, так и явных захватов. При этом русские помещики не составляли здесь обособленной группы, эксплоатировавшей только переселенных ими сюда русских крепостных крестьян. Несомненно в сферу эксплоатации этих феодалов постепенно втягивались и представители местного трудящегося населения, в результате всевозможных долговых обязательств попадавшие в известную от них зависимость; последняя же, в связи с обстоятельствами, принимала, конечно, различные формы, начиная от временных кабальных отношений «всякой домовой работы на срок», «до расплаты» взятых денег, и кончая крепостным состоянием продававшихся по специальным купчим малолетних детей и прочих родственников наиболее разорявшихся семей из среды этого трудового населения.

От общего вопроса о наличии в Башкирии различных слоев местной феодальной аристократии перейдем теперь к характеристике их экономической силы и значения. К сожалению, мы располагаем для этого только данными, относящимися к одним башкирским феодалам, однако эти сведения достаточно ярки и указывают не только на наличие огромных богатств, сосредоточенных в руках наиболее крупных из башкирских феодалов, но также позволяют догадываться, какими путями эти богатства накапливались и получали дальнейшее движение. Так, хорошо известно, например, что видный в свое время тархан Алдар был владельцем около 8000 лучших лошадей; а одно только захваченное в 1740 г. восставшими башкирами имущество другого тархана Исмаила Мундурова состояло из 200 лошадей, 30 коров, 40 овец на общую сумму 1500 руб., далее из домашнего скарба в 100 руб. и наличных денег в 300 руб.[1] Здесь особенно показательно сосредоточение в руках этого тархана, кроме большого количества скота и общего домашнего скарба, еще заметной суммы денежного капитала.

И это не было случайностью, так как по словам известного в свое время татарского переводчика и агента царской колониальной политики в Башкирии и Казахстане Тевкелева многие из тарханов еще в 30-х годах XVIII в. вели не только скотоводческо-земледельческое хозяйство, но участвовали также в крупной торговле, «торгуя всякими российскими товары».[2] Последнее обстоятельство тесно связывало их интересы с интересами помещиков метрополии и местных представителей российского торгового капитала. В среднем это были обладатели стад в 1000 с лишком лошадей, с таким же приблизительно числом овец и с количеством рогатого скота «в половину противу лошадей»; иногда к этому еще прибавлялись козы и несколько верблюдов. Часть этой фео-

---

[1] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 405.

[2] Мат. по ист. России, изд. А. И. Добросмысловым, т. II, Оренб., 1900, стр. 105.

дальной знати выступала в качестве «главных» старшин в местном башкирском управлении, другие же из них занимали должности простых старшин в некоторых волостях. Ниже на феодальной лестнице располагались средние слои феодалов, к числу которых принадлежали башкирские батыри, обладающие значительно меньшими стадами, с количеством лошадей от 500 до 1000, и игравшие первоначально менее заметную роль в местном башкирском управлении. Наконец, еще ниже шли самые мелкие феодалы-батыри, которые имели всего 100—500 лошадей, такое же число овец и 50—250 голов крупного рогатого скота; в местном башкирском управлении они выполняли главным образом обязанности сотников.[1] В целом же это был тот господствующий класс, который держал в зависимости от себя все ниже его стоявшие социальные группы. К этому же классу принадлежали, несомненно, и наиболее состоятельные группы местного духовенства — ахунов и мулл, в особенности из числа тех, которые обладали еще званием хаджи.[2]

Формы внеэкономического принуждения, свойственного феодальному обществу, «могут быть, — по словам В. И. Ленина, — самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина».[3] Одну из разновидностей этих форм и представляла собой социальная зависимость низших классов от своих феодалов в Башкирии в том виде, как она сложилась к середине XVIII в. В это время одной из наиболее эксплоатируемых и угнетенных общественных групп среди местного населения были тептяри и бобыли. Эта группа составилась постепенно из наиболее обедневших и угнетенных элементов всех нерусских народностей края. Исключения не составляли и сами башкиры, которые в значительном количестве тоже вошли в ее состав; из прочих же народностей это были: татары, мишари, удмурты, мари и уже в меньшей степени чуваши и мордва.[4] Отдельные указания на присутствие башкир в тептярско-бобыльской группе имеются прежде всего в документах, изданных в 1-й части «Материалов по истории Башкирской АССР».[5] Затем о том же явлении говорит и неизданная оберегальная память 16 июня 1642 г., выданная башкирам Байлярской волости деревни Салагуш Туй-кильди Чермышеву с товарищами. Здесь в качестве тептярей и бобылей упоминаются гулящие люди той же деревни Уразлей Мартынов и Бегиш Матисев с товарищами,

---

1 Размеры поголовья скота у различных башкирских феодалов, указанные в тексте, являются приблизительными и приводятся на основании сведений И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. II, стр. 98.

2 Хаджи — религиозное звание мусульманина, получавшееся лицами, совершившими паломничество в Мекку.

3 В. И. Ленин. Соч., изд. третье, т. III, стр. 140.

4 Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 15, 292.

5 См., напр., документы №№ 23 и 25.

записанные в бобыльской ясак вышеупомянутыми лицами, получившими оберегальную память.[1]

Переходя теперь к определению характера самой феодальной зависимости тептярско-бобыльского населения от башкирских феодалов, следует отметить, что она вырастала под влиянием двух причин.

С одной стороны, к этому вела развивавшаяся оброчная система пользования чужой землей, которая нередко соединялась с работой за полученную землю и скот в хозяйстве самого феодала; с другой стороны, и еще в большей степени, к той же зависимости приводили и долговые денежные ссуды с вытекавшими отсюда натуральными платежами «воском, медом и всякими товарами» или работой «на срок».[2] Все это закабаляло постепенно такого кортомщика-должника и приближало его к положению русского крестьянина в феодально-крепостную эпоху. Подобный характер зависимости тептярско-бобыльского населения от башкирских феодалов подтверждается также и данными из административной практики того времени. Так, при всех требованиях тептярей и бобылей «к строению крепостей и к перевозке провианта на Оренбургской линии» все предписания о соответственных их нарядах направлялись местными колониальными властями не непосредственно к ним, а всегда через распоряжавшихся ими башкирских старшин, которым посылка этих работников «вменялась в верноподданническую их службу».[3]

С большой уверенностью можно предполагать наличие подобной же социальной зависимости и в отношениях части эксплоатируемого местного населения к татарским и мишарским феодалам.

Ниже этой угнетенной группы тептярей и бобылей стояли в башкирском обществе только рабы, не составлявшие здесь, однако, сколько-нибудь устойчивого общественного слоя и тем более не создававшие каких-либо условий для специального рабовладельческого способа производства. Отработав в течение известного срока затраченную на них сумму капитала, они выходили затем на положение полусвободных работников, с которыми и сливались постепенно в результате дальнейшей эволюции.[4] В числе этих рабов на ряду с пленниками-ясырями, захваченными в военных столкновениях с соседями (калмыками и казахами), встречались также представители местного нерусского населения; это были отдельные члены наиболее обнищавших и разорившихся семей, которые попадали в рабство, будучи проданы их родственни-

---

[1] УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та Правит. сената, 1823, № 563/144, лл. 69 об. — 70.

[2] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, стр. 126, 292—293.

[3] УЦГАЛ. Фонд Межевого д-та, 1823, № 563/142, л. 11 об.

[4] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 321.

ками в результате полного расстройства хозяйства. Последнее же зачастую ускорялось беспощадной колониальной политикой царизма и особенно безудержным террором, сопровождавшим все его мероприятия по подавлению местных восстаний. Таким путем приходили к рабству и отдельные члены из числа наиболее разорявшихся башкирских семейств.

Обе только что указанные формы классового угнетения трудящегося населения Башкирии, хотя и были наиболее тяжелыми, однако не являлись в то время господствующими. В основном эксплоатация широких масс непосредственных производителей проходила тогда несколько иными путями. В эксплоатации башкирского трудящегося населения его феодалы прикрывались главным образом некоторыми неизжитыми еще родовыми институтами и всячески использовали различные родовые пережитки. В условиях Башкирии того времени это делалось возможным потому, что «моральное влияние, унаследованное мировоззрение и мышление старой родовой эпохи, — по словам Ф. Энгельса, — еще долго передавались последующим поколениям, вымирая лишь мало-помалу».[1] Вымирание родовых институтов и старого родового мышления замедлялось здесь сохранением в течение долгого времени кочевого или полукочевого образа жизни; но все эти прежние формы незаметно наполнялись новым содержанием, вполне отвечавшим интересам местных феодалов. Взять хотя бы родовое землепользование. При наличии уже внутри «рода» индивидуальной собственности на скот и резкого разграничения по социальному положению отдельных скотоводческих хозяйств от многоскотных до почти бесскотных фактическим хозяином общины, естественно, делался феодал, располагавший большими стадами скота. Поэтому самые лучшие земли и пастбища оказывались в его непосредственном и преимущественном пользовании. В силу своеобразных условий кочевого хозяйства рождалась и специфическая форма кочевой земельной собственности: кочевой феодал был заинтересован не в отдельных участках известного района кочевья, а во всей территории, занимавшейся или использовавшейся тем или иным родом или волостью для ежегодных перекочевок и имевшей для всякого представителя местной феодальной верхушки какую бы то ни было ценность только во всей совокупности. Наибольшей свободы распоряжения всеми этими земельными угодьями — пастбищами, сенокосными участками, пашнями, рыбными ловлями и т. п. — в личных выгодах достигли среди башкирских феодалов тарханы, каждый из которых был «везде волен между своею братьею: пашню пахать, сено косить, скот и лошадей пасть, в водах рыбу ловить и никто ему в том не спорит, хотя б прежде и владел такими угодьями». Единственно в чем ограничивалось их распоряжение земельными угодьями, которые формально

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932, стр. 119.

продолжали считаться принадлежащими волости или тюбе, это в использовании ставших уже предметами единоличного владения некоторых мест охоты и бортного промысла («токмо не может в лесах бортного ухожья и в реках бобровых гонов взять»).[1]

В качестве фактических хозяев всех земельных угодий общины башкирские феодалы использовали также преимущественно и все выгоды от припуска на общинные земли разных припущенников, были ли то башкиры других родов и племен, устраивавшиеся здесь на правах полноправных или неполноправных совладельцев общинной земли, или же пришлые люди других национальностей—мари, чуваши, мишари, русские и др., которые обосновывались на этих землях в качестве простых кортомщиков или арендаторов. В обоих случаях поступавшая общине оброчная плата или единовременный денежный взнос в пользу нее с перенесением на себя части общинных повинностей и платежей государству — все это в львиной, подавляющей доле оказывалось в руках не общинников, а возглавлявших их феодалов.

Помимо этого феодального использования формально сохранявшейся родовой земельной собственности местные башкирские феодалы пользовались в целях эксплоатации и другими родовыми пережитками. Так, нашими источниками еще для начала XIX в. засвидетельствовано фактическое существование среди башкир такого родового института, как «аш», т. е. гостеприимство и бесплатное угощение. Этот обычай, идущий от глубокой патриархальной древности, заключался в обязательном и одинаковом угощении всякого гостя независимо от его происхождения и положения. Но в условиях кочевого или полукочевого феодального общества этот «аш» наполнялся уже другим содержанием и превращался фактически в новое средство для обирания и эксплоатации трудящегося населения. Вот как описывает действительное и конкретное его содержание в феодальной Башкирии начала XIX в. один из официальных документов того времени: «Башкирские чиновники, разъезжая по своим юртам, собирают к себе гостей простых башкирцов, поят их чаем и квашеным с хмелем медом и даже хлебным вином, называя сие помочью, и когда потеряют здравый рассудок, тогда вымогают у них лошадей, баранов, пчел с ульями, деньги и бревна (сии последние в тех местах, где бывает сплав) и кто на таковые приглашения не явитца, или никаких пожертвований не зделает, таковым грозят мщением, производя оное есть ли не сами, то чрез других товарищей своих с заключением под следствия, от чего возникает ропот, ябеды и раззорение башкирцам».[2] Здесь перед нами ярко выявляется новая классовая сущность «аша», превратившегося в руках господствующего класса

---

[1] Мат. по ист. России, изд. А. И. Добросмысловым, т. I, Оренб., 1900, стр. 20.

[2] УЦГАЛ. Военно-исторический архив. Фонд 9, 1832, св. 8, № 16, ч. 3, л. 333—333 об.

феодалов из патриархального обычая угощения гостя в утонченное орудие для усиления их влияния среди масс и для прикрытия дальнейшего обирания и эксплоатации ими трудящегося населения.

Одним из таких же видов использования родовых пережитков была и дача «сауна», т. е. скота, на выпас богатыми скотовладельцами беднякам. Правда, исторических данных о существовании этого обычая среди башкир в XVIII в. у нас не имеется, но о возможности его распространения в тот период можно догадываться, поскольку мы встречаемся с ним у других кочевых и полукочевых народов и поскольку с его наличием приходилось сталкиваться и в башкирской действительности позднейшего времени, накануне Октябрьской революции. При наличии «сауна» среди башкир в XVIII в. и при учете его действительно классовой сущности мы получаем возможность представить себе и тот путь, каким должны были, правда в несколько специфической форме, притягиваться к отработочной ренте в пользу местных феодалов и те бедневшие башкирские скотоводы, которые не попадали еще в тептяро-бобыльскую группу.

Смешение племенных групп и разложение племенной волости как территории, определившееся особенно ярко к середине XVIII в., усиливало эксплоатацию трудящегося населения местными феодалами, так как открывало перед ними более широкие возможности угнетения пришлых элементов мерами, уже слабее связанными с родовыми пережитками, и все более повышало в общем феодальном доходе процент денежной ренты, поступавшей в виде оброков с разных припущенников. К этому присоединялось сильно развившееся в то время использование отдельными представителями феодальной верхушки всех преимуществ занимаемого ими административного положения. Подтверждением этого явления может служить одна сохранившаяся очень красочная ведомость 1743 г. о поборах с населения лицами низовой администрации из местных народностей. Самый факт составления этой ведомости также подтверждает действительно усилившуюся в это время эксплоатацию. Здесь перед нами в интересной галерее проходит ряд местных, почти исключительно башкирских старшин и сотников, обвиняемых населением во «взятке денег», «в сборе с волости ясаку медом и деньгами себе в корысть», «в отнятии насильно бортей» и «выложении из них содержавшегося меда», двоекратном сборе с каждого двора положенных с них натуральных поставок ржаной муки, «зборе овсом и орехами» и, наконец, в завладении ими оброчными озерами.[1] Повидимому, с явлением того же порядка встречаемся мы и в известии, которое, сообщая об убийстве восставшими башкирами Гайнинской волости в 1755 г. их старшины Абдука Куджагул-улы, разъясняет, что это событие произошло потому, что «оной старшина збирал с нас великие

[1] ГАФКЭ. Дела и протоколы Правит. сената по Оренбургской губ. 1743 г., № 18/149, лл. 23—24.

денежные зборы».[1] Наконец, отголоски этой же усилившейся эксплоатации местными феодалами основной массы мелких непосредственных производителей слышим мы, очевидно, и в той характеристике, какую мишарский мулла Батырша в своем воззвании дает хорошо ему известным старшинам-лицемерам, которые, «опираясь на помощь русских, больше не совещаются с мусульманами, не дают им никакой силы и возможности и, соглашаясь на всякие налоги и притеснения неверных, наваливают их на мусульман».[2] Еще более ярко та же эксплоататорская роль местных феодалов, всячески пользовавшихся в своих интересах также и выгодами своего административного положения, вскрывается тем же Батыршей в другом его документе, где он напоминает о некоторых волостных старшинах, которые, «совершая безграничные злодеяния, ели народное добро, пьянствовали, рубили людей шашкой, отрубали [им] руки и чинили подобные этому неисчислимые жестокости».[3]

Наиболее колоритно общий характер этой новой эксплоататорской группы местных феодалов выявляется в фигуре мишарского старшины Яныша Абдулла-улы, так ярко и полно обрисованного в записке муллы Батырши.[4] С этой характеристикой в полном соответствии находятся и русские официальные документы того времени. Так, в галерее туземных эксплоататоров, представленной в уже упоминавшейся выше ведомости 1743 г., в числе прочих притеснителей и угнетателей местного населения находится также и Яныш, обвинявшийся «в разных обидах и в неотдаче в казну по решенным делам пошлин, во взятье з башкирцов лошадьми и товаром на 700 рублев, да с мещеряка Мансура Сюнчалева денег 700 рублев, 25-ти лисиц да всякого пажиту на 50 рублев».[5]

В те же годы второй четверти XVIII в., в связи с общим процессом разложения прежней волости, выросла количественно и тептяро-бобыльская группа, которая своим увеличением также подчеркивала заметно усилившиеся угнетение и эксплоатацию местного непосредственного производителя собственными феодалами. Усилению эксплоатации способствовало в некоторой степени и укрепление в то время союза между частью башкирской феодальной верхушки и колониальной властью. Быстро шедшее разложение племенной волости как территории сопровождалось, как мы уже указывали, частичным рассеянием населения, что было неудобно и опасно как для царской администрации, так и для

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, л. 50.

[2] Там же. Коллегия иностр. дел. Дело 1755, № 2, лл. 314 об.—317.

[3] Там же. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II.

[4] Там же. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[5] Там же. Дела и протоколы Правит. сената по Оренбургской губ. 1743 г., № 18/149, л. 24.

части башкирских феодалов. Колониальные власти очень рано почувствовали эти неудобства при сборе ясака, регулярное поступление которого в положенном размере мало обеспечивалось создавшимися условиями. С другой стороны, в неудовлетворительном с точки зрения царизма состоянии оказывалась и вся существовавшая система административного и политического надзора над населением. Переложение с 1738 г. всей ответственности по сбору ясака на башкирских феодалов не разрешало всех затруднений, и основные затруднения оставались не устраненными.[1] Между тем, с данного момента часть башкирских феодалов, выступавших в роли старшин и сотников и в ведомстве которых наиболее сильно сказались результаты территориального разрыва племенных волостей, особенно была заинтересована в устранении этого основного затруднения и проведении в Башкирии административной реформы. Эту сторону их заинтересованности достаточно ясно подчеркнул указ В. Н. Татищева от 24 февраля 1738 г., отметивший, что в силу создавшихся условий «старшине и сотникам не только людей в добром порядке содержать и от воровства унимать невозможно, но и ясак собрать трудно, ис чего старшинам и сотником и всем добрым людям может быть убыток».[2]

К поддержке административной реформы в Башкирии, намеченной царизмом в 30-х годах XVIII в., часть башкирских феодалов побуждали еще причины другого порядка. Действительно, разложение племенных волостей, сопровождавшееся частичным рассеянием их населения, приводило к уходу от башкирских феодалов в основном беднейших слоев местных скотоводов, которые эксплоатировались ими преимущественно в порядке использования разных родовых пережитков, причем такой уход совсем не компенсировался в данном случае каким-либо притоком извне различных чужеродцев. Если таким образом одна часть башкирских феодалов выигрывала от этого процесса, получая возможность дополнительной эксплоатации пришлых элементов, то для другой создавалась прямая угроза всему развитию их хозяйства с его огромным количеством скота и с полной свободой распоряжения главнейшими кочевыми угодьями. Все это вместе взятое и способствовало укреплению союза между частью башкирской феодальной верхушки и колониальной властью. Постепенно расширяясь, этот союз достиг высшего своего развития позднее, в эпоху кантонного управления страной в первой половине XIX в.

Обращаясь теперь к практике административного управления страной во второй четверти XVIII в., следует прежде всего отметить, что вплоть до организации и развернутой деятельности Оренбургской экспедиции (т. е. до 1734—1736 гг.) в Башкирии сохранялись еще издревле установившиеся порядки местного

[1] ПСЗ, т. X, № 7542.
[2] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1737—1741 гг., № 108, лл. 185 об.—186.

управления, хотя и подчиненного уже царской администрации. Однако наличие этого собственного управления не предохраняло Башкирию и в то время от целой системы всевозможных притеснений, издевательств, отдельных захватов земель царской администрацией и кровавой практики карательных экспедиций царских войск.

В каждой волости и даже в каждой тюбе имелись свои старшины, занимавшие эту должность до конца жизни и избиравшиеся всегда из числа определенных, наиболее состоятельных и влиятельных семей, ибо на данной ступени общественного развития, даже при сохранении отдельных родовых пережитков, и в Башкирии давно «вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семейств превратилось уже в мало оспариваемое право этих семей на общественные должности».[1] Каждая волость имела несколько таких старшин, что засвидетельствовано целым рядом современных известий.[2]

Являясь основной ячейкой башкирского местного управления и включая в свой состав далеко неравномерное число дворов, от нескольких десятков до нескольких сот, а иногда даже до 1000 дворов, эти волости часто объединялись еще под руководством главных старшин, отражая в подобном соподчинении существовавшую в это время восходящую лестницу башкирских феодалов различной политической и экономической силы. В роли главных старшин, у которых были «подчиненные старшины и многие волости в ведомстве», выступали чаще всего феодалы-тарханы.[3]

Таким образом в практике административной системы царизма в Башкирии еще не было достаточно проведено в то время непосредственное подчинение ее аппарату низовых ячеек башкирского местного управления. Свое влияние на них местная колониальная власть могла распространять тогда главным образом через представителей башкирской феодальной знати, ведению которой все эти низовые ячейки были непосредственно подчинены. Даже назначение низших должностных лиц, как, например, имевшихся в каждой волости сотников, не зависело непосредственно от царской областной администрации, а производилось самими башкирскими старшинами.[4] Отсутствие конкретного материала не позволяет нам остановиться для данного момента на выяснении компетенции башкирских старшин и подчиненного им аппарата власти. О размерах этой компетенции можно пока только догадываться, хотя бы на основании тех позднейших сведений, которые у нас имеются

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932, стр. 110—111.

[2] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1; Тр. ИАИ Акад. Наук СССР, М.—Л., 1936, т. XVIII, вып. 7. Док. отд. IV—V; С. М. Соловьев. История России с древних времен, 3 изд., «Общ. Польза», кн. 4, стр. 1537.

[3] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 377 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., ч. II, Уфа, 1873, стр. 150.

[4] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1733—1738 гг.; № 57, л. 148 об.

относительно уже значительно урезанных прав башкирских старшин в 40—60-х годах XVIII в. Зато более определенно мы можем сказать о круге вопросов, подлежавших в это время ведению местного мусульманского духовного управления, которое вряд ли испытывало тогда непосредственное вмешательство в его дела со стороны колониальных властей. Также не было в те годы (до 1734—1736 гг.) систематического и планомерного стеснения веры башкир, и, наоборот, во многих их жительствах «собственным коштом и иждивением безвозбранно» строились мечети с содержанием при них двух духовных лиц, муллы и азанчея,[1] освобожденных от государственных служб и повинностей. Высшими же, или главными духовными чинами являлись ахуны, позднее выбиравшиеся по числу дорог в количестве четырех человек. В рассматриваемый же период их было несомненно больше, но сколько — точно сказать трудно.[2] В ведении ахунов находился весь суд по духовным делам, ведавший довольно большим кругом вопросов как в области семейных, так и имущественных отношений: «а имянно — в несоюзном житье мужа с женою, и кто из них будут представлять на кого законные пороки, по которым им быть далее не можно, во взятье в противность закона в родстве, или в свойстве, коим супружеская линия запрещает в замужество и протчем тому подобном до закона касающемся; то есть — в непочитании оного и в несодержании постов и в ленивом хождении на молитву; о разделении между братьями, родственниками и свойственниками и другими наследниками оставших имения, кому оные по правом принадлежат».[3] Часть этих вопросов могла также разбираться и наиболее влиятельными муллами.

Вся эта политика российского царизма по отношению к местному мусульманскому духовенству объяснялась общим неуверенным его положением в Башкирии и стремлением использовать всех этих мулл и ахунов как союзников для более прочного утверждения своего господства в стране. Возможно, что по тем же причинам общей неустойчивости царской власти в Башкирии остался нетронутым и старинный башкирский обычай собираться на большие съезды для обсуждения важнейших дел и составления коллективных обращений к центральной и местной власти. Отсутствие необходимых материалов, вообще имеющихся в недостаточном количестве у современного исследователя для характеристики внутренней жизни Башкирии, не позволяет нам точно определить характер и состав участников этих съездов. Но, пользуясь анало-

---

[1] Азанчи — арабско-тюркский синоним арабского термина «муэззин», т. е. служитель культа, призывающий верующих к молитве.

[2] Ср. в проекте И. К. Кириллова от декабря 1735 г. о мерах к успокоению Башкирии следующее его предложение: «Так как есть явное подозрение на магометанское духовенство, то оставить по одному ахуну на дорогу». С. М. Соловьев, назв. соч., стр. 1537; см. также ПСЗ, т. IX, № 6890, и УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 2—2 об.

[3] Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 2 об.—3.

гиями из истории других тюрко-монгольских народов, надо думать, что подобные съезды башкир вряд ли чем отличались от курултаев (съездов), собиравшихся у этих народов при ближайшем участии и преобладающем влиянии местных правящих групп. Такие совещания составлялись как от нескольких волостей, так иногда даже от всех четырех дорог и устраивались в разное время года и в разных местах. Но бывали съезды, собиравшиеся и в определенные сроки и в одних и тех же постоянных местах. Такова была, например, старинная сходка в семик [1] у речки Чесноковки, к югу от г. Уфы; здесь кроме обсуждения местных дел съезжавшиеся башкиры выслушивали различные предписания и приказы правительства. Большой известностью также пользовался съезд у мечети Азиевой на Ногайской дороге, особенно часто собиравшийся в периоды башкирских восстаний. Вообще в рассматриваемое время свобода передвижения башкирского населения из одного аула в другой или из волости в волость еще не подвергалась тем стеснениям, которые появились позже.[2]

На все эти сравнительные «вольности» начался организованный и систематический поход с конца 30-х и особенно в 40-е и 50-е годы XVIII в., когда в связи с разгромом башкирских восстаний (1735—1740 гг.) колониальный гнет достиг в Башкирии наибольшего напряжения.

Первым шагом, открывшим собою в дальнейшем целую серию подобных мероприятий, выросших позднее, в 40-х и 50-х годах XVIII в., в стройную и цельную систему, явился указ 11 февраля 1736 г., изданный в самый разгар башкирских восстаний 30-х годов. Самое его издание было подготовлено рядом представлений главного начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кириллова, сделанных им еще в 1735 г., и большинство которых в качестве отдельных положений легло в основание соответствующих пунктов этого указа. О политической физиономии их автора и общем взгляде его на Башкирию лучшее представление можно получить из того его проекта, где он самым выгодным для метрополии разрешением башкирской колониальной проблемы считал создание условий, которые привели бы к постепенному вымиранию башкирского народа.

«И без прибылых людей, — пишет он в своем доношении в Кабинет в 1735 г., — настоящее башкирское народонаселение чрезвычайно увеличивается вследствие многоженства. Башкирцы, мещеряки и ясашные, хотя и понемногу будут назначены в службу к городу Оренбургу, однако, которое время там пробудут, жены без плода останутся, а которого убьют, тот вовсе не возвратится.

---

[1] Семик (русалии) — древний русский народный праздник, посвященный поминовению умерших и справлявшийся в четверг на седьмой неделе после пасхи.

[2] В. Филоненко. Башкиры. Вестн. Оренб. учебн. окр., 1914, отд. III, № 8, стр. 298—299; С. М. Соловьев, назв. соч., кн. IV, стр. 1537, 1539.

Так исстари наблюдали эту политику во всем государстве над татарами: во время шведской, польской и турецкой войн везде их посылали пред войсками на пропажу, вменяя в службу, а на самом деле затем, что они в домах не надобны; а теперь не только здесь, но и в Казанской и в Воронежской губерниях все живут в домах и множатся, а от платежа подушного сбора, или от карабельных работ никогда не убавятся».[1]

Итак, физическое истребление в военных походах и в тяжелых условиях службы на новостроящейся Оренбургской линии и замедление естественного роста населения путем разрушения его семейного быта — вот венец той жестокой и варварской политики, которая, по мнению Кириллова, должна была способствовать окончательному слиянию Башкирского края с царской Россией. В полном соответствии с отмеченной политической линией стояли и практические мероприятия этого царского администратора. Массовое физическое истребление и сожжение целых деревень, высылка всех семейств признанных виновными башкир далеко за пределы их родины — вот та кровавая и беспощадная политика, которую Кириллов проводил в течение всего башкирского восстания 1735—1736 гг.[2]

Вся эта система карательных мер местной колониальной власти получила законодательное утверждение в специальном указе от 16 февраля 1736 г., которым предписывалось «бунтовщиков всякими мерами искоренять и жилища их разорять, а пойманных воров, пущих заводчиков, на страх другим казнить смертию, а прочих по состоянию вин, с женами и детьми ссылать в ссылку: годных в службу — в остзейские полки и во флот, а негодных — в работу в Рогервик, а малолетних ребят и женск пол для поселения в русских городех роздать, кто взять пожелает, с подтверждением, дабы на свободу на прежние их жилища отнюдь не отпускали, а оставшиеся их пожитки и хлеб отбирать и употреблять на войско и в магазейны, а лошадей отсылать в драгунские полки».[3]

Обратимся теперь к указу 11 февраля. Всем своим содержанием направленный на разгром местного управления в крае, он не случайно начинался с положений, имевших в виду использование существовавших в башкирском феодальном обществе внутренних противоречий, которые под его влиянием должны были развиться еще более. Здесь мы имеем в виду прежде всего объявле-

---

[1] С. М. Соловьев, назв. соч., кн. IV, стр. 1530—1531.

[2] См. характерное его замечание в проекте мер для успокоения Башкирии, представленном совместно с А. И. Румянцевым в декабре 1735 г.: «Башкирцы опасны не настоящею своею силою, но будущим размножением от многоженства и приплыва беглых; если бы противодействовать этому размножению, без случая мятежа, то все бы взбунтовались, а теперь легко начать с открывшихся воров: когда они будут прибраны к рукам, тогда остатки легче укротить и так в мутной воде обуздать, как в старину по Волге черемис и мордву». С. М. Соловьев, назв. соч., кн. IV, стр. 1537—1538.

[3] Тр. Оренб. учен. арх. ком., вып. VIII, стр. 26. Мат. по ист. России, изд. А. И. Добросмысловым, Оренб., 1900, т. II, стр. 200.

ние служилых мещеряков «отделенными» от башкирских феодалов, с передачей им в безоброчное, вотчинное владение тех занимаемых ими земель, которые принадлежали башкирам-феодалам, участвовавшим в восстании. Указанные земельные дачи предполагалось постепенно им отмежевать, соблюдая при этом следующий порядок их отрезки для различных разрядов самого мишарского населения: для старшин — по 200, есаулам, писарям и сотникам — по 100 и рядовым — по 50 четвертей. Следующим пунктом, составленным в том же плане, «отрешались от башкирского послушания» застарелые тептяри и бобыли, освобождавшиеся одновременно и от платежа оброков за занимаемые ими у башкирских феодалов земли, независимо от того, участвовали ли они сами в восстании или нет; только в первом случае за их вину сверх обычного ясачного платежа в казну с них взимался еще особый сбор хлебом «с сохи по четвертухе ржи и по четвертухе ж овса».

В заключительных строках того же пункта выявляется подлинный смысл всего указа: «А о новых беглецах публиковать, где пристойно, указами, дабы держатели, сколько за кем есть, объявляли в городах, а не объявя, не держали под жестоким наказанием и ссылкою».[1] Все эти требования, правда, были не новыми; они повторялись не раз и раньше, в особенности настойчиво выдвигались при Петре I в первой четверти XVIII в., но только теперь они получили всю свою силу и значение, угрожая за держание всех еще не успевших застареть тептярей жестокой карой и ссылкой.

Последующие пункты развивали еще дальше эту систему кар и стеснений, которые должны были, приведя в расстройство прежний строй внутренней жизни башкирского населения, теснее связать его с царской Россией и поставить под постоянный и непосредственный надзор местной колониальной администрации. В самом деле, выдвинутые этим указом мероприятия открывали организованный поход на весь веками установленный распорядок внутренней жизни Башкирии. Именно здесь впервые делалась попытка ударить по политической роли и влиянию в стране ее феодальной верхушки, в особенности по ее руководящей группе — тарханам. И если тарханное звание не отменялось, как первоначально проектировал Кириллов,[2] то все же политическое значение этой группы башкирских феодалов должно было значительно пошатнуться с проведением в жизнь нового порядка замещения должностей старшин и с определением в каждую волость только двух или трех старшин, без сохранения над ними власти особых главных старшин и с непосредственным подчинением их мест-

[1] ПСЗ, т. IX, № 6890.

[2] Ср. мнение И. К. Кириллова, высказанное в его декабрьском проекте 1735 г.: «между башкирцами старинные тарханы никакого ясаку не платят, должны служить, но служат они своему воровству, а не по указам и потому этот их чин вперед не надобен». С. М. Соловьев, назв. соч. кн. 4, стр. 1536.

ной колониальной администрации. Действительно, поставленная в новые условия выборность должна была свестись на практике к фактическому назначению угодных местной власти старшин из числа, главным образом, менее крупных башкирских феодалов. Они тем более приручались царской администрацией, что срок их полномочий ограничивался только одним годом. Не случайно и сам указ, объявляя об этом новом мероприятии, говорил именно об «определении выборных старшин» взамен прежних «волостных старост». Ограничивая пока эту реформу только теми башкирскими аулами, которые участвовали в восстании, правительство имело в виду использовать этим шагом внутренние противоречия в лагере местных феодалов. Но так как в этом плане реформы не были учтены сила и подлинная роль более знатных местных феодалов-тарханов, то вся намеченная реформа не удалась и была заменена другой, которая более осторожно подошла к значительному ослаблению влияния знатных и более крупных феодалов. На известном этапе развития эти феодалы оказались необходимыми и полезными для утверждения господства дворянской России в этой колонии.

В полном соответствии с этим стремлением целиком подчинить в дальнейшем все башкирское местное управление царской администрации стояло и запрещение созыва всяких башкирских собраний «без позволения городовых командиров», с оставлением за населением права лишь на один съезд в течение одного дня в семик у речки Чесноковки, где оно могло «о нуждах мирских советовать, и письменно доносить и бить челом».[1]

Те же стеснения и постоянный административный надзор распространялись теперь также и на мусульманские духовные дела. Если правительство не пошло и здесь вполне по пути, намеченному Кирилловым в декабре 1735 г., и не заменило выборных ахунов назначенными,[2] то все же весь аппарат мусульманского духовного правления был поставлен под непосредственное наблюдение местных колониальных властей и всецело подчинен им, поскольку за ними оставалось и последнее слово в деле утверждения лиц, выбранных на ахунские должности («и который ахун из них умрет, то на их места с челобитья, усматривая верности, определять»).[3] Ограничив число ахунов четырьмя, по одному на каждую башкирскую дорогу, указ обязал их «чинить особые присяги, дабы им о всяких худых поступках объявлять и не таить и никого из других вер в свой закон не приводить и не обрезывать, без указов мечетей и школ вновь не строить». Этим последним постановлением значительно сужены были оставленные за ахунами

[1] ПСЗ, т. IX, № 6890, п. 13. Мат. по ист. России, изд. А. И. Добросмысловым, т. II, стр. 193.

[2] Ср. мнение И. К. Кириллова, высказанное им в этом проекте: «если ахун умрет, то нового определять правительству, смотря по верности, а не самим башкирцам ставить». С. М. Соловьев, назв. соч., кн. IV, стр. 1537.

[3] ПСЗ, т. IX, № 6890, п. 14. Мат. по ист. России, изд. А. И. Добросмысловым, т. II, стр. 194.

связанные с их должностью полномочия, а дело открытия новых мечетей и школ в башкирских селениях зависело теперь целиком от усмотрения колониальной власти.

Параллельно с отмеченными стеснениями в том же указе 1736 г. были выдвинуты и другие мероприятия по упрочению колониального господства. Намечалось удаление из пределов Башкирии возможно большего числа наиболее активных и враждебных элементов из коренного населения, затем ослабление вековых и тесных связей башкир с родственным им татарским народом за Волгой, наконец «умножение» в крае русских людей, хотя бы из числа «ссылочных», и постройка здесь новых укрепленных городков и горных заводов.

Отсюда понятны настойчивые требования, чтобы пойманных «в воровствах» башкир не «свобождать», а отправлять в ссылку, и даже подвергнутых одному наказанию «отнюдь не освобождать, а ссылать всех, хотя б кто и в одном малом воровстве явился».[1] Мы уже видели, как указ от 16 февраля, развивая те же мысли, еще дальше расширял эти возможности. Потому же так сильно стеснялись теперь и браки башкир с казанскими татарами, разрешавшиеся только с «позволения» казанского губернатора («а кому, по прошению, в том позволено будет, у тех брать с каждой свадьбы по лошади драгунской, а кто без позволения женитца, с таких брать по три лошади драгунских, а за другую вину действительно ссылать в ссылку»).[2]

В этой системе колониальной экспансии, при стремлении возможно глубже проникнуть внутрь Башкирии, вполне понятной становится и такая мера, как снятие запрещения с продажи башкирских земель. Это запрещение было вызвано в свое время главным образом фискальными интересами казны, весьма озабоченной правильными ежегодными поступлениями ценного пушного ясака. В новых изменившихся условиях второй четверти XVIII в. оно действительно оказывалось «неполезным», но прежде всего, конечно, не башкирам, а тем помещикам метрополии, которые вместе с русским купечеством жадной стаей устремились теперь на Урал и в пределы Башкирии.[3]

В полном соответствии с этими положениями указа 1736 г. стояли и те мероприятия, которые намечались Кирилловым в декабре того же года и какие нашли свое отражение в специальном наказе, выработанном для руководства новым башкирским старшинам. Здесь мы видим и установление строгой личной ответственности старшин за своих подчиненных, и запрещение всяких, даже поаульных, собраний, и стеснение прежнего свободного передвижения населения по своей территории, с установлением специальных «пропускных писем» для проезда из одной местности

---

[1] ПСЗ, т. IX, № 6890, п. 8. Мат. по ист. России, т. II, стр. 192.
[2] Там же, п. 15. Мат. по ист. России, т. II, стр. 194.
[3] Там же, п. 16, стр. 194.

в другую, и, наконец, превращение самих старшин в подлинных полицейских агентов царизма.[1] Позднее все эти начинания получили дальнейшее свое развитие в другом подобном же наказе, предназначавшемся для главного старшины Кущинской волости Сибирской дороги и составленном уже в 1739 г.[2]

Не забегая пока вперед, обратимся к последовательному рассмотрению дальнейших систематических стеснений башкирского местного управления. Прежде всего остановимся на мероприятиях, связанных с деятельностью В. Н. Татищева (1737—1739 гг.), назначенного летом 1737 г. вместо умершего Кириллова на должность начальника Оренбургской экспедиции, переименованной в феврале следующего 1738 г. в Оренбургскую комиссию. Более мягкая по своим внешним приемам, отрицавшим излишние жестокости, эта политика по существу продолжала осуществление той же программы, проводимой даже на еще более расширенной основе. Уже первым указом от 9 июня 1737 г. намечалось дальнейшее сужение старинного обычая башкир созывать общие съезды и даже ставился вопрос о возможном упразднении известного мирского схода у речки Чесноковки, с сохранением за местными жителями права только на волостные собрания, «в каждой волости особливо о делах волостных».[3] Если в случае полной неудачи этого начинания все же допускались общие мирские сходки, то они ставились в такие условия, что от их самостоятельности ничего не оставалось. Созываемые не чаще «поодинова в году», они могли собираться только после предварительного уведомления уфимского воеводы об их созыве и утверждения им перечня вопросов, для них намеченных, при обязательном присутствии на этих сходках одного офицера с тремя солдатами и местными казаками.[4] Указ 24 февраля 1738 г., составленный в Оренбургской комиссии и обращенный к башкирскому населению всех четырех дорог, шел значительно дальше, вклиниваясь уже в самую гущу внутренних взаимоотношений в Башкирии. Если постановления указа 11 февраля 1736 г. пытались только заменить прежних старшин назначенными, не затрагивая самой организации башкирских волостей с их родовыми пережитками, то здесь удар наносился и по этим последним. «Того ради, — значилось в этом указе, — должны вы волости расписать деревнями сподряд, коего б рода во оных люди ни жили, и чтоб волости не меньше 200 и не более 500 дворов были. И оное как вы деревни распишите, те ведомости

---

[1] Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., ч. II, стр. 161—164.

[2] ЛОИИ Акад. Наук СССР, Архив гр. Воронцова, № 247, лл. 418—425 об.

[3] Башкирский краевой архив. Фонд. б. канцелярии Оренб. генерал-губернатора. Башкирский отдел. Дело 1841 г. Историческая записка о преобразовании Башкирского и Мещерякского войска (1841 г.), с обзором постановлений относительно башкир и мещеряков с 1730 по 1830 г. Разд. 2, п. «г». — ПСЗ, т. X, № 7278.

[4] Там же, разд. 2, п. «г».

подать в Уфимскую концелярию немедленно».[1] В этих немногих словах развернута целая программа нового административного управления Башкирией.

Волости, возникавшие теперь на строго территориальной основе, могли состоять лишь из определенного количества дворов. При сохранении в этом новом плане реформы власти главных старшин это приводило в некоторых случаях к подразделению фактически сложившейся новой территориальной волости на менее крупные административные единицы, команды, со своими особыми старшинами, подчиненными одному главному старшине. При таких условиях лучше обеспечивались постоянная и бесперебойная уплата возложенного на местное население ясака и исполнение им всех государственных повинностей. Но даже и в этом виде намеченную реформу не могли тогда практически осуществить. Разгоревшееся в Башкирии восстание заставило временно отказаться от проектируемого мероприятия, и к нему снова вернулись только после окончательного разгрома и подавления восставших в середине 40-х годов XVIII в.

При В. Н. Татищеве были разработаны и дальнейшие стеснения местного башкирского управления, утвержденные центральной властью уже при его преемнике кн. В. А. Урусове (1739—1741 гг.). Новый начальник опять вернулся в своей деятельности к практиковавшимся еще Кирилловым жестоким приемам подавления башкир; среди главнейших начинаний Урусова, последовательно развивавших намеченные Татищевым меры, необходимо указать на следующие: 1) ограничение коллективных прошений башкир челобитьями «от каждой волости особо, или по крайней мере от одной дороги», с запрещением впредь всяких представлений от лица всего башкирского народа;[2] 2) лишение тарханного звания всех сколько-нибудь причастных к восстанию башкирских феодалов, с прекращением в дальнейшем новых пожалований в это достоинство; 3) определение ко всем местным волостным старшинам для «вспоможения» и для «примечания» подчиненных должностных лиц — ясаулов, сотников и писарей, а в каждый аул — десятников и пятидесятников;[3] 4) составление в каждый волости точных ведомостей о количестве аулов, дворов и наличных жителей для более точного учета населения и действительного устранения всех его передвижений из аула в аул «по прихотям» и приема

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1737—1741 гг., № 108, лл. 185 об.—186.

[2] См. указ 5 мая 1739 г. Вестн. Оренб. учебн. окр., 1914 г., отд. III, № 8, стр. 298.

[3] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 247, лл. 418—419 об. При этом в целях наибольшего «примечания» писари должны были определяться из мишарей. Рукописное отд. Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, отд. IV, ПБ 44, п. 8; ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 247, л. 34 об.

каких бы то ни было пришлецов на новое житье [1] и 5) запрещение производства всяких имущественных сделок и письменных договоров без утверждения их канцеляриями царской администрации в городах.[2]

Эти мероприятия реализовались иногда не сразу. По крайней мере об этом говорит дошедшее до нас известие самих современников, относящееся к началу 40-х годов XVIII в. и утверждавшее, что «от прежде бывшего в Оренбургской и Башкирской комиссиях генералитета разные определении происходили, но многое осталось в совершенной порядок не приведенного, а иное действительным исполнением, за бывшими замешаниями и за разными окрестностями, являетца еще и не начато».[3]

Этому помешали, как видим, продолжавшиеся в Башкирии волнения, заметно осложнившие общую обстановку и несомненно затруднившие проведение всех намеченных мероприятий. Только с подавлением восстания Карасакала (в 1740 г.) перед царским правительством открылась, наконец, возможность планомерного осуществления задуманных мероприятий. Это произошло уже в годы деятельности нового начальника Оренбургской комиссии И. И. Неплюева (1742—1758 гг.), соединявшего в себе суровую и настойчивую натуру Кириллова с дипломатической изворотливостью Татищева. Весь план главнейших перемен во внутреннем устройстве Башкирии был выработан тогда в июле 1742 г. на специальном совещании в Бердской крепости вновь назначенного начальника края с уфимским вице-губернатором П. Д. Аксаковым.

Вся последующая деятельность Неплюева в значительной мере свелась к последовательному осуществлению этих решений. Остановимся прежде всего на судьбе старой башкирской волости, возглавлявшейся, как мы видели, двухстепенной восходящей лестницей местных феодалов-старшин. Еще Татищев пытался сразу покончить с нею, расписав все волости «деревнями спорядь, коего б рода во оных люди не жили», но не успел в этом направлении, так как действительное положение было гораздо сложнее, чем оно могло казаться со стороны. Но и теперь, при установившемся новом порядке замещения старшинских должностей и несомненной заинтересованности части башкирских феодалов в скорейшем создании территориальной волости, ее образование шло крайне замедленным темпом; объяснялось это тем обстоятельством, что выдвижение новых «выборных» старшин далеко не везде сопрово-

---

[1] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 247, лл. 418 об.— 419 об. Даже поездка в степь «за звериною ловлей» не могла обходиться в дальнейшем без «отпускных писем», и пойманные без таковых в первый раз подвергались наказанию со стороны обнаруживших их старшин, с отсылкой в соответственную волость, захваченные же во второй и третий раз направлялись в города для поступления с ними, «как с преступниками указов».

[2] Там же, л. 421 об.

[3] Там же, № 963, л. 374 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 146.

ждалось одновременным смещением прежних, а местами даже оставались еще главные старшины, правда, как увидим, с урезанной компетенцией.

Вполне естественно, что весь этот процесс замены прежней пережившей себя волости фактически уже слагавшейся новой территориальной волостью, несмотря на постоянное подталкивание его со стороны местных колониальных властей, растянулся еще на много десятилетий, вплоть до конца XVIII в. В самом деле, присматриваясь внимательно к тем отрывочным сведениям, которые дошли до нас в разных исторических документах, мы видим, что если, с одной стороны, действительно обнаруживаются территориальные административные волости, то, с другой стороны, оказываются существующими и волостные объединения, сохранявшие еще родовые пережитки и часто не совпадавшие с действительным размещением принадлежавшего к ним населения. Мало того, даже и в тех случаях, когда местной колониальной власти удавалось достигнуть некоторых успехов и, опираясь на так называемых «выборных» старшин, положить начало новым административным волостям на строго территориальной основе, все же случалось, что часть недовольных элементов из местных феодалов, оставаясь в пределах новых волостей, продолжала еще группироваться около своих прежних «родовых» старшин, которые могли находиться от них и на очень далеком расстоянии.[1]

Сила сопротивления в подобных случаях была, очевидно, велика, если с такими явлениями мы встречаемся еще в конце 60-х годов XVIII в. Повидимому, именно на эти характерные отношения указывает башкирский старшина Туктамыш Иш-Булатулы в своем наказе в Екатерининскую законодательную комиссию, когда сообщает, что «иные для самовольства и бесстрашного жития умышленно показывают на старшин подозрени и отходят к другим старшинам, жительствующим в дальних от них местах, и в таком случае не имея над собою страху, как состоящие от команды в дальном расстоянии, приходят в самовольство и бесстрашие».[2] Но если, таким образом, некоторые территориальные объединения возникали в результате слияния местных родственных групп с значительным количеством пришедшего к ним чужеродного населения, то, с другой стороны, можно было наблюдать и несколько иной процесс, когда подобные же, хотя несколько и меньшие по своим размерам образования появлялись посредством уже дальнейшего дробления наиболее крупных из этих новых волостных соединений; выделявшиеся при этом более мелкие единицы, так называемые тюбы, постепенно превращались в самостоятельные волости. Это происходило в тех случаях, когда в ходе экономического развития волости и развертывания внутри ее

---

[1] УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 53. Наказ в Екатерининскую законодательную комиссию от башкир Уфимского у.

[2] Там же, св. 109/11, № 528, л. 37—37 об.

борьбы отдельных групп местных феодалов рамки единой волостной организации оказывались удобными не для всех их представителей, и наиболее непримиримые из них искали всяких способов для ее разрушения. Дело начиналось с возникновения на первых порах отдельных старшинских команд внутри еще единой волости, а затем, после образования в ней специальных тюб, доходило, наконец, до полного и естественного ее распада, с выделением уже вполне сложившихся новых территориальных волостей. Повидимому, подобные явления и имеет в виду цитированный уже нами наказ Туктамыша Иш-Булат-улы, когда приводит следующие факты: «некоторые нашей братьи башкирцы, отделяясь особою партиею, малым числом, а не всею волостию, приносят жалобу на старшин, якоб в некоторых им неудовольствиях; и выбирая от своей отделенной партии, удостаивают в старшины и представляют к командам, от которых оныя и производятся старшинами по их желаниям при самом малом числе».[1]

Подобное положение вещей, естественно, не могло не задевать политических и экономических интересов крупных башкирских феодалов, обычно стоявших во главе прежних волостей. Они были заинтересованы в том, чтобы новые порядки не только не суживали, а расширяли и распространяли их экономическое и политическое господство на всех, в том числе и на чужаков, поселившихся в их волости. Поэтому вовсе не случайными являются их жалобы, нашедшие свое отражение в не раз уже цитированном наказе старшины тарханов-башкир Уфимской провинции Туктамыша Иш-Булат-улы. По крайней мере последний в своем выступлении добивался приведения этих мероприятий в полное соответствие с собственными классовыми интересами. «Просить, — читаем мы в его наказе, — чтоб у каждого старшины было в команде не менее от 200 до 300 дворов, как то и господином тайным советником Татищевым в бытность его в тамошней части главным командиром определение учинено и в данных наших башкирским старшинам указах от него господина Татищева изображено, а по крайней уже мере, чтобы у каждого старшины не менее было 100 дворов. . . , а от малого числа подкомандующих прошений на старшин в неудовольствиях не принимать. . . , а по прозьбам иных подкомандующих к дальнейшим старшинам в каманды не исключать, а ежели по закону следуют исключены быть, таковые б исключались в каманды к ближайшим их жительств старшинам».[2]

Всматриваясь ближе в эти представления и учитывая также некоторые особенности их мотивировки, можно догадываться, что помешало полному осуществлению этих притязаний в прошлом. «Происходят многие в разделении команд неустройства потому, — говорится в наказе Туктамыша Иш-Булат-улы, — что видя отдельную одну партию, которая показав неудовольствие на старшину

---

1 УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 37.

2 Там же, л. 37 об.

представит и удостоит от себя особого старшину, и на них смотря ис той же, или ис команды другого старшины возбуждающа также особого старшину удостоит от самого малого числа».[1]

Не являются ли эти хотя и отрывочные, но все же достаточно ясные известия некоторым отголоском происходившей в это время в башкирских аулах, на ряду с борьбой эксплоатируемых масс, групповой борьбы между двумя прослойками башкирской феодальной верхушки, — между знатными и часто наиболее крупными ее представителями с обычно экономически слабейшими, но более многочисленными простыми феодалами?

В этой борьбе различных групп местных феодалов следует искать и основную причину того, что смена старых волостей территориальными далеко не всегда проходила в форме, желательной для тарханной верхушки башкирских феодалов, а часто приводила к дроблению прежних крупных соединений на более мелкие со своими собственными феодалами и старшинами. Этому способствовало отчасти и вмешательство извне со стороны колониальной администрации, стремившейся, хотя и осторожно, к полному устранению всяких преимуществ главных старшин. «Главных же старшин иметь, — читаем мы в определении совещания местных царских администраторов 1742 г., — за неполезно признавается, ибо то может подать повод к лакомству и своевольству. . . и причинить через то многие трудности, за которыми обстоятельствы оных главных старшин отрешить; однако, хотя они в своей прежней силе и не будут показывать всякое приласкание, чтоб в них не возбудить противностей, ибо когда в каждую волость старшина определен будет, то оные главные без отрешения сами собою единственно в своих волостях старшинами останутся».[2]

Устраняя таким образом посредствующее звено в башкирском самоуправлении между отдельными старшинами и русской администрацией, так что впредь «каждой волостной старшина был в ведении российских командиров», это постановление самую «выборность» новых старшин взамен прежних, оказавшихся ненадежными, сводила в сущности к ловко прикрытому их назначению местными начальниками. Действительно, каждый, «кого за способного» удостаивал выбор мирских людей», не ранее мог вступить в «управление своей командой», как только после того, как он «явится наперед в Уфимской Провинциальной», а потом «в Оренбургской Губернской Канцелярии» и примет там «на пожалованный чин присягу и указ». Характерно уже самое название вверенных новым старшинам волостных территорий «командами», с чем мы раньше никогда не встречались в наших документах, и квалифицирование «мирского избрания» как пожалования в особый чин. Действительно, при новых административных поряд-

---

[1] УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 37 об..

[2] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 378—378 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 150.

ках прежняя хотя бы даже и относительная самостоятельность башкирского местного управления уже не сохранялась. Подчиненные непосредственно колониальной администрации, башкирские старшины даже и дома не чувствовали себя свободными от ее постоянного надзора и контроля, так как в лице определенных к ним писарей имели не столько помощников, сколько негласных соглядатаев того же царского правительства, обязанных напоминать им и их сотникам «о содержании указов», ежемесячно рапортовать в Уфимскую провинциальную канцелярию на ряду со старшинами о том, «все ли по указам исполняется, а особливо о верности и послушании народа», а также в случае необходимости и прямо доносить на своих старшин «со обстоятельством»; в этих целях для достижения лучших результатов писари обычно определялись из мишарей, «с платой им в год денег по 12 руб.», собиравшихся с башкир соответственной волости.[1]

Таким образом башкирские старшины в значительной мере зависели от мишарских писарей, с которыми они должны были наладить контакт, чтобы попрежнему эксплоатировать башкирский народ. Во многих случаях этого удавалось достигнуть, раз «выбранные» старшины оставались на своих постах «беспеременно по их смерть»; лишь те, кто «оказывался в явном неисправлении и противных поступках», лишались этой должности еще при жизни, по истечении даже самого короткого срока.[2] В тех же целях наибольшего подчинения этих старшин ведению колониальной администрации к ним «по случаю челобитчиских дел, или иных каких мирских прошений» придавали еще «русских добрых людей, с надлежащим наставлением, дабы чрез них над теми старшинами смотрение иметь, потребные сведения получать».[3]

В конечном итоге все старшины должны были постепенно превратиться в послушное орудие царского правительства и его представителей на местах, в той или иной степени осуществляя на практике те его предписания, которые так подробно были разъяснены еще в наказах 1736 и 1739 гг. и хотя в сжатой форме, но с достаточной убедительностью повторены еще раз в позднейшем наказе 1745 г. В этих условиях было вполне естественно, рассчитывая на поддержку некоторых классовых группировок местного населения, не обострять с ними отношений, а наоборот, использовать их для вернейшего достижения поставленной задачи. Так, нам кажется, следует объяснить, почему в этот момент ранее поднятый вопрос об отмене тарханства был снят с очереди и даже самая постановка его считалась нецелесообразной. Больше того, было признано необходимым сохранение тарханства даже за такими

---

[1] УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/II, № 528, лл. 36—37; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 164—165.

[2] Рукописное отд. Гос. публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина, отд. IV, ПБ 44, п. 13; ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 247, л. 31.

[3] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 378 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 150.

феодалами, о которых было заведомо известно, что они «бунтовали или в бунте сообщниками были». Расчет этот в некоторой степени оправдался дальнейшим ходом событий. В данное же время такая политика устраняла излишние затруднения при том последовательном ограничении значения старшин, о котором мы уже говорили. Те же соображения заставили, очевидно, внести существенный корректив и в прежнюю постановку вопроса об освобождении тептярей и бобылей. Мотивируя свой маневр в этой области опасением «изобидить» верных башкир, сравняв их несправедливо с участниками восстания, правительство ограничивало снятие башкирского оброка с тептярей только теми категориями их, которые жили «на воровских землях».[1] Позднее, в 1747 г., в несколько других условиях правительство снова вернулось к исходным позициям, опять провозгласив безусловную свободу всех тептярей и бобылей от всяких платежей за все без исключения занимаемые ими у башкирских феодалов земли. Однако при данной политической обстановке, хотя бы и в качестве временной меры, этот своевременно сделанный шаг сыграл свою роль, облегчив сближение с царской властью местной феодальной верхушки.

Конечно, недовольство в известной части башкирских феодалов новым направлением колониальной политики в Башкирии имело место, так как они, естественно, не собирались итти так далеко за царскими колонизаторами, как этого от них хотели, но все же им не так уже легко было теперь добиться единодушного и открытого выступления в защиту своих интересов. Возможность подобного протеста со стороны этой части башкирских феодалов затруднялась, главным образом, тем обстоятельством, что в эти же годы в ряду начинаний, содействовавших сложению и укреплению новой территориальной волости, царское правительство провело в Башкирии еще одно мероприятие, которое не могло не быть выгодным для башкирских феодалов, создавая им новые, более удобные условия для эксплоатации подвластного населения. Мы имеем в виду проведенное административным порядком твердое прикрепление башкир к их волостям, в которых они проживали, с запрещением в дальнейшем свободных переходов из волости в волость и из аула в аул.

Еще наказы 1736 и 1739 гг. предлагали эту меру как необходимую в практике нового внутреннего устройства Башкирии с возложением на старшин строгого наблюдения за тем, чтобы в подчиненные им аулы «ниоткуда и никаких пришлецов без указов не принимать и отнюдь не селить под жестоким штрафом, также и из деревень в деревни по прихотям на житье не переводить и к тому не допущать» и чтобы без их «ведома и не взяв про-

---

[1] Тогда же, в 1742 г., это ограничение было распространено и на соответственные категории мишарей. ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 380—380 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 152.

пускных писем никому в другие волости не ездить».[1] Однако полностью это начинание было осуществлено не ранее 40-х годов XVIII в., когда определением местных властей от 10 июля 1742 г. строго была запрещена всякая отлучка башкир «без пашпортов от своих старшин из домов», а самый срок действия паспортов внутри Башкирии был ограничен всего лишь 30—40 днями.[2] С этими мероприятиями, важнейшими в колониальной политике царизма в это время, волна закрепощения несомненно уже широко захватывала Башкирию.

Прежде чем переходить к характеристике дальнейшей деятельности царского правительства в этом направлении, остановимся несколько на отдельных конкретных фактах, чтобы нагляднее представить, к чему в конце концов свелась роль башкирских старшин в разгромленном местном самоуправлении, каков был круг тех вопросов, которые были предоставлены их ведению, и, наконец, какие обязанности одновременно с этим были на них возложены. Эти обязанности отличались особенной многочисленностью и разнообразием; мы встречаем среди них целый разработанный арсенал подлинно полицейской власти. Вот их общий перечень. Это прежде всего выполнение всех предписаний правительства по сбору ясака, поставке подвод, наряду на линейную службу и по отбыванию других повинностей, лежавших на их подчиненных. Далее следовали: 1) наблюдение за настроениями и действиями своих подвластных в целях своевременного устранения всяких «скопов и худых согласей, злых намерений и возмутительных слухов»;[3] 2) сохранение в строгой тайне всех секретных поручений колониальных властей; 3) недопущение укрывательства среди башкир беглых солдат и крестьян; 4) постоянный надзор за мусульманским духовным управлением и 5) общий присмотр за происходившей в башкирских селениях торговлей и за соблюдением всех относящихся к ней законов.[4]

В полном соответствии с этими полицейскими обязанностями все старшины были снабжены и разносторонним аппаратом карательных мер, начиная от денежных штрафов, наказаний плетьми и батогами и кончая содержанием в заключении и «в колодках». В противоположность этому достаточно широкому кругу полномочий роль старшин в области судопроизводства — как и вообще компетенция местного суда — была значительно сужена, в особенности в сравнении с прежними, принадлежавшими им, правами. Так, напр., утверждение всякого рода имущественных сделок и

---

[1] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 247, л. 419—419 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 161—162.

[2] Там же, № 963, л. 386 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 156.

[3] Там же, № 963, л. 386 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 156.

[4] Там же, № 247, лл. 418—425 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 161—165.

договоров «в наеме и поступке земель и всяких угодий» было уже изъято из их ведения и передано в соответственные провинциальные канцелярии, Уфимскую и Исетскую, смотря по местожительству заинтересованных сторон. Также скоро стала забываться и прежняя практика присутствия в судах специальных выборных от местного башкирского населения, и наоборот, начинает применяться новая система привлечения в них в некоторых случаях «русских добрых людей». При таких обстоятельствах круг вопросов, оставленных в ведении местных башкирских судов, сводился по существу только к так называемым малым делам, компетенции весьма узкой и к тому же также часто нарушавшейся.[1] Это были обычно мелкие ссоры, драки, тяжбы, «завладение» чужой вещью насильственным путем, при убытке, не превышавшем 50 коп., «неплатежи» долговых денег и тому подобные дела, разрешавшиеся часто в порядке третейского разбирательства; при этом и подобные правонарушения, если они повторялись не один раз одним и тем же лицом, рассматривались уже непосредственно в русских провинциальных судах. В их же ведении находились все «разбойные, татинные и смертно убивственные» дела.[2] Из прочих в ведомстве местных, но уже мусульманских духовных судов ахунов и мулл были оставлены только разбирательства по семейным разделам и наследствам. Но при этом последние были также поставлены под крепкое и двойное «смотрение» как со стороны собственных старшин, так и местных колониальных властей, чтобы «от них никаких противностей происходить не могло».[3] Одновременно под общее подозрение взяты были не только муллы, но и абызы, вся вообще грамотная и сколько-нибудь образованная часть населения, «ибо в прежних замешаниях, — читаем мы в мотивированном правительственном постановлении 1742 г., — довольно усмотрено, что такие мохаметанские духовные и грамотные люди пущими ворами и злодеями были».[4]

Вполне возможно, что для достижения соответственного политического результата применялись также те средства, которые еще в свое время предлагал И. К. Кириллов: «магометанских духовных, которые попадутся хоть в малой вине, надобно, не щадя, наказы-

---

[1] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 247, л. 421 об.; Мат. по ист. России, т. I, Оренб., 1900, стр. 209.

[2] Равным образом здесь же разбирались «партикулярные ссоры» между отдельными старшинами, которым было запрещено впредь, «чтобы они сами между собою насильством управлялись». ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 387; № 247, л. 420—420 об.; С. Ф. Ташкин. Инородцы Поволожско-приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии, Оренб., 1921, стр. 247—248; УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 36 об.

[3] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 2, док. № 4; ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17; ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 383 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 155.

[4] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 383 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 155.

вать и ссылать не только из Уфимского, но из Казанского и других уездов, потому что простые татары в них, как в пророков веруют и они привлекли их к себе воздержным житьем и в вере утверждают и умножают. При том можно бы из них лучших ученых от их мечетей школ и простого народа отлучать для переводов и толмачества».[1] В полном соответствии с этими мероприятиями против мусульманского духовенства и вообще наиболее образованной части башкирского народа усиленно проводилась в эти годы и политика, выдвинутая тем же Кирилловым, возможного стеснения всяких, в том числе, конечно, и культурных, связей Башкирии с родственными ей казанскими татарами. Ведь не случайно, что в ряду мероприятий, предложенных к исполнению указом 11 февраля 1736 г., часть которых подвергнулась смягчению со стороны неплюевской администрации,[2] совершенно нетронутыми остались именно затруднения, созданные им в браках башкир с казанскими татарами. Столь же последовательно проводилась та же кирилловская политика и в вопросе о внедрении в пределы Башкирии русского элемента, с соответственным ослаблением местного коренного и пришлого населения из числа различных нерусских народностей. Главным источником этого русского заселения края являлись беглые крестьяне и ссыльные и уже в меньшей степени — отставные унтер-офицеры, солдаты и драгуны; из-за первых местной администрации пришлось выдержать даже некоторую борьбу с центральной властью, закончившуюся, однако, указом 27 июня 1744 г. в основном в ее пользу. В тех же целях она добилась в 1746 г. и другого сенатского указа, по которому всех непомнящих родства повелевалось отправлять для поселения в Оренбург, где они получали землю и освобождались на три года от всяких сборов и рекрутской повинности.[3] Не было отступлением от этой политики и изменение в карательных мерах, которые были выдвинуты тем же

---

[1] С. М. Соловьев, назв. соч., кн. 4, стр. 1531—1532.

[2] К числу их относились, напр., постановления о ношении оружия и о содержании кузниц, которые были признаны недостаточно целесообразными и трудно осуществимыми на практике. В новой редакции они были формулированы в более осторожной и ограниченной форме. Так, первое из них свелось только к запрещению огненного оружия и панцырей, с мотивировкой такого решения неразумностью полного разоружения башкир в тот момент, когда они стали широко использоваться для военных надобностей на оренбургской линии и затруднительностью фактического проведения его в жизнь при наличии у населения собственного и еще незапрещенного ремесла по производству из железа разных изделий. Той же затруднительностью фактического наблюдения за исполнением мотивировался отказ от категорической формы и во втором постановлении — о кузницах в башкирских селениях, запрещение которых признавалось теперь излишней тягостью для населения и сводилось в дальнейшем лишь к ограничению их количества тремя на каждую дорогу. ЛОИИ Акад Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, лл. 381—382; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 158.

[3] С. В. Ешевский. Очерк царствования Елизаветы Петровны. Соч. по русск. ист., М., 1900, стр. 129—130; В. И. Витевский, назв. соч., стр. 482—491; Н. Чернавский. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем, вып. I. — Тр. Оренб. учен. арх. ком., вып. VII, Оренб., 1900, стр. 54—56.

Кирилловым и сводились к нередким массовым высылкам многих обвиненных башкир далеко за пределы их родины. В данном случае это было только маневром, учитывавшим изменившиеся обстоятельства. Вся Башкирия считалась в это время огражденной со всех сторон многими крепостьми и поселенными военными людьми, и поэтому подобные ссылки признаны были излишними и единственно допустимыми только при повторных «татьбах и воровстве».[1]

«Башкирцы, — читаем мы в определении местных колониальных властей 1742 г., — в рассуждении могущих иногда на всякое чаяние от киргиз-кайсаков, зюнгорцев и других тамошних степных народов случится неспокойств с пользою употреблены быть могут, вместо того, чтоб русских по состоянии тех мест с великим затруднением употреблять».[2] Другим подобным же маневром было то кажущееся отступление от той же политики усиления в крае нерусского населения, которое сделала тогда неплюевская администрация, разрешив переселиться из Казанского уезда сразу 200 семьям татар во главе с Сеитом Халялиным. Это произошло в 1741—1745 гг. и сопровождалось образованием недалеко от Оренбурга Каргалинской слободы или Сеитовского посада. Переселившиеся татары получили даже право устроить у себя мечеть, которая пользовалась в свое время большой известностью, так как «бо̀льшие и лучше, как сказывали, во всей Казанской губернии не было». Через 15 лет после первоначального поселения число татар достигло здесь 1158 душ мужского пола, с количеством дворов около 300.[3] Повидимому, тогда же, под влиянием сильных религиозных стеснений в Поволжье, сюда переселился и известный Абдусселям Урай-улы, учитель мишарского муллы Батырши, живший ранее в Казанском уезде и содержавший медресе в ауле Ташкичу, недалеко от Менгера, в 50—60 км к северо-западу от Казани по Алатской дороге.[4] Здесь этот политический маневр был вызван специальными соображениями не менее настоятельной необходимости развития через этих переселившихся татар тесных и выгодных торговых связей с среднеазиатскими странами.

В этом устремлении через Башкирию в глубину Средней Азии, где за торговым проникновением чувствовались уже и военные захваты, естественно заключались и другие, не менее планомерные и систематические мероприятия по окончательному подчинению этого края царской феодально-крепостной России. Действительно, цель всех начинаний этого периода, выявлявшихся

---

[1] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 382 об.; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 153.

[2] Там же.

[3] Н. Чернавский. Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем, вып. 1. — Тр. Оренб. учен. арх. ком., вып. VII, Оренб., 1900, стр. 56.

[4] Асар, т. 1, ч. II, Оренб., 1901, стр. 42; Марджани. Мустафа-дулэхбар, т. II, Казань, 1900, стр. 127.

как в постройке крепостей по Оренбургской линии, так и в устройстве внутри страны ряда укрепленных городков с расположением в них военных отрядов, сводилась именно к тому, чтобы обеспечить себе здесь свободный и безопасный тыл для дальнейшего проникновения в пределы Средней Азии. Плохо прикрытая, эта агрессивная политика военно-феодальных захватов была достаточно ясной и понятной всякому сколько-нибудь чуткому и внимательному наблюдателю современных событий. Она скоро была разгадана и культурными представителями местных народностей в лице мишарского муллы Батырши, полностью раскрывшего всю ее программу в своем воззвании к мусульманскому населению края накануне восстания 1755 г. «Цель у них такова, — читаем мы в этом характерном документе, — полностью подчинив себе киргиз-казаков, день ото дня втискиваться в их среду и строить на их землях крепости и кирпичные постройки, и [таким образом] сделать их побежденными и порабощенными так же, как они поступали с людьми Уфимского уезда. И сколько ближайших мусульманских городов они хотят разрушить, как Ташкент и Бухару, а мусульман тамошних покорить и разъединить тем же способом, как они поступили с нашим благоустроенным городом Булгар».[1] Батырша фиксирует здесь внимание на определенном этапе этой колониальной политики, когда, укрепив за собой Башкирию, она устремлялась уже к дальнейшим захватам за Яиком, прежде всего в соседнем Казахстане. Это подчеркивание было со стороны Батырши вполне последовательным, так как основная деятельность по закреплению Башкирии за царской Россией и окружение ее цепью военных укреплений проводились ранее данного момента, еще в 40-х годах и в самом начале 50-х годов XVIII в.

Прежде всего на новом месте и окончательно был обоснован Оренбург, центр управления всем краем; затем началась спешная постройка ряда крепостей, которые вместе с прежними образовали сплошную полосу укрепленной военной границы, начиная от Гурьева на Каспийском море и кончая Звериноголовской крепостью, на стыке Оренбургской линии с Сибирской (в 1743—1753 гг.).[2] Еще задолго до окончания этих укреплений, в 1744 г., из вновь освоенной территории, вместе с Уфимской и Исетской провинциями, а позднее также с землями яицких казаков и ставропольских калмыков была образована новая Оренбургская губерния, с поручением ее начальнику пограничных дел и сношений с соседними казахскими племенами и с перенесением центра управления из Самары в Оренбург.[3] В том же 1744 г., всего за две недели

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317.

[2] В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 276—278; 289—292.

[3] Губерния была образована 15 марта 1744 г., а присоединение к ней яицких казаков и ставропольских калмыков произошло 16 апреля того же года. Одновременно с открытием новой губернии в состав ее была включена и часть территории Казанского уезда к востоку от Закамской линии. Ср. Атлас Российской, изд. Акад. Наук, СПб., 1745, карты №№ 9, 12—13, и Оренбург-

до утверждения новой губернии, рассматривался в Сенате и получил полное одобрение другой проект, так называемый «запасный план» И. И. Неплюева, имевший отношение к тому же заново устраиваемому краю. Сущность его сводилась к новому распределению местных вооруженных сил и использованию их против казахских орд не одним сплоченным корпусом, а несколькими самостоятельными отрядами, с разных сторон охватывавшими противника. С этой целью вся пограничная линия должна была быть разделена на 5 частей, с опорными пунктами в каждой из них; такими являлись следующие основные участки с сосредоточенными на них регулярными и нерегулярными войсками: 1) у Яицкого городка, 2) у Оренбурга, 3) у Орска, 4) по р. Ую и 5) у Сибирской линии.[1] Вот в связи с этим «запасным планом» и вообще с устройством Оренбургской линии и развернулась тягостная для башкир политика вмешательства во весь внутренний распорядок их жизни.

Само по себе привлечение башкир к несению военной службы на вновь образованной Оренбургской линии, что имелось в виду неплюевским проектом, не представляло чего-либо необычного для башкирского населения. Их тарханы, напр., всегда были обязаны этой службой, а в некоторых чрезвычайных случаях, как хотя бы в период петровских походов, к ней призывались и ясачные башкиры, получая, однако, за это денежное и хлебное жалованье. Между тем, в данном случае это вознаграждение отсутствовало, и отрываемые от своих семейств ежегодно, с ранней весны на все лето до глубокой осени, башкиры должны были выполнять эту обязанность «каждый о дву конь на своем собственном содержании», без всякой поддержки со стороны правительства, претерпевая крайнюю нужду, так что иные, «имея в содержании себя недостаток, принуждены все и имеющееся при себе оружие и лошадей продавать и в домы пешие с великою нуждою и в глубокую зиму возвращаться».[2] Тяжесть этой повинности усугублялась еще тем, что кроме несения ее башкиры привлекались одновременно к ряду посторонних и зачастую совсем не предусмотренных служб: подводной гоньбе, разным разъездам, «партикулярным услугам к тамошним командирам» и другим подобным обязанностям. Для еще большего их унижения всех этих башкир, почитаемых, по собственному их выражению, за скот, лишали собственных начальников в выставляемых ими отрядах и подчиняли специальным походным старшинам из мишарей.[3]

По «запасному плану» Неплюева, в состав Оренбургского корпуса, который комплектовался из трех регулярных полков (одного конного и двух пехотных), 1000 донских казаков, 500 миша-

---

ская губерния с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и «Топографии» Рычкова 1755 г., изд. Оренб. отд. РГО, Оренб., 1880, карты №№ 1, 3 и др.

[1] В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 685—687.

[2] УЦГАЛ. Архив. Гос. совета, св. 109/11, № 528, лл. 43 об.—44.

[3] Там же, лл. 40 об.—43, 44.

рей, 300 ясачных татар, от 300 до 500 ставропольских крещеных калмыков и от 3000 до 4000 казанских татар, приписанных к адмиралтейским работам, башкиры должны были выставлять ежегодно не менее 2500 человек. Число это в действительной практике, повидимому, значительно превышало эту цифру, так как колониальная администрация часто рассматривала эту службу не столько как отбывание башкирским населением необходимой военной повинности, сколько как удобное средство отвлечения его от возможных выступлений против новых порядков, вводимых в стране. Еще определение местных властей 1742 г., намечавшее для этой цели также 2500 чел., считало нужным подчеркнуть, что, привлекая башкир «под видом службы» к разным разъездам и посылкам, «хотя б в том и дальней нужды не было», не следует никогда останавливаться перед тем, чтобы при известных обстоятельствах этот наряд и увеличить, «смотря по состоянию времени» и «доколе они к нынешним вводимым порядкам заобыкнут».[1] Тем самым раскрывались почти все карты, с очевидностью обнаруживая, что вся эта крайне тягостная повинность часто не вызывалась действительными нуждами обороны края, а служила для местной администрации лишь ловким прикрытием для постепенного политического обезоружения башкирского народа. В конечном итоге вся масса сопровождавших эту службу побочных обязанностей, соединенных еще с постоянными издевательствами над беззащитным населением, доводила все хозяйство башкир до крайней степени нищеты и всеобщего разорения.

В том же направлении в неменьшей степени действовала и усилившаяся в эти годы эксплоатация башкирского населения со стороны собственных феодалов. Мишарские и тептярские трудовые массы, подобно башкирским, испытывали в это время также двойную эксплоатацию. При этом она мало ослаблялась объявленным освобождением их от зависимости у башкирских феодалов, так как в действительности объявление этой «свободы» оказывалось лишь определенным маневром царизма в сложной и опасной для него политической обстановке и почти совсем не сопровождалось обещанным наделением населения отнятыми у башкир землями. Незначительно выиграла от этой политики только феодальная верхушка мишарей, которая несколько расширила свои владения за счет земель, отписанных у башкир, участников восстаний. В таких условиях особенно чувствовалась вся тяжесть новых повинностей и налогов, которые были наложены на мишарское население. Значительные тягости обрушились тогда же и на тептяро-бобыльскую группу, которой совсем еще недавно,

[1] ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, лл. 384 об.—385; Памятн. кн. Уфимской губ. на 1873 г., Уфа, 1873, ч. II, стр. 160.; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 685—686; ср. П. И. Рычков, Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 64, где для второй половины 50-х годов XVIII в. размер этого наряда определялся в количестве около 1500 чел. башкир вместе с мишарями.

в 1736 г., было обещано полное «отрешение от башкирского послушания», т. е. от всякой подчиненности башкирским феодалам.[1] Мы прежде всего имеем здесь в виду наложение на мишарей в 1747 г. на каждый их двор особого 25-копеечного ясака, с одновременным сохранением за ними же прежней, еще более усиленной, обязанности по отбыванию военной службы.[2] В том же году специальным и еще более повышенным налогом были обложены и тептяри с бобылями, платившие ранее куничный и денежный ясак, включая сюда подымные и ямские сборы, всего 49 коп. со двора, с соответственным его снижением для наименее мощных хозяйств. Между тем новый налог, помимо вообще большей своей величины (80 коп. вместо 49 коп.) собирался уже не подворно, а особо с каждой податной души, тем самым более чем вдвое повышая свою тяжесть для обложенного населения. На ряду с таким повышенным обложением сохранялась еще и более тягостная повинность, возложенная на тептярей с бобылями в связи с организацией Оренбургской линии. Она заключалась в обязанности каждое лето наряжать в крепости и в самый Оренбург на различные работы по 1 человеку с каждых 8 дворов, что составляло в эти годы в среднем 707 человек.[3] Наконец, нелегким бременем на скудный и без того достаток этих социальных низов Башкирии ложилась еще уплата специальной конской пошлины, не распространявшаяся на башкир, но имевшая также отношение и к мишарям. Тяжесть ее усугублялась тем, что отданная на откуп откупщикам она на практике открывала возможность для новых притеснений, «разорения» и разных «приметок».[4]

Если все сборы и повинности взыскивались с этого населения с настойчивой последовательностью, то, наоборот, противоположные мероприятия правительства — о практическом осуществлении объявленного освобождения от феодальной зависимости мишарских трудовых масс и тептярей с бобылями, с соответственным предоставлением тем и другим земель прежних их хозяев-феодалов, — оставались почти без всякого движения. Единственно, чего добились мишари, это измерения подлежащих передаче им башкирских земель, что далеко не всегда вело за собой фактический отвод этих земель в их распоряжение. Тептяри же с бобылями часто не достигали и этого, и если им иногда отводились небольшие участки, то последние нередко оказывались мало удовлетворительными

[1] ПСЗ, т. IX, № 6890, п. 2.

[2] ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II. УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1748 г., № 156, лл. 4 об., 19; дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 590—591 об.

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1748 г., № 156, лл. 4 об., 19; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 425—426; П. И. Рычков. История Оренбургская, изд. 1896 г., стр. 82; см. позднейшие сведения у С. Ф. Ташкина, назв. соч., стр. 212 (в это время, в 60-х годах XVIII в., число подобных наряжаемых на работы тептярей колебалось в количестве от 800 до 1000 чел. ежегодно).

[4] С. Ф. Ташкин, назв. соч., стр. 209—210.

или совсем никуда не годными, — местом, которое, по поданным ими жалобам, было «гористое, каменное и болотистое».[1] Часть этих получивших собственные земли тептярей, добившихся таким образом действительного и полного «отрешения от башкирского послушания», устраивалась своими особыми аулами с собственными старшинами. Но, как показывают документы, относящиеся к восстанию 1747 г., многие из них, не добившиеся этого, еще тогда оставались в прежнем положении, входя в башкирские волости и подчиняясь попрежнему их старшинам; некоторые же, даже в 60-х годах XVIII в., платили кроме того, «не нарушая прежних договоров», и обязательные оброки башкирским феодалам.[2]

Так утрачивалось всякое значение указа 1736 г. и обнаруживалась все ярче его подлинная политическая сущность, как определенного маневра царизма, воспользовавшегося им в своих целях: с одной стороны, это было средство натравливания пришлого населения на башкир, с другой — подготовительное мероприятие для последующего введения тептяро-бобыльского налога. В результате такой политики, ничего не сделавшей для урегулирования взаимных отношений среди местного населения, положение крайне запутывалось, порождая постоянные земельные споры и столкновения, тем более естественные, что в сущности ничего не было предпринято даже для простого учета количества земель, продолжавших еще находиться в распоряжении участвовавших в восстаниях башкир. Эта полная земельная неурядица, ограниченная лишь запрещением новых поселений на башкирских землях, была выгодна только царизму, который пользовался этими взаимными спорами для дальнейшего упрочения своего положения в Башкирии. Такая колониальная политика в области поземельных отношений поддерживалась здесь царским правительством до второй половины XIX в.[3]

Неудивительно, что повторный политический маневр царизма по отношению к тептярско-бобыльской группе, проведенный в 1747 г., накануне нового ее обложения подушным налогом,[4] был сразу же ею разгадан, и недовольство, подготовленное всей политикой царских администраторов, привело в это время к волнениям, выразившимся в ряде неповиновений и сопротивлений пра-

---

[1] С. Ф. Ташкин, назв. соч., стр. 198.

[2] УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 50.

[3] Башкирский краевой архив. Фонд Канцелярии оренб. ген.-губернатора. Башкирский отдел. Дело 1841 г. Историческая записка о преобразовании Башкиро-Мещерякского войска (с обзором постановлений, касающихся его, с 1730 по 1830 г.), разд. 2, п. «д»; С. Д. Рудин. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет, Пгр., 1915, стр. 211—212.

[4] Мы имеем в виду указ 8 апреля 1747 г., которым возвещалось безоброчное наделение всех тептярей и бобылей пашенными землями, занимаемыми ими у башкирских феодалов, с обязательством остальными отхожими угодьями, как-то лесом, бортями и т. п., пользоваться только в порядке найма. ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 963, л. 348.

вительственным агентам на местах.[1] Не случайно, что тептяри с бобылями были в данном случае поддержаны и некоторой частью мишарей, имевших к этому свои основания в связи с наложением и на них, как мы видели выше, давно им не известного ясака. Но не встретившие совсем поддержки со стороны башкир, коренного населения края, эти волнения были быстро ликвидированы колониальной властью. Таким образом быстрая ликвидация волнений была достигнута в значительной мере путем удачного использования местных национальных и социальных антагонизмов, но отчасти этому же помогла и общая подавленность страны, не успевшей еще сколько-нибудь оправиться после кровавого террора, сопровождавшего подавление восстаний 1735—1740 гг.

В начале 50-х годов XVIII в. в колониальных методах окончательного подчинения Башкирии появился ряд новых моментов, которые в своей совокупности настолько накалили общую атмосферу недовольства и крайнего возбуждения внутри страны, что все данные для возникновения нового движения против царской России были налицо. Общие условия для такого движения оказывались тем более благоприятными, что одновременно та же встречная волна протеста как будто поднималась и с другого берега Камы. Она питалась, с одной стороны, систематическими преследованиями на почве религии, с другой — невыносимым гнетом многочисленных налогов и повинностей, среди которых особенную ненависть вызывала так называемая корабельная работа местных народностей, приписанных к адмиралтейским лесам.[2]

Обратимся же первоначально к тем новым безотрадным явлениям, которые переживала Башкирия в начале 50-х годов XVIII в. Среди них особенно чувствительной для башкирского населения было усилившееся в эти годы строительство заводов, сопровождавшееся массовым расхищением башкирских земель. Начатое, правда, значительно раньше, еще в петровское время, когда стали появляться здесь первые крупные заводы, оно широкой волной разлилось по стране только в данный период, захватывая главным образом юго-восточную часть Башкирии. Этому много способствовало объявление еще в середине 40-х годов полной свободы частной предприимчивости в деле развития горной и горнозаводской промышленности края, с одновременным устранением при этом всякой конкуренции со стороны государственных казенных предприятий. Первым заводом, возникшим на башкирской земле в порядке этого нового направления в правительственной политике, было предприятие, основанное симбирским купцом И. Б. Твердышевым,

---

[1] В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 424—439.

[2] Мы имеем в виду назревавшее здесь еще в 1748 г. большое восстание казанских татар, не осуществившееся вследствие раннего его обнаружения местными колониальными властями. — Центральный Военно-исторический архив. Дело общего Архива Главного штаба по секретному повытью, св. № 10 (с перепиской т. сов. Неплюева по предосторожностям от бунта казанских татар); ср. В. Н. Витевский, стр. 845—848.

при содействии его братьев Якова и Петра и симбирского же купца Ивана Мясникова. Так возник в 1745 г. Воскресенский медный завод в районе Табынска, по существу являвшийся возобновлением прежнего строительства, начатого еще в 1736—1737 гг., но затем совершенно заброшенного; новый завод был построен только несколько дальше указанного города, от которого он раньше отстоял всего лишь в 10 верстах. За ним последовали: в 1746—1747 гг.Назе-Петровский железный и в 1748 г. Преображенский медеплавильный заводы. Последний из них был основан теми же купцами-колонизаторами южной Башкирии — И. Б. Твердышевым и Ив. Мясниковым.[1] Вся же остальная масса как медеплавильных, так и железных заводов края была воздвигнута или находилась в разгаре стройки именно в начале 50-х годов XVIII в. Ниже приводится хронологическая таблица с указанием возникновения этих заводов, уже самым своим количеством говорящих о том впечатлении, какое они должны были производить на местное население, сразу лишавшееся массы своих земель, расхищавшихся этими новыми промышленными предприятиями.[2]

Не случайно поэтому, что во время восстания 1755 г. часть этих заводов с особенной силой испытала на себе всю еще не остывшую ненависть к заводчикам — захватчикам земель — со стороны восставших башкир, а самое движение охватило главным образом юго-восток Башкирии.

Ту же еле скрываемую злобу вызывали среди местного коренного населения и новые захваты земель для устройства военных укреплений; хотя эти захваты начались несколько ранее, но их последствия только теперь сказывались во всей силе. В самом деле, если расселение четырех ландмилицких и двух драгунских полков вдоль линии новых укреплений, намеченное еще в 30-х годах, фактически проводилось в 40-е годы, то образование на южной территории Башкирии особого Оренбургского казачьего войска путем перевода сюда из Самары и Уфы (с 1743—1744 гг.) самарских и уфимских казаков, с нарезкой им нередко крупных земельных участков, происходило уже в значительной степени в рассматриваемое последнее пятилетие перед восстанием 1755 г. Так, первоначальный штат Оренбургского нерегулярного корпуса,

---

[1] В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 645—653; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 399. По другим известиям, время основания Преображенского завода относится к 1750 г. ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова, № 570, л. 125.

[2] Там же, стр. 650—654. П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., стр. 400—402; ЛОИИ Акад. Наук СССР. Архив гр. Воронцова. Лексикон географический П. И. Рычкова (1777 г.), № 461, л. 32 об.; там же, № 570, лл. 7, 23, 30, 49, 97, 173 и др.; УЦГАЛ. Фонд Комитета министров. Журн. Комитета министров от 14 VII 1836 г. с соответственным к нему приложением — лл. 180об., 381—382; Ю. Гессен. История горнорабочих России до 60-х годов XIX в. т. 1, М., 1926, стр. 79—80. Быстрый рост заводов в Южной Башкирии вызвал даже открытие в 1754 г. в г. Уфе специального Оренбургского горного правления, которому и были подчинены все эти вновь возникшие предприятия.

№№	Годы возникновения	Наименование заводов	Фамилии и звания владельцев	Местонахождение предприятия
1	1751	Канонникольский медн.	Тульские заводчики И. и М. Мосоловы	На р. Кане (на Ногайской дороге)
2	1751	Иштеряковский медн.	Купец Иноземцов	На р. Баиряше (в Мензелинском районе)
3	1751—1752	Златоустовский железн.	Бр. Мосоловы	Первоначально на рр. Сатке и Куваше, позднее на р. Ай (на Сибирской дороге)
4	1751—1752	Богоявленский медн.	Симбирские купцы И. Б. Твердышев и Ив. Мясников	На р. Усолке (на Ногайской дороге)
5	1752	Верхне-Троицкий медн.	Балахонский купец И. Осокин	На р. Кидаше, притоке Б. Ика, впадающего в Кану (на Казанской дороге)
6	1752	Каслинский медн.	Н. Демидов	Оз. Касли (Зауральская Башкирия)
7	1752—1753	Архангельский медн.	Тульские купцы бр. Красильниковы	На р. Шаране, впадающей в р. Сюн, приток р. Ика (на Казанской дороге)
8	1753—1754	Архангельский медн.	И. Б. Твердышев и Ив. Мясников	На р. Аксыне, притоке р. Белой (на Ногайской дороге)
9	1754—1755	Покровский медн.	Ген.-фельдмаршал граф А. И. Шувалов	В верховьях рр. Б. и М. Ика (на Ногайской дороге)
10	1754—1755	Вознесенский медн.	Граф К. Е. Сиверс	На р. Иргизле, впадающей в р. Белую (на Ногайской дороге)
11	1754—1755	Верхне-Авзяно-Петровский железн.	Граф П. И. Шувалов и кол. асс. К. Матвеев	На р. Авзяне, впадающей в р. Белую (на Ногайской дороге)

основного ядра будущего казачьего войска, был утвержден Сенатом лишь 22 июля 1748 г. Еще позднее, в 1753 г., в указе Военной коллегии появилось впервые наименование этого корпуса «Оренбургским нерегулярным войском», и только в 1755 г. образовано было само Оренбургское казачье войско в 1000 человек и со специальными штатами и положением, предусматривавшим доведение его численности до 5877 чел.[1]

В эти же годы, на ряду с указанными земельными хищениями, башкиры впервые познакомились и с новой обременительной повинностью, связанной с содержанием почтовых станов или ямов, обходившейся им не в одну тысячу рублей ежегодно. Первоначальное постановление об устройстве этих почтовых трактов как внутри Башкирии, так и в ее пограничной полосе было принято Оренбургской губернской канцелярией 17 марта 1750 г., а указом 4 сентября следующего 1751 г. оно уже было утверждено и официально доведено до всеобщего сведения. Таким образом начало практического проведения в жизнь этой новой повинности падает как раз на первую половину 50-х годов XVIII в. О ее размерах и тяжести сами башкиры отзывались в 1755—1756 гг. следующим образом: «что де они от содержания тех почтовых станцей по необыкности своей несут не малое себе изнурение, яко де принуждены дорогими ценами нанимать и оные почтовые станции содержать, так что каждая де пара в год станет во 100 и во 120 рублев, а по всей де Башкирии состоящих станции приходят им башкирцам в великой кошт».[2] Поэтому понятно, почему в восстании 1755 г., начатом нападением на «каменотесца» Брагина, повстанцы одновременно поспешили разорить и Сапсальский ям, быстро приведя затем в полное расстройство весь Исетский, или так называемый Троицкий почтовый тракт. Недаром также впоследствии в своих представлениях в Екатерининскую законодательную комиссию то же башкирское население просило «всемилостивейшего указа, чтоб оные почтовые станцы с нашего башкирского народа повелено было снять, а содержать оные ис казны».[3] О том же ходатайствовало и прочее население края — мишари и новокрещеные мордовцы.[4]

В 1754 г. ко всей совокупности этих систематических стеснений и захватов, до последней степени накаливших общую атмосферу возбуждения в Башкирии, присоединилось еще одно мероприятие, само по себе не выходившее из ряда других подобных же явлений, но на фоне постоянных издевательств и злоупотреблений сыгравшее уже роль последней капли, переполнившей чашу давно накопившейся и с трудом сдерживавшейся общей ненависти и открытого политического протеста. Мы имеем здесь в виду сенатский

---

[1] Н. Чернавский, назв. соч., стр. 80—81.

[2] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената, дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 589, 611, 655.

[3] Там же, Арх. Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 45.

[4] Там же, Арх. Гос. совета, св. 109/11, № 529, л. 57 об., № 539, л. 121 об.

указ 16 марта 1754 г., которым была запрещена прежняя свободная и «безденежная» (необлагаемая налогом) добыча соли из местных соляных месторождений, заменявшаяся в дальнейшем обязательной ее покупкой из казны по 35 коп. за пуд.[1] Мера эта сопровождалась, правда, одновременным снятием ясака с башкирского и мишарского населения, но это было только ловким политическим ходом, мало компенсировавшим в действительности новый нанесенный ущерб. В самом деле, в то время как общий размер ясака, собиравшегося в то время с башкир, мишарей и живших вместе с ними татар, определялся в 4392 руб. $65^1/_2$ коп., доход от новой монополии с илецких соляных промыслов обещал казне не менее 14—15 тыс. руб. ежегодно.[2] Отсюда понятно то крайнее возбуждение, которое переживала Башкирия в связи с этим нововведением и каковое так красочно изобразил позднее Батырша в своей записке императрице Елизавете.[3]

В следующей главе мы подробно остановимся на этом состоянии башкирского и мишарского населения накануне восстания, здесь же только добавим ко всему сказанному, что в общем раздражении, накопившемся к этому времени против царского господства, свою роль сыграли также и религиозные стеснения, связанные с насильственным крещением части мусульман, правда, не получившие в Башкирском крае того широкого распространения, как в соседнем Поволжье, но все же достаточно заметные в местных условиях. Соответственные сведения об этом имеются у нас как для 40-х, так и для начала 50-х годов XVIII в., правда, часто отрывочные и трудно поддающиеся обобщению; но уже самый факт существования в это время в Башкирии специального центра, где происходило обращение «иноверцев» в христианство, находившегося в Нагайбацкой крепости, с параллельными данными о религиозных насилиях в Исетской провинции со стороны сибирского митрополита Сильвестра, еще недавно руководителя Новокрещенской конторы в Поволжье, говорят о том, что насильственное крещение несомненно применялось и среди местного башкирского и пришлого населения.[4] И, конечно, Батырша в своей записке никогда так долго не останавливался бы на религиозных стеснениях мусульман, если бы при этом не были задеты соответственные интересы наиболее ему близкой группы населения, когда «многих наших мещеряков, — как сообщал ему старшина Муслим, — и 10 домов наших башкир со

---

[1] В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 619—625.

[2] Там же, стр. 623—625.

[3] ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17; ч. I, лл. 376—437.

[4] Ведомость о крещеных иноверцах Казанской и Тобольской епархий в 1741—1742 гг. и в 1752—1753 гг.—УЦГАЛ. Дело Канцелярии синода 1741 г., № 507, лл. 11—12 об., 13 об.; 1751 г., № 30, л. 32. См. также указ 20 февраля 1744 г. о нестроении башкирских мечетей близ селений новокрещеных иноверцов (ПСЗ, т. XII, № 8875) и данные о роли и значении специального центра крещения иноверцев в Башкирии, находившегося в Нагайбацкой крепости (В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 443, 446).

всеми их семействами в соседней нам Салжугутской волости заставили отступить от своей веры», и когда «одного вора, укравшего шубу, отправили в сопровождении сына попа к тобольскому архиерею и подвергнули разным насилиям».[1] Но было бы неправильно, основываясь на этих фактах и сопоставляя их с массовыми религиозными стеснениями в Поволжье, считать, как это делалось некоторыми прежними исследователями, что все восстание 1755 г. возникло под влиянием пропаганды татарских мулл, старавшихся использовать Башкирию для своих целей защиты ислама и каких-то сепаратных замыслов казанских татар.[2] Восстание нельзя также рассматривать как только ответное движение на земельные захваты заводской и военной колонизации и уже тем более как протест против одного лишь установления казенной продажи соли. Последнее обстоятельство несомненно послужило непосредственным поводом к выступлению, но ни в какой степени и никогда не могло быть главной и основной его причиной. Мало также сказать, что все стороны правительственной деятельности в крае, и экономическая в особенности, породили это движение. В частности, было бы совершенно неверным думать, что оно возникло именно в результате работы неплюевской администрации, которая создавала значительное недовольство в Башкирии, но одна не могла, конечно, подготовить восстание. В действительности, настоящие причины движения были гораздо более сложными, и оно выросло под воздействием всех тех факторов, которые резко изменили к этому времени общую обстановку в стране.

В самом деле, в середине XVIII в. Башкирия несомненно переживала переломный период своей истории, когда при сохранявшихся еще родовых пережитках ясно определился процесс проникновения в жизнь новых отношений и когда вслед за ним все усиливался политический гнет метрополии и росла и крепла эксплоатация местного населения смыкавшимися с царизмом собственными феодалами. В таких условиях восстание 1755 г. явилось как бы первой и отчаянной попыткой оказать сопротивление этому растущему закрепощению, причем впервые в практике башкирских волнений удар был сразу направлен как против колониального гнета со стороны метрополии, так и против эксплоатации собственных феодалов.

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] Н. Фирсов. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869, стр. 432; С. В. Ешевский. Очерк царствования Елизаветы Петровны. Соч. по русск. ист., М., 1900, стр. 128.

ГЛАВА II

ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ 1755 г.

Первые проявления нараставшего возбуждения обнаружились в Башкирии еще летом 1754 г. и находились в тесной связи с недовольством, вызванным опубликованием указа 16 марта того же года, запретившего свободную и «безденежную» добычу соли из местных соляных месторождений. Проведение в жизнь этого нового весьма стеснительного для местного населения постановления уже на первых порах встретилось с большими затруднениями, вытекавшими из общего несогласия с ними «всех, от мала до велика, мусульман Оренбургской губернии».[1] В дело были пущены все средства, не исключая прямых запугиваний, насилий и даже плохо прикрытой провокации, чтобы только добиться хотя бы внешней видимости всеобщего одобрения нового мероприятия. Так, по словам Батырши, для скорейшего достижения поставленной цели со всеми несогласными старшинами нисколько не церемонились: «некоторых из них обругали, некоторым надавали пощечин, а некоторым вырвали бороды»; и видимо, признавая все эти способы воздействия слишком поверхностными и мало вразумительными, не ограничивались ими, широко практикуя целый арсенал других, уже определенно провокаторских, мероприятий: «то забирали в крепость, то отпускали домой, то опять забирали и опять отпускали, еще раз забирали в крепость и отпускали домой, [и этим] изводили и чинили огорчения до тех пор, пока не обнаружатся ли за ними порочащие их деяния, или слова, или какое либо прекословие, и тогда де они, устрашившись, будут согласны».[2] Так это глухое сопротивление растянулось на все лето и осень 1754 г. и было сломлено только с наступлением зимы, когда в Уфу прибыл мурза А. И. Тевкелев. Направленный сюда со специальной целью добиться полного примирения местного населения с новым указом, он сравнительно быстро достиг внешнего подчинения, использовав средства прямого давления на последних еще сопротивлявшихся новому начинанию башкирских старшин.

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] Там же.

Во всей этой краткой истории начального возбуждения в Башкирии весьма характерно далеко не одинаковое поведение местной феодальной верхушки. Это с несомненностью указывает на то обстоятельство, что при всем сращивании интересов господствующих классов обоих народов, особенно усилившемся в данный период, все же заметная группа башкирских феодалов не склонна была до конца итти одной дорогой с российским метропольным помещиком. Та же особенность сказалась и позднее, в ходе самого восстания, когда при всей его заостренности сразу и против колониальных захватчиков и собственных эксплоататоров-старшин все же некоторая часть этих последних не осталась в стороне от движения и приняла в нем деятельное участие. Очень возможно, что среди этих сопротивлявшихся и позднее без колебания примкнувших к восстанию башкирских старшин и сотников, помимо самых низших слоев башкирских феодалов, заметную роль играли также остатки старой феодальной знати, уцелевшей после кровавого подавления восстаний 1735—1740 гг., но значительно ослабевшей в политическом своем значении в связи с разгромом местного башкирского управления в 40-х годах XVIII в. Правда, не следует думать, что они в подавляющем своем числе, почти все, примкнули к восстанию, но во всяком случае те из них, которые это сделали, оказались далеко не пассивными участниками общей борьбы. В роли же прямых и последовательных агентов царской колониальной власти, ее «пособников», по выражению Батырши, в обоих случаях выступали главным образом средние слои местных феодалов, которые выросли в своем общественном значении при непосредственном содействии неплюевской администрации и поэтому особенно были связаны с нею своими интересами.

Растущее недовольство и общее возбуждение в Башкирии летом и осенью 1754 г. не ограничивалось рамками глухой борьбы вокруг так называемого соляного вопроса. Все вокруг с несомненностью говорило о близости восстания, и общая обстановка как нельзя более благоприятствовала этому. Повсюду слышались постоянные жалобы на все увеличивающиеся тягости, происходили возбужденные разговоры о несправедливости властей, и наконец, ясно чувствовалось с трудом сдерживаемое всеобщее раздражение по отношению ко всему аппарату колониального управления в Башкирии, не исключая и самой его верхушки в лице верховной власти падишаха. «Эти беспорядки и тягости, чинимые неверными, башкир что ли не доняли или мещеряков. Да эта отрава у всех нас вот где сидит», — так суммировало в это время свои раздраженные чувства угнетенное население Башкирии по отношению к своим угнетателям. Подобное состояние умов уже делало неизбежным новое восстание. «Если они оскорбляют нашу веру, насильно обращают нас в свою веру, меняют повинности, которые мы несли по обязательству с прежними падишахами, и разоряют наше достояние и имущество, — говорили башкиры, — давайте и мы, оскорбив их веру, призовем в свою веру и разорим их имущество; тогда

и наши вести дойдут до падишаха и суть наших дел будет разобрана с полнотой и со справедливостью».[1] От подобных разговоров нетрудно было перейти к первым практическим мероприятиям по подготовке самого восстания. Последнее тем более становилось неизбежным, что общая атмосфера общественного возбуждения достигла в это время высшего напряжения, и без грозы дело не могло уже обойтись. Подавленное тяжестью новых налогов, повинностей и религиозных стеснений,[2] выведенное из всякого терпения постоянными насилиями и издевательствами со стороны даже мелких служилых людей,[3] башкирское и мишарское население давно уже глухо роптало и негодовало на все эти порядки, ожидая впереди еще большего ухудшения своего положения.

В таких условиях всякий сколько-нибудь правдоподобный слух о надвигающихся дальнейших стеснениях получал в этой среде видимость полной истины и доводил общее возбуждение до последней предельной черты, незаметно переводя его накопившуюся энергию в действенную практику назревавшего восстания. То же, повидимому, произошло и с упорно распространявшимися в то время по Башкирии слухами о подготовляемом переводе всего ее населения в подушный оклад и о введении среди него рекрутской повинности. И без того возбужденное до крайности захватами их земель под новопостроенные крепости и заводы, отяготительной военной службой на линии, заново возложенной на них почтовой повинностью и лишением их прежней свободы передвижения, местное население, боясь дальнейшего расширения колониального гнета, приходило в негодование и искало выхода в активном сопротивлении. Так, постепенно втягиваясь в открытую борьбу с царской властью, башкиры, а за ними мишари, еще летом 1754 г. начали спешно готовиться к новому восстанию.

Хотя идейным руководителем всего этого движения являлся человек, вышедший из среды мишарского населения, все же и здесь главную и основную массу его участников составляли, как и в прежних восстаниях, башкиры. Новым было только то, что на этот раз, в противоположность восстаниям 1735—1740 гг., башкирских повстанцев готовы были поддержать также и мишари, так что с самого начала все движение подготовлялось на значительно расширенной базе. Это новое обстоятельство не было простой случайностью; оно находило полное объяснение в тех изменившихся условиях, в каких оказалась Башкирия в сере-

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] Эти религиозные стеснения преломлялись в реальной действительности двойным образом: и как непосредственные религиозные преследования, сопровождавшиеся принудительным крещением мусульман, и как новый подрыв материального благосостояния и без того разоряемого населения. Ср. Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 3; ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17, 18 об.—35 об.

[3] См. примеры этих насилий и издевательств в записке Батырши. — ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., ч. II. лл. 1—17.

дине XVIII в. и о которых нам уже приходилось говорить выше. Все более убеждавшиеся на собственной практике в подлинной сущности официальных обещаний царской власти, подвергавшиеся вместе с остальным башкирским населением новому усиленному гнету со стороны метрополии, мишарские трудовые массы теперь находили с трудящимися башкирами общий язык протеста против надвигавшейся на Башкирский край новой и широкой волны закрепощения.

Главный и основной очаг будущего восстания начал складываться в Башкирии на Ногайской дороге еще в самом начале лета 1754 г. На первый порах этот очаг складывался независимо от агитационной деятельности мишарского муллы Батырши, которая развернулась как здесь, так и в других районах страны несколько позже. Вполне возможно, что даже самое ее возникновение произошло под непосредственным впечатлением образования этого повстанческого центра. Дело началось с усиленной подготовки башкирами боевого оружия и тайных пересылок со Средней Казахской Ордой для заключения с нею дружественного соглашения. Позднее, при несомненном и непосредственном участии Батырши, от этого основного очага нити тайного сговора стали распространяться и по другим районам страны, связывая постепенно общим согласием различные волости башкир также на Сибирской и Осинской дорогах. В значительной мере его же усилиями была втянута в эти переговоры и часть соседних мишарских аулов, среди населения которых очень скоро стали поговаривать, что «если окрестные башкиры поднимутся, то и мы поднимемся».[1] И если в своей официальной записке императрице Елизавете Батырша по вполне понятным причинам постарался всячески затушевать эту сторону своего поведения, сведя всю начальную свою деятельность к роли простого наблюдателя событий, то все же действительное ее значение с достаточной ясностью восстанавливается путем сопоставления его отдельных, ненароком брошенных замечаний с некоторыми показаниями его учеников перед различными следственными органами царской администрации.

Общее настроение протеста захватило в это время и татар Каргалинской или Сеитовской слободы под Оренбургом, часть которых в лице молодого своего поколения, главным образом, очевидно, из числа ремесленников, а не купцов, даже готова была к совместному выступлению заодно с башкирами. И если старики еще колебались, высказывая мнение «хорошо, коли потом народ не разорят», то молодежь, «упражняясь в стрельбе из лука», открыто заявляла: «мы вот так будем простреливать неверных и объединимся с башкирами».[2]

Вряд ли было бы справедливым думать, что подобная же тесная связь установлена была в это время башкирами также

---

[1] ГАФКЭ. Фонд. Гос. архива. Разр. VIII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] Там же.

с казанскими татарами, хотя все обстоятельства этому и благоприятствовали. По крайней мере в нашем распоряжении нет достаточных данных для такого утверждения, если не считать очень неопределенных в этом отношении показаний ясачного татарина Исмагила Апке-улы и мишара Урускула Ислан-улы, сделанных ими в Уфимской провинциальной канцелярии. Уже не говоря о том, что правдоподобность сообщенных ими фактов была отвергнута позднее Исмагилом при новом его допросе в Тайной канцелярии, действительность их не подтвердилась и после тщательного специального расследования, произведенного официальным порядком в Казанском уезде.[1] Между тем все утверждения прежних исследователей о предварительном сговоре Батырши и восставших башкир также с казанскими татарами основывались только на этих неопределенных сведениях. Но высказывая сомнение в предварительном соглашении башкир с казанскими татарами, мы этим вовсе не хотим отрицать, что имелись благоприятные условия для такого соглашения и что к нему несомненно стремились обе стороны, хотя оно не получило практического осуществления.

Из других местных групп, которые были частично втянуты в общие переговоры накануне восстания, с известной вероятностью можно говорить лишь о ясачных татарах, удмуртах и мари, проживавших главным образом на территории Уфимской провинции.[2]

Намеченное первоначальное на май 1755 г.[3] движение должно было начаться с юго-востока, с волостей Ногайской дороги, соседних с Казахской Ордой, и, постепенно развиваясь, охватить всю Башкирию до крайних северо-западных ее районов. В дальнейшем, с вовлечением в борьбу широких масс местного населения, мыслилось, очевидно, территориальное его распространение также и в пределы Казанского уезда, с привлечением к нему казанских татар. По крайней мере, на это мы имеем некоторое указание в воззвании Батырши к башкирам, мишари и ко всему мусульманскому населению Приуралья, выпущенном им накануне восстания. «Около 5000 или более несчастных в Казанской губернии, Казанского уезда, а также Симбирского и Свияжского уезда, дойдя до крайности и потеряв терпение, вследствие принуждения и при-

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, лл. 192—196; ч. II, лл. 248—288 об.; ч. III, лл. 172—183 об. и др.; УЦГАЛ, Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 831—834 об., Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 438. Еще в меньшей степени можно воспользоваться для этого показаниями мишарей Мир-Рахмета Акмет-улы, Ахмера Кучук-улы, Ибрагима Тимур-Гази-улы, данными ими также в Уфимской провинциальной канцелярии, так как все сообщения их являются дословным повторением соответственной части допроса Урускула Ислан-улы. К тому же все трое из этих мишарей во время следствия над ними в Тайной канцелярии категорически отвергли все подобные сведения, как приписанные им Уфимской канцелярией.

[2] Там же, лл. 1—20 об., 59—64, 209—210; ч. III, лл. 271—272.

[3] Там же. См. здесь соответственное указание на это в письме, полученном Батыршей в марте месяце 1755 г.: «Затем объявляется, что понимать сей стих [корана] начнут в конце месяца Близнецов» (т. е. в конце мая. *А. Ч.*)

теснения со стороны нечестивцев-русских, — читаем мы здесь, — признали веру тех нечестивцев-русских. Некоторые из них с сердцем спокойным в вере, т. е. укрепив сердца верой, ждут, когда же мусульмане поднимут руки на неверных; ради исламской религии они готовы жертвовать своей головой и жизнью. Будем стараться об освобождении этих несчастных, которые находятся в таком жалком и печальном положении».[1] Возможность этого соединения двух единоверных народов, одинаково относившихся с ненавистью к угнетавшей их колониальной системе управления, была, повидимому, настолько реальной угрозой, что, как мы увидим ниже, заставило центральное правительство поспешить с рядом существенных уступок казанским татарам, чтобы только не допустить присоединения их к восставшим башкирам.

Однако не это освобождение томящихся в неволе единоверцев и не борьба за защиту ислама были главным стержнем той политической программы повстанцев, которая так ярко и полно была развернута в воззвании Батырши, несмотря на все его богато изукрашенное внешнее религиозное оформление. Присматриваясь ближе и внимательнее к общему ее характеру и к отдельным ее положениям, нетрудно заметить, что она по существу старалась удовлетворить основным требованиям всего местного населения края. Так, в ней одинаково нашли отражение как общие протесты против стеснения мусульманской религии, так и специальные жалобы башкир, мишарей, местных татар и казахов на стеснившие их новые порядки: одних на ограничение местного управления и обременение их налогами и повинностями, других на надвигавшееся и на их степи колониальное порабощение. В качестве же первоначальных требований, под знаменем которых развертывалась и самая борьба, выставлялось прежде всего требование отмены недавно изданного указа о запрещении свободной и «безденежной» добычи соли из местных соляных месторождений, дополненное одновременным пожеланием освобождения всего населения от платежа ясака и фуражного налога. За этими же представлениями разворачивалась уже целая программа постепенного полного разрыва с царской Россией и устройства своей жизни на независимых началах. Так, мы видим здесь отказ от несения военной службы, отправлявшейся башкирами и мишарами, и «лопатничей» работы, выполнявшейся главным образом тептярями и бобылями, и наконец, подводной повинности, лежавшей одинаково на тех и других; здесь же мы встречаемся и с определенным призывом к сопротивлению дальнейшему устройству на башкирских землях заводов и крепостей. Наконец, в соответствии с этими же лозунгами стояло и основное требование всей программы, провозглашавшее полное освобождение страны от царской власти. Свое яркое выражение это требование нашло в следующих словах воззвания: «Разобьем тех

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел, Башкирские дела, 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317.

нечестивцев русских и отбросим, изгоним их из наших земель. Воздвигнем мечети и медресе на наших землях и будем радеть об укреплении нашей веры, веры ислама».[1]

В том же плане полного разрыва с феодально-крепостной Россией расценивали восстание 1755 г. и башкиры-повстанцы Бурзянской волости, которые в своем письме к командиру Кизылской дистанции майору Г. Д. Назарову определенно представляли свой поступок как прямой выход из русского подданства. «Божиею волею, — писали они, — отбыли от всемилостивейшей государыни ис подданства, осердясь затем, что видели многие нужды от ябедников, от воров судей».[2]

Так, за внешней религиозной оболочкой, во всем этом движении явно выступала его политическая сущность общего протеста против всей системы колониального господства царской России в Башкирии. Идеологическое же выражение его в религиозной форме было вполне понятным, так как «выступление политического протеста под религиозной оболочкой, — по словам В. И. Ленина,— есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития».[3]

При таких целях восстания очень важно было заручиться возможно более крепкой поддержкой со стороны казахских племен, чтобы иметь не только вполне обеспеченный тыл для свободного развития повстанческих действий, но и использовать казахов как союзников в самой борьбе и в случае необходимости, после неудачного исхода движения, искать в их кочевьях спасения. Отсюда понятно, почему еще с осени 1754 г. начались переговоры с казахами Средней Орды башкир Бурзянской волости. В этих переговорах, поддерживавшихся и позже, уже во время самого восстания, со стороны башкир принимали участие их руководители, подготовлявшие движение, в том числе и некоторые башкирские феодалы, примкнувшие к восстанию. При этом как руководители башкирского движения, так и некоторые представители казахской знати, очевидно, не раз обменивались посланцами. Этот факт подтверждается некоторыми документами, но, к сожалению, по ним трудно установить персонально участников переговоров с обеих

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317. При таком содержании программы, изложенной в воззвании Батырши, нам кажется, нет оснований рассматривать ее только как выражение идеологии местного духовенства, особенно если принять во внимание условия, при которых был написан этот документ. Как видно из подробной собственной записки Батырши 1756 г., он приступил к составлению воззвания только после предварительного личного ознакомления с настроениями местного населения на Ногайской и Сибирской дорогах и по получении необходимых дополнительных сведений из других районов. ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756, № 1781, ч. II, лл. I—17.

[2] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, л. 1099—1099 об.

[3] В. И. Ленин. Соч., изд. третье, т. II, стр. 520.

сторон. Во всяком случае несомненно, что мулла Батырша не принимал в них непосредственного участия, хотя в его воззвании и отведено такое заметное место разъяснению общности интересов обоих народов — башкирского и казахского.

Характерно и то, что еще до провокационной политики, использованной Неплюевым по отношению к казахам осенью и зимой 1755 г., в этом воззвании уже была предугадана как самая ее возможность, так и ее основная цель, заключавшаяся в стремлении надолго поссорить между собою оба народа и тем устранить их одновременные и согласованные выступления против царского господства в Башкирии и Казахстане. «Цель их при этом такая, — говорилось в воззвании Батырши, — полностью подчинить их (казахов) себе, а нас, оставив посредине, день ото дня исключительно притеснять и сеять среди нас вражду. Или же, подстрекнув нас к войне с тем казахским народом и пролив нашу кровь, в будущем свести на нет дружбу и мир между нами и тем народом; а также, сея между нами раздор, разрушить то сочувствие и доверие, которое существует между нами и тем народом».[1] Трудно было бы смелее сорвать маску с царской колониальной политики в то время, чем это было сделано в данном случае, и вместе с тем яснее и нагляднее показать действительную общность интересов башкирского и казахского населения.

Ранней весною 1755 г. первый подготовительный этап восстания в основном был пройден: к движению несомненно склонились башкиры Ногайской, Сибирской и Осинской дорог, местами к ним готовы были присоединиться мишари и ясачные татары Уфимского уезда, а на крайнем юго-востоке, как следствие, повидимому, происходивших переговоров, начались первые выступления против царских властей казахов Средней Орды. Так, еще зимой 1754—1755 гг. некоторые казахские роды владения султана Аблая самовольно перешли р. Иртыш и в поисках корма для своего скота перегнали его со степной на жилую сторону этой реки. Попытка обратного оттеснения их за Иртыш не увенчалась успехом и сопровождалась столкновением их с посланными драгунами, которых они избили, угрожая, что и людей из крепостей не будут выпускать, сено сожгут и воды из Иртыша не дадут.[2] Эти «наглые» по квалификации местных колониальных властей казахские переходы, «во многолюдстве и с великими табунами», на внутреннюю сторону линии к верх-иртышским крепостям продолжались и в дальнейшем, вплоть до самой весны 1755 г., сопровождаясь, как и вначале, ссорами и драками казахов с русскими командами, посылавшимися для сгона их скота обратно за р. Иртыш.[3] Но при

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317.

[2] Указ Военной коллегии от 31 янв. 1755 г.—И. И. Крафт. Сборник узаконений о киргизах степных областей, Оренб., 1898. Приложения, стр. 41—43; Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 382.

[3] Указ Военной коллегии от 4 мая 1755 г.; И. И. Крафт, назв. соч., стр. 42—43.

всем том эти действия казахов еще не были настоящим восстанием, которое произошло позже и при иных обстоятельствах.

По мысли Батырши и других вдохновителей восстания, действительный план ближайших непосредственных действий, которыми должно было начаться восстание, или, как говорили сами повстанцы, их война против царской России, строился на совершенно иной последовательности событий. Сигнал к выступлению должны были повсюду дать башкиры, а все остальное население края, как, напр., мишари или казахи, втягивалось бы в движение позднее, как необходимый и вспомогательный резерв для наиболее верного достижения успехов. Здесь, конечно, учитывалось и то обстоятельство, что некоторые из местных групп, как мишари и тептяри, далеко не во всех районах были одинаково настроены в пользу немедленного выступления и заметно колебались, соразмеряя свои силы. Весь расчет при таких условиях был построен на том, что в случае удачного начала будет нетрудно перетянуть на свою сторону всю эту массу колеблющихся элементов, и поэтому главной задачей являлась умелая подготовка первых решительных ударов по противнику. В этом отсутствии достаточного числа надежных союзников, на которых можно было бы положиться с самого начала восстания, заключалась, конечно, его слабая сторона, но уже то обстоятельство, что его инициаторам удалось все же связаться с разными группами местного населения и от некоторых из них получить даже заверение в ближайшей поддержке, говорило уже о большом успехе. Последний, при всем наличии углубленных классовых противоречий в стране, был в значительной мере облегчен на этот раз, в противоположность 30-м годам XVIII в., успевшими уже сказаться к этому времени результатами усиления гнета царской колониальной политики. Это именно она дала возможность снова найти общий язык башкирам с мишарами и местными татарами и мари и теснее их сблизила с соседними казахами. Если некоторая часть мишарей, очевидно их феодальная верхушка, по словам Батырши, все еще сохраняла «взгляды и убеждения нечестивцев», стараясь «наносить мусульманам обиды», то мишарские трудовые массы в той или иной форме выражали уже свою готовность оказать необходимую поддержку; то же обнаруживалось, как мы указывали выше, и со стороны части каргалинских татар из числа ремесленников, а не купцов.[1]

Подчеркивая этот начавшийся опять складываться объединенный фронт всего населения Башкирского края, мы совсем не хотим доказать этим наличие какого-то сглаживания классовых противоречий в стране по сравнению с предыдущим периодом 30-х годов XVIII в. Наоборот, восстание 1755 г. представляется нам из всех башкирских волнений XVII и XVIII вв., происходивших до пугачевского движения, таким выступлением, где наиболее ярко

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317; ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

сказались все противоположности отдельных социальных групп, существовавших в это время в Башкирии. Более того, это восстание важно еще тем, что в нем впервые в истории Башкирии обнаруживается тенденция к соединению с самого уже начала антиколониального протеста с выступлением восставшего населения против некоторых, наиболее эксплоатировавших его, собственных феодалов.

Повидимому, именно этих местных эксплоататоров имел прежде всего в виду Батырша под теми лицемерами, которые сохраняли «взгляды и убеждения нечестивцев» и по отношению к которым он вполне разделял выброшенный в то время лозунг: «прежде всего начнем священную войну и борьбу с теми лицемерами, потому что они среди нас [причина] распри».[1] Если в прежних восстаниях угнетенные массы поднимались против некоторых собственных эксплоататоров только в случае активного их присоединения к правительственной стороне и в процессе уже развившейся внутренней гражданской войны, то теперь они старались расправиться с наиболее ненавистными из этих феодалов уже в самом начале. Стоит хотя бы привести известные нам из практики этого движения примеры убийства восставшими башкирами собственных старшин: в Гайнинской волости Абдука Куджагул-улы и в Бурзянской волости вновь назначенного к ним из мишарей Абдуллы Вагапа, попытки убийства в Бурзянской же волости старшины Каршинской волости Шарыпа Мрякова и заранее же задуманное намерение убийства мишарского старшины Сибирской дороги Яныша Абдуллы-улы.[2] В трех из указанных случаев, помимо прямой связи этих старшин с царскими колониальными властями, причиной подобного отношения к ним являлась несомненно и крайняя эксплоатация ими подвластного им трудового населения. По крайней мере относительно Абдука, Шарыпа и Яныша подобное утверждение вполне оправдывается точными данными, как уже приведенными выше, так и фигурирующими в пространной записке Батырши и в следственном деле о начальнике Кизылской дистанции майоре Г. Д. Назарове.[3]

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317.

[2] Там же, № 2, лл. 80 об.—240 об. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756, № 1781, ч. II, лл. 75, 90; ч. IV, л. 50; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, л. 74.

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг.; № 1594, лл. 1096—1099 об.; ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II., лл. 1—17. В данном случае на примере Яныша хорошо выявляется политическое значение подобных социальных фигур как постоянных и послушных агентов царизма; при этом специально по отношению к Янышу обнаруживается, что в этой роли он начинает выступать очень рано, последовательно исполняя ее и в башкирских восстаниях 1737—1740 гг., во время волнений мишарей и тептярей в 1747 г., и, наконец, в движении 1755 г. Центр. военно-историч. архив. Фонд общего архива Главн. штаба по секретному повытью. Дело № 130—133, л. 45—45 об.; Витевский, назв. соч., стр.433—437.

При такой новой тенденции, наметившейся в этом восстании, естественно, что в нем впервые обнаружились и стремления к созданию объединенного фронта восставших прежде всего путем сближения между собою социально родственных угнетенных групп местного населения. Но эти весьма интересные стремления требовали для своего укрепления более длительного промежутка времени, чем то, которое им было предоставлено во время движения 1755 г. Этим до крайности затруднялась работа тех, кто ставил себе задачей возможно полное вовлечение в борьбу всего эксплоатируемого населения края. Батырша Али-улы был вполне прав, когда, обращаясь к мусульманам Приуралья, признавал большим успехом и счастьем, достигнутым накануне восстания, одинаковое понимание большинством из них стоявшей перед ними задачи и взаимное обещание их оказывать друг другу необходимую и незамедлительную помощь. «Мусульмане, которые столько лет не могли объединиться и поведать друг другу тайны, теперь объединились, — говорилось в воззвании, — не упускайте этого удобного случая и счастья и не теряйте его!.. Ибо пока сговоримся и назначим сроки вторично, будет много раздоров».[1]

Односторонний характер сохранившихся источников по истории Башкирии в XVIII в. не позволяет нам в данном случае выяснить с необходимой точностью существовавшую в стране накануне восстания расстановку основных классовых сил. Все же несомненно, что в только что указанных условиях общей обстановки единственно прочной, движущей силой всего восстания могла быть только широкая масса непосредственных мелких производителей самого башкирского народа, выделившая еще в начале борьбы, на ряду с частью последовавших за ними старшин, и специальных вождей из собственной среды. Такими были, повидимому, в Гайнинской волости Акбаш и Мустай, на Ногайской же дороге Джилан-Иткул, Акынчак и Кучук-бай.[1]

Сила же поддержки общего движения со стороны низших социальных слоев мишарского населения, естественных и несомненных союзников восставших башкир, значительно ослаблялась тем обстоятельством, что эта новая их политическая позиция была слишком еще недавним образованием, чтобы рассчитывать на действительно серьезное испытание уже в настоящих надвигавшихся событиях. Отсюда неизбежные колебания и постоянное оглядывание по сторонам, общая неуверенность и обязательная обусловленность начала своих активных действий первыми успехами повстанцев. Если известная часть мишарей готова была вступить в борьбу сейчас же за поднявшимися башкирами, то большинство ограничивало свою роль только сохранением до времени доброжелательного нейтралитета. В том же, повидимому, положении по отно-

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, л. 58; ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, л. 271, ч. IV, лл. 60—60 об., 276.

щению к движению находились в это время и тептярско-бобыльские массы населения.

Зато определенно несочувственную и даже враждебную по отношению к восстанию позицию занимали крупные и средние по своему значению башкирские феодалы и мишарские старшины. Большинство из них или совсем осталось в стороне от восстания или даже прямо сомкнулось с правительственными войсками (как, напр., старшины Шайла Кулумбет-улы, Илиш Унаш-улы, Якуп Чинмурза-улы, Шериф Кийик-улы и др.).[1] Из этой феодальной верхушки башкирского народа в лагере сторонников восстания, как исключение, оказались лишь те обломки старой феодальной знати, которые были наиболее задеты административной реформой в Башкирии, и в особенности те из них, которые лишились при этом прежних старшинских должностей. Очевидно, уже позднее, под давлением собственных подчиненных и подталкиваемые к тому же безудержным произволом местных колониальных агентов, к общей борьбе на стороне повстанцев примкнули также в очень незначительном количестве и башкирские феодалы из средних слоев, представители которых выдвинулись к власти в значительной мере при помощи царской администрации. В этих условиях использования движения как последней попытки для удержания своих утрачиваемых политических и социальных позиций не случайно было, напр., участие в рядах повстанцев таких башкирских феодалов, как батыря Мурата и Роймана, «знатных башкирцев доброй природы» Аптрака и Девлетея Атангул-улы, и, наконец, детей известного в свое время батыря и тархана Алдара. Возможно, что к числу их следует отнести также двух старшин Бурзянской волости, одного отставного — Алкаша Сююндюк-улы и другого, занимавшего свою должность еще в момент восстания, Бик-Булата Аркай-улы.[2]

Но на ряду с этими фактами участия отдельных представителей башкирской феодальной знати в восстании хорошо известны и противоположные факты, лишний раз подтверждающие, что в целом крупные башкирские феодалы стояли в стороне от общего движения. Назовем хотя бы таких их представителей, как старшин-тарханов Баима и Шарыпа Мрякова. Оба эти старшины были по

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, лл. 342 об.—342, 394, 451—460; ч. IV, лл. 188—189 об., 282. См. также указания на соответственную же роль мишарской руководящей верхушки в записке Батырши, где последним приводятся следующие характерные слова одного из мишарей его аула Мустафы: «наших мещеряков отделяют [от других] и удерживают 3—4 человека — старшина со своими сотниками».

[2] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 68—74 об.; Дело 1756—1759 гг., № 1594. л. 1098—1098 об.: ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, л. 245; ч. III, лл. 220—220 об., 381 об., 383; Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 596. К числу сторонников восстания склонялся, повидимому, и старшина Ногайской дороги Кыдряс Муллакай-улы, ближний родственник Девлетея Атангул-улы.

местожительству очень близки к районам, охваченным восстанием, но тем не менее они остались совершенно в стороне от борьбы.[1] Ту же позицию сторонников царского правительства занимали они и в восстаниях 1737—1740 гг. В этом их поведении несомненно сказалась существовавшая в то время известная общность интересов местной колониальной администрации и представителей самого верхнего социального слоя башкирского феодализировавшегося общества. Еще бо̀льшая общность интересов с колониальной администрацией была у новых старшин, выдвинутых на свои должности царскими властями; эти представители среднего слоя башкирских феодалов особенно слабо участвовали в движении 1755 г. К числу их принадлежал, вероятно, старшина Бурзянской волости Сатлык, примкнувший к восстанию не сразу и в значительной мере под давлением собственных своих подчиненных.[2]

Более заметной была в восстании роль самого нижнего слоя башкирских феодалов, хотя и выполнявших нередко обязанности сотников, но сравнительно мало еще сросшихся с помещиком метрополии и его колониальными агентами на местах. Действительно, мы видим их нередко в качестве активных деятелей как в начальный подготовительный период восстания, так и позднее, в ходе самой борьбы, когда некоторые из них становятся фактическими руководителями отдельных повстанческих отрядов (назовем хотя бы сотников Исмагила Аиткул-улы, Халиля Уразгилды-улы, Бек-Булата, Кувата и др.).[3] Наконец, в числе участников находились и представители своеобразной местной интеллигенции в лице отдельных грамотных и начитанных в современной им мусульманской литературе людей из среды как башкирского, так и остального нерусского населения края. В числе их, кроме муллы Батырши, следует упомянуть хотя бы Чурагула муллу, главного организатора по подготовке восстания в Гайнинской волости на Осинской дороге, и некоторых из учеников Батырши, как, напр., Исхака муллу, Абдулмуталипа и Яхью.[4]

---

1 УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., лл. 1080 об.—1097 об., 1101—1102.

2 ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 83 об., 240 об.; Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, лл. 270 об.—272, 282.

3 УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 68—74 об. и др.

4 ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 353—353 об.; Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 186—211 об.; ч. III, л. 382 об.; ч. IV, л. 209—210. Из трех упомянутых здесь мулл — Батырши Исхака и Чурагула — определенно известно, что только первый из них принадлежал к представителям местного духовенства. Чурагул же и Исхак, всего вероятнее, были лишь хорошо грамотными и начитанными в области мусульманского вероучения людьми. По крайней мере в условиях Башкирии того времени, как вообще в практике мусульманских стран Поволжья и Средней Азии, в течение длительного периода времени слово «мулла» употреблялось далеко не в одном только значении служителя культа, но могло обозначать также и вообще грамотного, начитанного человека. Эта двойственность термина «муллы» не нашла никакого отражения в русских канцелярских документах

Заметная политическая активность этого общественного слоя ослаблялась тем обстоятельством, что большинство его представителей, будучи идейными вдохновителями движения, не оказалось достаточно талантливыми организаторами и решительными руководителями восставших масс. Эта слабая сторона их политической деятельности, роковым образом отразившаяся на ходе самого восстания, наиболее ярко выявилась в действиях и поступках самого главного и крупного из этих идейных вдохновителей движения, мишарского муллы Батырши, вышедшего из среды местного духовенства. В этом отношении особенно характерным было, напр., поведение Батырши в тот критический для движения момент, когда он, вместо того чтобы решиться на смелый шаг, требовавший от него некоторого политического риска, предпочел для себя лучшим выходом из положения удалиться поспешно из своего аула в соседний лес и, скрываясь там вместе со своими учениками, пассивно выжидать дальнейшего разрешения событий.[1]

Подчеркивая эти слабые стороны Батырши как практического деятеля, не позволившие ему подняться на высоту подлинного руководителя и вождя движения, мы этим не хотим сколько-нибудь умалить его крупных политических талантов как идейного вдохновителя и неустанного организатора по подготовке и оформлению самого восстания. По крайней мере все, что нам известно из его биографии и из дошедших до нас отдельных составленных им документов, говорит нам о большой его начитанности в мусульманской литературе того времени, незаурядном складе его ума и способностей и известной политической проницательности в оценке общей окружающей его обстановки и, в частности, сущности царской колониальной политики в Башкирии и Казахстане.

Постараемся дать хотя бы краткую хронологическую канву его жизни, поскольку она может быть восстановлена на основании

XVIII в., и поэтому часто представляется затруднительным определить, кого именно имеют они в виду в каждом отдельном случае, употребляя это наименование. В таких условиях у нас нет твердых оснований признавать всех упоминаемых этими документами мулл обязательно служителями культа и уже во всяком случае нет никаких определенных данных признавать муллой в собственном смысле Чурагула и Исхака. В пользу такого осторожного подхода к данному термину говорит также и то, что часто слово «мулла» в обычной практике могло вообще обозначать только составную часть имени, без какого-либо определенного вложенного в него понятия.

Такое соображение по поводу этого термина необходимо всегда иметь в виду при истолковании сохранившихся в русских официальных документах известий об участии «мулл» в башкирских восстаниях, ибо иначе мы невольно можем притти к переоценке роли в них местного мусульманского духовенства. Так следует поступать и в данном случае со всеми имеющимися сведениями об участии в восстании 1755 г. местных «мулл». А при таких обстоятельствах оказывается, что из всех этих сведений совсем нельзя заключить об участии в восстании 1755 г. местного духовенства. Батырша являлся, таким образом, единственным в этом отношении примером, подчеркивавшим вместе с тем возможность для выходцев из одного класса выражать идеологию другого класса, в данном случае идеологию широких народных масс.

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

отрывочных сведений, сохраненных дошедшими до нас источниками. Исходя из того, что, по словам мишарского старшины Яныша, Батырше в момент восстания было не менее 40 лет, а по известию П. И. Рычкова, около 46 лет, надо думать, что он родился около 1710—1715 гг.[1] Его учителем, у которого он получил первоначально свое образование, был татарский мулла команды старшины Надира Абдуррахман, живший в ауле Тайсуганове на р. Зае, в районе Бугульмы, и содержавший здесь большое медресе со множеством учащихся-шакирдов. По своему времени это был человек со значительным умственным развитием, далеко выходившим за средний уровень знаний современного ему мусульманского образования. В собственном медресе в Тайсуганове он в течение многих лет вел занятия по арабской литературе и «разным наукам ислама», но кроме него в том же училище преподавали также другие учителя, бывшие раньше его учениками. Сохранившиеся от него списанные им большие рукописные книги на арабском языке выполнены, по отзывам мусульманских писателей, «красиво, верно и внимательно», а составленное им завещание детям и специальная ода с восхвалением Мухаммеда обнаруживают, кроме того, богатство и красочность его старотюркского языка. Все это соединялось в нем с большой любовью вообще к знанию и признанием за ним большого жизненного значения. Так, давая в своем завещании наставления по разным вопросам жизни и религии, он призывал своих детей, родственников и всех близких ему друзей заниматься наукой, остерегаясь невежества и сближения с невежественными людьми. Достигший, повидимому, больших знаний в области современного ему «законоведения ислама», Абдуррахман был весьма популярным муллой не только в своем районе, но также во всем Оренбургском и Казанском крае, где находилось немало его учеников.[2]

Как долго продолжалось у него обучение Батырши, сказать трудно; но что оно не было, повидимому, кратковременным, об этом можно судить хотя бы потому, что никого другого, а только его назвали ученики Батырши, сообщавшие впоследствии, что «прежде он сам бывало говорил, что обучался у муллы Абдуррахмана, команды старшины Надира».[3] В пользу подобного же предположения свидетельствует как будто и тот совсем не случайный факт, что во время своих тайных скитаний осенью 1755 г. в верховьях рр. Заи, Кичуя и Милли, в районе Бугульмы, вместе с последним оставшимся с ним учеником Яхьей, Батырша смог легко и смело, без всякого опасения разоблачения, выдавать себя и своего спутника за шакирдов того же муллы Абдуррахмана.[4] И очевидно, ему, самому главному в команде Надира имаму, обязан был Батырша значительной частью приобретенных им знаний как в области осно-

---

[1] ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, л. 670 об.; П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 259.

[2] Асар, т. I, ч. II, Оренб., 1903, стр. 45—49.

[3] Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 3.

[4] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

вательного изучения арабского литературного языка, так и усвоения общих основ современной ему мусульманской образованности. Правда, по словам мишарского старшины Сулеймана Девай-улы, в числе его учителей был также пользовавшийся большой известностью мулла, а позднее ахун, Абдусселям Урай-улы, содержавший в то время свое медресе в ауле Ташкичу (недалеко от Менгера) в Казанской губернии по Алатской дороге.

Здесь некоторое время учился у него, очевидно, и Батырша,[1] но это было, повидимому, уже усовершенствование и углубление тех знаний, которые были получены и основательно усвоены еще в медресе Абдуррахмана. В общей сложности учебные занятия Батырши продолжались около 10 лет, но определить, сколько времени из них он провел отдельно в каждом из указанных учебных заведений, не представляется возможным, так как в известии Яныша, сообщающем о них, нет никакого намека на различные ступени в их прохождении, а указывается только, что «тот Батырша в Казанском уезде учился около 10 лет».[2]

Если теперь мы прикинем хотя бы приблизительно те хронологические вехи, к которым относится время пребывания Батырши в этих местах, то получим весьма характерные даты — 1734—1744 гг. Это был тот долгопамятный и мрачный для всего Поволжья период, в который оно с особенной силой испытывало на себе политику безудержного колониального наступления царского правительства, происходившего на этот раз под флагом массового принудительного крещения местного коренного населения. Эта политика насильственной христианизации и систематического закрытия и разрушения мусульманских мечетей и школ, с параллельным перенесением всей тяжести налогов и повинностей на остававшихся некрещеными «иноверцев», связана была с деятельностью вновь учрежденной в 1731 г. специальной Комиссии новокрещенских дел, несколько позднее (с 1740 г.) преобразованной в Контору новокрещенских дел.[3] В качестве наиболее активных проводников всех этих мероприятий выделились в то время архимандриты Дмитрий Сеченов и Сильвестр Гловатский, первые начальники Новокрещенской конторы, позднее получившие самостоятельные епископские кафедры, и в особенности возглавлявший казанскую епархию архиепископ Лука Конашевич. В результате их деятельности число новокрещеных в Казанском крае достигло к середине 50-х годов XVIII в. 269 213 душ, тогда как еще в первой четверти того же века их едва насчитывалось 13 322 душ. За один только 1741 г. и январь следующего 1742 г. было обращено в христианство 9159 чел., в том числе 143 чел. из татар и башкир. Количество же населения, остав-

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, л. 1253; ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, л. 72 об.

[3] Н. Чернавский, назв. соч., стр. 112—113.

шегося верным прежней вере, определялось к этому времени всего лишь в 100 000 душ мужского пола. Это были по преимуществу татары, исповедывавшие попрежнему ислам, несмотря на все новые тяготы, которые на них ложились в связи с отстаиванием своей веры. Крещение захватило главным образом так называемые языческие народности Поволжья, из которых почти поголовно были крещены мордовцы и в значительной мере мари, чуваши и удмурты. Из татар же мусульман обращено было в православие только 3670 душ.[1] При таких условиях, учитывая вышеуказанное соотношение между крещеной и некрещеной частью населения, мы вполне можем себе представить, в каком тяжелом положении оказалась основная, татарская масса его. Именно на них легла, главным образом, обязанность уплаты в течение трех лет всяких податей и поборов за новокрещеных и постоянной, кроме того, поставки за себя и за них очередных рекрут; их же, наконец, переселяли из насиженных родных деревень на новые места, внося полное разорение в их хозяйства, — и все в тех же целях систематической обрусительной политики, чтобы они, «не хотя прежних своих домов и земель лишиться, самовольно пришли к св. крещению».[2] В полном соответствии с этой политикой в Поволжье стояли и прямые стеснения исповедывания мусульманами своей религии. Они выразились в данном случае в указе 19 ноября 1742 г., которым повелено было сломать все находившиеся в Казанской губ. новопостроенные мечети и вновь их не строить, особенно в тех местах, где имелись лица, принявшие православие. В результате в течение неполных двух лет в одной только Казанской губ. было закрыто и разрушено 418 мечетей из общего числа 536.[3] Действие этого распоряжения сохранялось фактически до середины 50-х годов XVIII в., так как изданный в июне 1744 г. новый указ, опять разрешавший мусульманам постройку мечетей, не мог получить в действительности практического значения. В самом деле, ограничивая сооружение мечетей, по одной на 200—300 душ, селениями, где вовсе не было крещеных, он не представлял зачастую никакой реальной возможности для действительного их открытия, так как стоило только поселиться в какой-либо деревне одному или нескольким христианам, как постройка мечетей уже запрещалась.[4] Эти же годы были для коренного населения Поволжья и временем общего увеличения лежавших на нем различного рода налогов и сборов.

---

[1] Православный собеседник, Казань, 1858, ч. III, стр. 252—254, 477; Н. Фирсов. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время, Казань, 1869, стр. 163—209; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 848; Н. Чернавский, назв. соч., стр. 117; УЦГАЛ. Дело Канцелярии синода 1741 г., № 507, лл. 11—12 об., 13 об.

[2] Н. Фирсов, назв. соч., стр. 204—208; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 848; Н. Чернавский, назв. соч., стр. 113—116.

[3] Он же, назв. соч., стр. 179; Н. Чернавский, назв. соч., стр. 114.

[4] Он же, назв. соч., стр. 179—180; Н. Чернавский, назв. соч., стр. 114; С. Ф. Ташкин, назв. соч., стр. 16—17.

Так, указы 1737 и 1741 гг. установили, напр., в дополнение ко всем прочим неотмененным налоговым платежам еще взимание с коренного населения хлеба натурой, притом в двойном и тройном размере в сравнении с соответственным податным обложением русского крестьянина.[1] Вся совокупность этих отрицательных явлений, естественно, не могла не производить самого сильного впечатления на еще совсем юного тогда Батыршу, воспитывая в нем непримиримого противника всей этой политики колониального угнетения. Отсюда понятно, почему такое заметное место было отведено в позднейшем его воззвании вопросам преследования мусульманской религии, сравнительно слабо еще стесненной на территории самой Башкирии, и отчего в том же воззвании с нарочитой подчеркнутостью было указано, что «вообще цель русских та, что если бы они имели возможность, то в одно время всех мусульман, живущих в стране русских, обложили бы непосильными налогами и, тем самым их совершенно истощив, хотели бы насильственно заставить их принять свою ложную веру».[2]

Дальнейшие сведения из биографии Батырши, подводящие нас непосредственно к восстанию, сообщаются уже им самим в его не раз упоминавшейся записке, представленной императрице Елизавете. Они также кратки и лишь приблизительно укладываются в некоторые хронологические рамки. Так, в 1744—1745 гг., сейчас же после окончания образования, Батырша оказывается в Гайнинской волости, в ауле муллы Илша, где занимается около $1^1/_2$ лет обучением мальчиков. Затем в качестве учителя и муллы он прожил около 4 лет (с 1746 по 1749 г.) в Исетской провинции, в ауле мишарского старшины Муслима.[3] Повидимому, только в самом конце 1749 г. он перебрался на Сибирскую дорогу в аул Карыш-баш мишарского старшины Яныша. Здесь он пробыл около шести лет, занимая уже постоянную должность местного муллы и содержа собственное медресе, в котором обучались одновременно мишари, ясачные татары и башкиры.[4] Таким образом в течение последних десяти лет, предшествовавших восстанию, Батырша успел побывать в различных районах Башкирии и везде сумел завязать прочные знакомства. Основательные знания в области шариата, значительная начитанность в мусульманской литературе, справедливость выносившихся им судебных решений, прямой и независимый характер создали ему большую известность во всей Башкирии, так что за разъяснением всех более или менее сложных вопросов мусульманской религии или права к нему приходили люди даже из отдаленных аулов, отстоявших от него на расстоянии от одного до трех или

---

[1] С. Ф. Ташкин, назв. соч., стр. 23.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 314 об.—317.

[3] Во время пребывания в этом ауле Батырша и женился на дочери служилого мещеряка той же команды Хасана—Зюлбухаре, родом из аула Улукуш. ГАФКЭ. Фонд б. Гос. арихва. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, л. 198.

[4] Там же, ч. II. лл. 1—17.

более дней пути. Как большого специалиста в своей области, его использовали также и в официальных случаях, привлекая, напр., согласно указам из Уфимской провинциальной канцелярии, для решения разных наследственных дел местного населения в ближайших с его местожительством Ирехтинской и Гиреевской волостях Осинской дороги.

При таких обстоятельствах было вполне естественным, что в 1754 г. именно он был выдвинут на освободившуюся должность ахуна Сибирской дороги, с утверждением его особой грамотой, составленной летом следующего 1755 г. Однако Батырша, всецело поглощенный в это время другой, более ответственной задачей, дипломатично уклонился от этого предложения, так как принятие его в данных условиях связало бы свободу его действий и затруднило бы его тайно проводившуюся работу по вовлечению возможно большего количества населения в намеченное движение. Между тем, еще с ранней весны 1755 г. он был занят очень важным делом, приступив в марте после соответственного к нему обращения, к составлению программного воззвания ко всему населению Приуралья, имевшего целью призвать его к поддержке приближавшегося восстания. Но это занятие, потребовавшее для своего окончания около двух месяцев, не оторвало Батыршу от непосредственной деятельности по подготовке местного населения к самому выступлению. По крайней мере нам кажется не случайным, что в составленном им воззвании первоначальный срок восстания был изменен и перенесен с конца мая на 3 июля.[1] Подобная перемена, очевидно, диктовалась всей совокупностью окружающей обстановки и недостаточной еще подготовкой к выступлению отдельных его участников. Непосредственно убедиться в этом Батырша мог во время вторичной своей поездки в Исетскую провинцию весной 1755 г., куда он ездил тогда на свадьбу к своему ученику Абдулле Муслим-улы, жившему в ауле Темисеве.[2] Если сопоставить этот факт с указаниями, находящимися в собственном воззвании Батырши, что он решился призвать всех угнетенных к активному сопротивлению неверным, только «разузнав и расследовав положение и тайны мусульман 4-х дорог и посоветовавшись с некоторыми ревностными алимами из мусульман, а также с другими равными людьми», то представляется вполне возможным предположить, что Батырша не ограничивал своей деятельности ролью простого наблюдателя окружающих событий, но до последнего момента принимал в них самое активное участие. По крайней мере не случайно, что основное в этом движении — августовское восстание башкир на Ногайской дороге — произошло почти сейчас же за посещением им этих мест в июле 1755 г. Возможно даже, что самая поездка сюда в это время

[1] ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17. Дата 3 июля, в противоположность ранее приводившимся датам 1 или 10 июля, с точностью устанавливается татарским подлинником воззвания Батырши к народам Приуралья.

[2] Там же, ч. IV, л. 199 об.

Батырши имела определенную цель договориться о последних деталях совместного и одновременного выступления всего населения Башкирии, сигнал к которому должны были дать башкиры Ногайской дороги. Некоторый намек на это мы как будто находим в словах Батырши, сказанных им в разговоре с встретившимися ему в дороге башкирами Бурзянской волости и записанных им же в черновике его записки императрице. «Население нашей стороны,— говорилось в этом разговоре, — хочет выступить одновременно с населением 4-х дорог». Достижению окончательного соглашения лучше всего и могла служить июльская поездка Батырши на Ногайскую дорогу. Та же активная роль Батырши в деле подготовки восстания сказалась и в тех приготовлениях, которые происходили на Осинской дороге с мая по август 1755 г.

Все движение, рассчитанное на широкую поддержку местного населения, предположено было начать 3 июля 1755 г. по сигналу башкир Ногайской дороги, которых сейчас же должны были поддержать своим выступлением различные угнетенные массы, во главе с башкирами же, и в других районах страны. Общий план восстания предусматривал с самого начала дружественную помощь и со стороны казахского народа. «И потом вы знайте, — читаем мы в воззвании Батырши, — что киргиз-казаки вместе с нами — и словом и мыслями». Поднявшиеся на Ногайской дороге башкиры должны были использовать внезапность и неожиданность своего выступления для внесения наибольшей дезорганизации в лагерь противника, произведя ряд нападений на вновь сооруженные крепости и заводы и приведя в совершенное расстройство внутреннюю коммуникацию только что созданных почтовых станов. Нанеся, таким образом, чувствительный удар наиболее ненавистным опорным пунктам метрополии в их стране, некоторые из них даже совсем разрушив, башкиры, повидимому, должны были затем временно отойти на территорию Казахской Орды, которая, как более свободная от надзора царских властей, с самого начала намечалась в качестве района формирования повстанческих сил.[1] Там, соединив свои силы с казахскими, башкиры-повстанцы получали новый импульс для дальнейшей борьбы за окончательное уже уничтожение колониального господства царской России и в Башкирии и в соседнем с нею Казахстане.

Однако план этих дальнейших действий не был разработан вдохновителями и организаторами восстания. Таким образом все движение должно было развертываться в значительной мере уже стихийно. Это обстоятельство было большим минусом восстания, но неизбежным в тех условиях, в которых подготавливалось само движение. Только в том районе, где непосредственным руководителем должен был выступить Батырша, сделана была попытка

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, л. 1249; ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Башкирские дела, 1755 г., № 2, л. 14.

наметить общий план всех последовательных действий повстанцев. Здесь все было рассчитано на одновременное разрешение двух задач: с одной стороны, скорейшего вовлечения в общую борьбу хотя бы части мишарских трудовых масс, менее всего проявлявших колебания, с другой — продвижения самого восстания в ближайший район к Каме, откуда, в случае успеха, нетрудно было уже перекинуть его огонь в Казанский край, где, как мы видели выше, почва для этого была вполне подготовлена. Так, по крайней мере по этому плану, намеченному Батыршей, часть восставших гайнинцев должна была действовать во главе с Чурагулом в районе городов Кунгура и Осы, оставляя здесь временное надежное прикрытие, которое впоследствии, с развитием движения, могло бы вырасти во внушительную силу, вполне достаточную для самостоятельных действий за Камой, в пределах основной территории бывшего Казанского ханства. Главная же масса гайнинцев и жителей других соседних с ними волостей должна была, направившись на Сибирскую дорогу, своим появлением склонить к выступлению местных мишарей и вместе с ними обратиться прежде всего против аула старшины Яныша, разрушив его и убив в случае надобности самого старшину, давнего приверженца царской власти, а затем развернуть главные свои действия под Елдяцкой крепостью, селом Калинниками и самой Уфой, разоряя и сжигая окрестные деревни и села.[1] Однако все эти предположения не осуществились, так как при всех попытках к организации восставшие лишены еще были твердого руководства единственного последовательно революционного класса — пролетариата и действовали более стихийно, чем организационно спаянным фронтом. Стихийно произошла и первая вспышка восстания среди башкир Бурзянской волости, которые поднялись на целых $1^1/_2$ месяца ранее нового установленного срока, в значительной мере помимо собственной воли, доведенные до последней степени раздражения издевательским обращением с ними работавшего в районе их расположения «каменотесца» Брагина,[2] этого «вора и злодея», по их определению, который со своими товарищами обокрал и разграбил их имущество, лишил их земель и вод и насиловал на глазах у них их собственных жен и дочерей.[3]

---

[1] ГАФКЭ. Фонд 6. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, л. 209 об.

[2] Брагин был послан в Башкирию в качестве начальника горно-изыскательной партии в 1754 г. «для обыска камней на Ирындыке».

[3] Материалы для статистики Российской империи, изд. Статист. отделения Совета М-ва внутр. дел., СПб., 1841 г., отдел. IV, стр. 52.

ГЛАВА III

ОБЩИЙ ХОД ВОССТАНИЯ 1755 Г. И ПРИЧИНЫ ЕГО НЕУДАЧИ

Восстание началось 15 мая и выразилось прежде всего в разорении Сапсальского почтового стана, на дороге от Верхояицкой крепости к Воздвиженской, и в нападении на находившегося поблизости главного виновника охватившего всех негодования. Инициаторами и руководителями этого первого выступления, сопровождавшегося убийством Брагина, были башкиры Джилан-Иткул и Худай-берда мулла, состоявшие одно время при нем в качестве учеников по горному делу. За разорением Сапсальского стана очень быстро пришел в расстройство и весь Исетский тракт, так как обслуживавшие его башкиры-подводчики, узнав о происшедших событиях, сейчас же прекратили свою работу. У озера Талкас, вблизи разоренного почтового стана, назначено было место сбора и сосредоточения всех башкирских сил, готовых примкнуть к восстанию. Но уже в этот начальный момент обнаружилось, насколько действительно преждевременным и неподготовленным было происшедшее выступление. В рядах участников движения царил полный разброд. Если часть башкир, повидимому, рвалась к прямым действиям, то другие, руководимые старшинами Бик-Булатом и Алкашем, наоборот, все еще колебались, склоняясь к выжидательной позиции, и тем самым совершали большую ошибку, упуская инициативу борьбы из своих рук. В этом отношении очень характерным было устройство ими, как бы в противовес Талкасскому собранию, собственного совещания в кочевьях сотника Исмагила, вблизи р. Сакмары. Обращает на себя внимание, что в числе собравшихся сюда восьмидесяти человек, кроме двух старшин, присутствовали также шесть сотников. Совещание вынесло решение ограничиться только обороной, ни в коем случае не допуская дальнейшего развития событий. В этом был, повидимому, свой расчет — оттянуть начало решительных действий до момента согласованного выступления с башкирами других волостей.

В полном соответствии с этим стояло и другое постановление, принятое на том же совещании, — предложение активным участникам событий у Сапсальского яма оставить пределы Баш-

кирии и скрыться в казахских кочевьях. Туда же, в случае правительственных репрессий и невозможности сопротивления, должны были последовать в дальнейшем и остальные башкиры Бурзянской волости.[1] Однако эта политика оправдала себя только наполовину. Ей действительно удалось задержать дальнейшее развитие начавшейся борьбы, относительно затихнувшей более чем на месяц после ухода в казахские кочевья последних активных ее участников. Зато при таких условиях не удалось избежать для оставшегося населения всей тяжести карательного аппарата колониальной власти. В самом деле, единственное после этого решения вооруженное столкновение башкир с правительственными войсками имело место только при отходе повстанческого отряда за р. Яик, в пределы казахских степей. Да и здесь оно произошло лишь потому, что сторожевая русская партия во главе с капитаном Лядомским попыталась очень неумело помешать этому предприятию. В результате повстанцами были убиты начальник отряда, 2 капрала и 7 рядовых и ранены прапорщик и 29 рядовых; сами же башкиры потеряли при этом всего лишь 4 чел. убитыми.[2] О других каких-либо столкновениях за это время мы ничего не знаем. Между тем, карательная правительственная экспедиция начала свою деятельность сейчас же после получения известий о событиях у Сапсальского яма и продолжала ее еще много времени после ухода последних повстанцев в казахские степи. 15 мая началось восстание, а уже 18 числа, с получением первых о нем сообщений, для расправы над восставшими была послана особая команда под начальством подполковника Исакова; позднее же, с выяснением некоторых подробностей движения, даны были соответственные наряды башкирским и мишарским старшинам и регулярным командам со стороны Верхояицкой крепости. Общее руководство над всеми этими войсками поручалось бригадиру и оренбургскому коменданту Бахметеву, который должен был с этой целью направиться в Воздвиженскую крепость.

22 мая подполковник Исаков достиг тех мест, где произошло первое вооруженное выступление повстанцев, но последних уже не застал, так как пока происходили сборы и самое передвижение команды, они успели переправиться через Яик и уйти в казахские кочевья.[3] Наступило относительное спокойствие, все изъявляли полную покорность, восстановилось опять правильное функционирование почтовых станций. Но все это тем не менее не остановило действий карательной экспедиции. Главным начальником края И. И. Неплюевым строго было предписано подполковнику Исакову «для показания злодеям чувства, а другим иноверцам страху», по примеру, очевидно, прежних образцов «в жилищах их корень их нахо-

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 69 об.—72.

[2] Там же, л. 23—23 об.; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 860.

[3] Там же, лл. 8 об.—11.

дить и искоренять, не жалея ничего, что бы от них не осталось, а которые тому воровскому зборищу другие подозрительны явятся, тех, забирая, под крепким караулом скованных сюда (т. е. в Оренбург) присылать».[1] В числе первых, испытавших на себе этот «страх и чувство» колониального «застенка и розыска», были двое старшин Бик-Булат и Алкаш и шесть сотников, которые при приближении карательного отряда, скрывая свою причастность к движению, постарались добровольно передаться на правительственную сторону. Затем начались уже массовые поиски и аресты всех сколько-нибудь подозрительных башкир Бурзянской волости, причем от преследования не уходили и их семьи и даже родственники.

В инструкции, дополнительно врученной подполковнику Исакову, предписывалось забирать и присылать в Оренбург всех оставшихся от «беглых злодеев» родных: братьев, жен, детей и племянников, конфискуя их имущество и раздавая их скот в пищу военным людям.[2] Таким образом над башкирскими аулами опальной волости действительно нависала темная туча безудержного террора и массового разорения. Напуганное этими репрессиями местное население бросало свои аулы и уходило в ближайшие горы или в другие соседние волости, так что к концу июня кочевья бурзянских башкир опустели почти наполовину. Между тем, колониальные власти, используя удобный для них момент, наносили новый удар остаткам местного башкирского управления: так, бригадиру Бахметеву велено было на места забранных старшин и сотников выбрать и определить новых из надежных, но «не тутошних людей». Одновременно в центре восставшей волости началось сооружение Зелаирской крепости как нового опорного пункта для окончательного колониального освоения этого района, и приняты были меры к военному усилению всей линии между Верхояицкой и Орской крепостями расположением на ней шести рот Казанского гарнизонного драгунского полка, не считая одной роты пехотной и одной драгунской, которые должны были быть определены в новостроящуюся крепость.[3]

Все эти события, происходившие в Бурзянской волости, не могли, конечно, не оказать влияния на остальную Башкирию, которая хотя и не поднялась на поддержку восставших сейчас же после их выступления, но, возбужденная новой волной террора, местами плохо уже скрывала истинные свои настроения. Так, напр., на Сибирской дороге при отправлении из Екатеринбурга в Оренбург в конце мая «гвоздья и крышечных досок» местные башкиры «подвод не дали и посланного к нам для збору тех подвод казака Воронина били

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г.; № 1582, лл. 10 об.—11.

[2] Там же лл. 23 об.—26.

[3] Там же, лл. 37—37 об., 66—67; дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 832—833.

до полусмерти», говоря: «пускай де везут русские, а не мы».[1] Также не случайно, что именно с мая в спешном порядке началась организация сил к предстоящему выступлению и на Осинской дороге и в соседних с ней командах Сибирской дороги. Правда, воззвание Батырши к мусульманским народам Приуралья было составлено им еще до этого момента, значительно ранее были намечены и общие контуры местного вооруженного выступления, но все же основная практическая деятельность по его непосредственной подготовке развернулась здесь только после событий, происшедших в Бурзянской волости. Имея в виду главным образом эти последние обстоятельства, а не весь заговор в целом, по-своему был прав и один из главных его организаторов в этом районе Чурагул Минглибай-улы, когда на допросе 29 сентября 1755 г. заявил, что «злоковарный замысел к бунту начат тому пятый месяц».[2] Повидимому, такие же спешные приготовления к предстоящему выступлению происходили в это время и в других районах Башкирии, на что имеются, напр., некоторые намеки в записке Батырши. Так, возвращавшиеся в это время через его аул в Казанский уезд двое молодых людей сообщили ему, что башкиры и мишари Зауралья уже послали весть своим служилым людям, находившимся в Троицке: «Пребывайте в крайней осторожности; не иначе, как народ скоро поднимется».[3] Это был, очевидно, распространенный тогда прием заблаговременного осведомления о всем происходящем своих единомышленников, находившихся еще в правительственных войсках, но ожидавших только удобного случая, чтобы присоединиться к восставшим. К числу таких тайных и часто еще колебавшихся доброжелателей, на которых начавшееся восстание могло рассчитывать только после первых одержанных успехов, принадлежали, напр., и те мишари Сибирской дороги с сотником Аликеем во главе, которые отправились в поход «с тайной мыслью» и с заранее полученными от своих односельчан указаниями, чтобы они «не воевали бы со своими мусульманами и не занимались бы самоуничтожением». Ими же отчасти являлись и каргалинские татары, примкнувшие к правительственным отрядам, но также получившие от своих соотечественников определенные наставления ни при каких обстоятельствах не оказываться настоящими врагами восставших башкир.[4] В таких условиях особенно важно было поддерживать постоянную связь с этими военными соединениями, составленными из местных народностей, хотя и действовавшими в правительственных войсках, но настроенными зачастую в пользу восстания. И повидимому, как о вполне реальной возможности присоединения их к движению говорил Батырше, отправляясь в поход против бур-

---

[1] Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 397; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1582, л. 835.

[2] ГАФКЭ. Фонд. быв. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, л. 474.

[3] Там же, ч. II, лл. 1—17.

[4] Там же.

зянских башкир, мишар Аликей, обещавший, «как только станет слышно о восстании мусульман», привести к нему всех мишарей, над которыми он только что был назначен в качестве сотника.[1]

К июлю, к моменту новой и не случайной поездки Батырши в южные башкирские волости, все эти приготовления в основном были закончены, и надо было спешить с началом военных действий, пока царские власти не успели еще узнать всех планов готовившегося широкого восстания. Эти опасения не были напрасными, так как о намерениях башкир на Осинской дороге правительство оказалось осведомленным через своих агентов еще в половине июля. В темной роли доносчика выступил башкирский старшина Гайнинской волости, аула Барды, Абдук Куджагул-улы, сообщивший своим рапортом в Осинскую воеводскую канцелярию 16 июля 1755 г., что его волости «20 человек башкирцов, подволошных 4-х деревень, начинают бунт». Поскольку местным властям не удалось захватить оговоренных лиц, так как они посланным копиисту с солдатами «не дались, и едва де от того оные посланные убежали», основные нити и общий план назревавшего восстания остались им неизвестными.[2]

Счастливый выход из создавшегося трудного положения еще больше ускорил начало новой борьбы. Между тем, не все вокруг благоприятствовало ей. Недавняя и преждевременная вспышка повстанческого движения в Бурзянской волости, быстро задавленная правительственными войсками, успела дезорганизовать значительный район страны, которому предназначалась большая и активная роль в намечавшемся общем восстании, и поэтому, естественно, не сразу удалось собрать необходимые силы для нового удара. На это потребовалось некоторое время, достаточное для того, чтобы оттянуть общее движение от ранее намеченного срока — 3 июля. Все же, в связи с указанными выше опасениями и общей тревогой за будущее, необходимость в скорейшем выступлении становилась с каждым днем все более и более настоятельной. Так подготовлено было, наконец, новое вооруженное выступление, рассчитанное с самого начала на поддержку его различными районами Башкирии и в некоторой степени обеспеченное уже частичной реальной помощью со стороны казахов Средней Орды. Последние, как мы видели выше, еще с зимы 1754—1755 г. втянулись в неприязненные действия с пограничными властями на Сибирской линии и этой тактики не оставляли до самого лета 1755 г. При этом формы усвоенных казахами выступлений сохранялись в основном одни и те же. Они так же свободно переходили р. Иртыш со многими кибитками и скотом, особенно на участке между крепостями Ямышевской и Семипалатинской, и попрежнему нисколько не проявляли какой-

---

[1] ГАФКЭ. Фонд. б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., ч. II, лл 1—17.

[2] УЦГАЛ. Секретная экспедиция правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 67—67 об. Сенатск. архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 406.,

либо склонности к обратному уходу, производя, по сообщениям местных властей, всякие «воровства на внутренней стороне и вступая в бой с войсками, пытавшимися оттеснить их обратно в их степи».[1] Ниже мы увидим, что эти враждебные действия мало усилились и позднее, в самый разгар восстания, несмотря на несомненно крайнюю озлобленность казахов этой орды по отношению к царским властям. На это, конечно, были свои причины, о которых мы еще скажем в дальнейшем; сейчас же остановимся лишь на выяснении тех специальных обстоятельств, которые вызвали к жизни эту неприязнь именно у кочевого населения Средней Казахской Орды. В сказке, данной 20 сентября 1755 г. в военно-походной канцелярии оренбургского губернатора ездившим в эту орду толмачом Матвеем Араповым, определенно было подчеркнуто, что местные казахи почти все «к здешней стороне недоброжелательны и против здешней стороны многие угрозы употребляли претендуя, что де русские построением крепостей так к ним приближились, что де и кочевать им места уже не остается».[2] Действительно, начало 50-х годов XVIII в. было временем первых земельных захватов в Казахстане, особенно заметно сказавшихся именно в районе расположения казахов Средней Орды. Мы имеем здесь в виду проведение в эти годы новой укрепленной Ишимской линии (от Звериноголовской крепости до Омска), соединившей Яицко-Уйскую линию с Иртышской и сразу выдвинувшей русскую границу на 50—200 верст в глубь земель Средней Казахской Орды.[3] Но на ряду с этой основной причиной недовольства, особенно острого вследствие живости самих недавних впечатлений, в том же направлении действовали, очевидно, и общие для всех казахов стеснения в праве их перекочевок на внутреннюю сторону пограничных рек, в данном случае за р. Иртыш. Потребность в этих переходах была, по-видимому, немалая, если она, как мы видели выше, легко толкнула многие казахские роды на самовольные перекочевки в запретную зону еще зимой 1754—1755 г. Отсюда вполне понятно, почему руководители готовившегося восстания Башкирии именно в этом направлении искали для себя главной и необходимой поддержки со стороны казахских племен.

Эта поддержка, по мысли обеих договаривающихся сторон, должна была выразиться в ряде активных их действий «под тамошними крепостями», где они должны были «проезжающих между крепостей людей бить и грабить, а сена и крепости жечь».[4] В полном развернутом виде эти приемы борьбы до известной степени согласовывались и с ее конечной целью, которая в данном случае

---

[1] И. И. Крафт, назв. соч. Прилож., стр. 43.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 389—391.

[3] Там же. Дело 1756 г., № 1, лл. 21—23. На территории же Малой Орды эти земельные захваты ограничивались пока всего лишь изъятием из ее пользования в 1754 г. района Илецкого соляного промысла.

[4] Там же. Башкирские дела, 1755 г., № 2, л. 390 об.

целиком совпадала с задачами, поставленными перед собой и восставшими башкирами. По крайней мере, по словам того же Матвея Арапова, общее настроение посещенной им Средней Казахской Орды складывалось в это время в пользу полного изгнания царских властей не только из пределов Казахстана, но и из Башкирии. «Всех с линии людей попрежнему за Волгу прогоним», говорили тогда встреченные им казахи Кирейского рода, ведомства старшины Усенбия. С теми же открыто высказываемыми стремлениями столкнулся посланец оренбургской колониальной администрации и в ставке главного султана Средней Орды Аблая, где все присутствовавшие, не исключая теленгутов,[1] тоже определенно заявляли ему, что «пора де вас за Волгу прогонить попрежнему».[2]

При таких обстоятельствах, поддержка начинавшегося восстания со стороны части казахских племен казалась вполне обеспеченной. Подобные же возможности открывались и со стороны мишарских трудовых масс. Действительно, еще в начале июля были вполне оформлены все детали соглашения населения Гайнинской волости с мишарским населением соседней Сибирской дороги, которое должно было восстать сейчас же за появлением среди его аулов гайнинских повстанческих отрядов. Создавалась также общая уверенность, что еще на первых порах восставшие получат поддержку и от тептяро-бобыльской группы. По расчетам Батырши, общее число этих союзников должно было составить к тому моменту не менее «500 мишарей и 1000 тептярей и бобылей», причем ереди последних имелись в виду одинаково как жители Осинской, так и Сибирской дороги.[3] Таким образом общий сговор соседних районов, начавшийся еще зимой 1754-1755 г. и значительно ускоренный обращением среди местного населения составленного Батыршей воззвания, теперь прошел уже все предварительные стадии, и гайнинцы вполне свободно могли заявить своему вдохновителю, что их «жители леса, подчиненные Гайнинской волости, все готовы».[4] Дело оставалось только за согласованием начала непосредственного выступления с другими более отдаленными районами. Эту задачу и взял на себя Батырша, когда приблизительно в половине июля отправился под видом посещения Оренбурга в расположение башкир Ногайской дороги. По крайней мере при всей затушеванности этого обстоятельства в составленной Батыршей официальной записке, отдельные намеки на подлинную его роль все же обнаруживаются в окончательном

---

[1] Под теленгутами разумеется здесь не племенная, а особая социальная группа в казахском феодальном обществе. См. нашу статью «К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв.», Изв. Акад. Наук СССР, отдел. общественных наук, 1936, № 3, стр. 510—511.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 389—391, 400—401.

[3] Там же. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, л. 209.

[4] Там же, ч. II, лл. 1—17.

тексте этого документа и в особенности в его черновиках.[1] Мы имеем здесь в виду то место документа, где рассказывается о встрече и беседе Батырши со скрывавшимися от преследований башкирами Бурзянской волости; в этом отношении особенно характерна последняя заключительная фраза их разговора, сохранившаяся только в черновике записки. «Все население так же, как и вы, намерено восстать, — говорил тогда в заключение своей беседы с бурзянскими башкирами Батырша, — надеемся, что с помощью аллаха мы достигнем своей цели».

Причастны ли были непосредственно ко всей этой подготовительной кампании также и местные ахуны — оренбургский Ибрахим и каргалинский Абдусселям, — сказать трудно; но если они и не приняли, подобно Батырше, прямого участия в агитационной и организационной работе, то все же есть некоторое основание предполагать, что они сочувствовали восставшим.[2] По крайней мере только при таком положении дела будет понятно происхождение тех «непрямых, но слышанных речей» о том, что ахун Ибрахим был даже в центре всех событий, что он «в самое время, как бунт начался, был в тех волостях, которые забунтовали, и, выехав оттуда, отозвался, что бунт начинают».[3] Эти слухи, преувеличенно представлявшие его действительную роль, возникали все же не случайно, а в некоторой связи с умонастроением этого человека, который, по словам Батырши, сетуя вместе с ним на народные бедствия и тягости, не иначе называл их виновника, Неплюева, как безрассудным, проклятым генералом и глупцом.[4] Может быть, этими настроениями ахуна Ибрахима следует объяснить и основную причину неудачи неплюевской политики в использовании имени этого ахуна против повстанцев, в чем вынужден был в конце концов признаться сам незадачливый фальсификатор всех рассы-

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII, № 1781, ч. II.

[2] Из этого обстоятельства не следует, однако, делать того вывода, что оба эти ахуна до конца разделяли основные задачи и цели восстания. Скорее надо думать обратное, что они оба, как представители наиболее реакционных элементов местного населения, всего лишь старались использовать движение в своих интересах, но нисколько не собирались в самом уже начале рисковать из-за него своим положением. Повидимому, подобной же была и позиция многих рядовых представителей местного духовенства. К сожалению, отсутствие необходимых источников не позволяет нам достаточно обосновать этот вывод, но справедливость его оправдывается полным отсутствием в сохранившихся документах каких-либо указаний об участии местного духовенства в движении, а также случайно дошедшим до нас известием о предательской роли одного из местных мулл в ближайшее время после подавления восстания. Мы имеем в виду мишарского муллу Казанской дороги в Башкирии Нурмухамметева, исправлявшего в 1756 г. обязанности муллы при сыне известного мурзы Тевкелева — Юсуфе — и выдавшего в это время в руки царских властей скрывавшегося от их преследований ученика Батырши — Муслима (ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 227—228 об.).

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1759 г., № 1594, л. 853.

[4] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII, № 1781, ч. II, лл. 1—17.

лавшихся по Башкирии и Казахстану подложных листов, правда объяснявший эту неудачу другими обстоятельствами. В нашем распоряжении имеются также некоторые данные, позволяющие думать, что сочувственно по отношению к восстанию был настроен в это время и ахун Абдусселям. Правда, сам Батырша по вполне понятным причинам умалчивает об этом, но зато показания отдельных его сторонников говорят в пользу такого предположения.[1]

Сигнал к восстанию, как и в мае, подали башкиры Бурзянской волости, направившие на этот раз первый свой удар на тех представителей новой волостной администрации, которые не только были навязаны им извне, как это практиковалось за последние годы, но были подобраны еще с нарочитым пренебрежением всяких интересов местного башкирского населения.[2] Еще 27 июля внешне все оставалось спокойным, и оренбургский губернатор в очередном своем донесении мог сообщить, что все обстоит благополучно: «бригадир Бахметев определенную на реке Зейларе (Зелаире) крепость строит и сено заготовляет, и новые старшины в правление свое вступили, и тех волостей башкирцов вместо службы (яко ныне ко употреблению на службу сумнительны) для повозки лесу на строение оной крепости и к заготовлению сена нарядили, которые и действительно в работу вступили».[3] А 8—9 августа, совершенно неожиданно для местных колониальных властей, началось восстание. При этом в Бурзянской волости первыми выступили те башкиры, которые жили за Уральским хребтом и находились поэтому в наиболее тесных связях с повстанцами, ушедшими весной того же года в Казахскую Орду. По знаку, данному одним из этих повстанцев, Яубасаром Аздуровым, специально приехавшим в аул Зяпанов, башкирское население этого района убивает новоопределенного к ним старшину из мишарей Абдул-Вагапа с писарем и двумя мишарами и пытается поступить подобным же образом и с «знатным башкирским старшиной» Шарыпом Мряковым, едва спасшимся за стенами близлежавшего Кананикольского завода.[4] Затем, быстро увеличивая свои силы, насчитывавшие первоначально 50—60 человек, восставшее население появляется одновременно и около местных заводов, и у почтовых ямов или станов Исетского тракта, соединявшего Оренбург с Челябинском и Троицкой крепостью. Так, еще 9 августа повстанцы

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, л. 474 об.; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, л. 1253 (см., напр., показание башкира Чурагула, что оба этих ахуна, Ибрахим и Абдусселям, «оказались склонными» к восстанию и «по начатии прочих иноверцев всех дорог обще бунтовать хотели»).

[2] Здесь мы имеем в виду определение на должность башкирских старшин и сотников не только башкир других волостей, но также в отдельных случаях и мишарей. ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 77.

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, л. 837.

[4] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 73 об.—74; ЦВИА. Военная коллегия, оп. 47, св. 63/60, л. 109—109 об.

оказываются вблизи двух местных заводов — Преображенского, принадлежавшего Твердышеву, и Вознесенского — графа Сиверса. Угрожая полным разорением и уничтожением этим заводам, они отгоняли из табунов и с сенокосов крестьянский и заводский скот и производили поджоги лесных угодий и заготовленных для заводского потребления дров и бересты. Тогда же подвергся вторичному разорению и Сапсальский ям, на котором проезжавший через него 10 августа прапорщик Стразбин не застал уже ни одного русского солдата и ямщиков-башкир, заметив только в стороне от дороги «убитого драгуна да в лачуге казенную лядунку с ремнем и с 8-ю патроны».[1]

К 11 августа, когда повстанцы появляются в виду новостроившейся Зелаирской крепости, предназначавшейся в качестве нового опорного пункта царизма в Башкирии, район восстания значительно расширился и включил в себя, кроме Бурзянской волости, также Тангаурскую и Усерганскую, к которым очень скоро, по истечении неполных двух дней, примкнули еще Бушмас-Кипчакская и Сувун-Кипчакская волости той же дороги.[2]

По примеру прежних башкирских волнений, и в данном случае восставшие башкиры сразу покинули районы прежних своих кочевий, стараясь уйти по возможности далее от прямого воздействия на них царской администрации и спеша поскорее занять наиболее выгодные опорные позиции для развертывания наступательных действий.[3] Правда, полностью воспользоваться этой старой тактикой борьбы удалось далеко не всем повстанцам. Причина этого заключалась в том, что в новых условиях страны, охваченной уже цепью военных укреплений, сделать перекочевки могли только те башкиры, волости которых были территориально достаточно обширными и сравнительно далеко отстояли и от укрепленной линии и от главного колониального центра — Оренбурга. Во всех остальных случаях применение старой тактики неизбежно приводило к фактическому переходу восставших на казахскую территорию. Так произошло, напр., с частью повстанческих отрядов в восстании 1740 г. То же самое обнаружилось в данное время и с башкирами Усерганской волости. Действительно, географическое размещение этой волости вблизи среднего течения Яика и сравнительно недалеко от главного центра края — Оренбурга — не оставляло для нее никакой запасной территории для развития повстанческих действий, тогда как, наоборот, все остальные вос-

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 77 об.

[2] Там же, л. 81—81 об.

[3] См. сообщение отставного сотника Шешминцова, посланного для разведывания в Башкирию, что «башкирцов по Белой реке, выше Бугульчану, уже многое число собралось, а в прежних де их башкирских кочевьях никого не осталось». — ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 83 об. См. также нашу статью «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.», Мат. по ист. Башкирской АССР, ч. 1, изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1936; Тр. ИАИ Акад. Наук СССР, т. XVIII, вып. 7, стр. 33.

ставшие волости имели в своем распоряжении достаточно удобные для этого районы между Уральским горным хребтом и верхним течением р. Яика. Вот почему башкиры Усерганской волости, в самом же начале примкнувшие к восстанию, прежде открытия каких-либо действий против царских войск, поспешили уйти в Казахскую Орду, переправясь через р. Яик выше Орской крепости.

По началу движение развивалось успешно и шло заметно ускоренным темпом, причем достаточно было одного только приближения повстанцев, чтобы все башкиры, выполнявшие те или иные работы у местных колонизаторов, сейчас же бросали их, оставляя прежних своих хозяев без всякой рабочей силы. Так было, напр., при появлении восставших 11 августа в 12 верстах от Зелаирской крепости, на сенокосе у речки Баракал, когда все 65 работавших здесь башкир Бурзянской, Тангаурской и других волостей при одном только известии, что «вся Башкирия взбунтовалась», разом прекратили свою работу и ушли из крепостного лагеря, оставив его совершенно пустым. Почти такая же картина повторилась при встрече их и с другими башкирами той же Ногайской дороги, которые были заняты от лагеря этой же крепости возкой леса; здесь лишь жители Тамьянской волости, не примкнувшей еще тогда к восстанию, не последовали общему примеру и вернулись в лагерь.

На ряду с такими набегами повстанцев учащались случаи нападений их на отдельные правительственные команды, занятые на работах. Эти нападения сопровождались обычно отгоном скота, убийством воинских чинов и попытками поджога заготовленного материала. Так, в результате подобных действий в районе Зелаирской крепости ее командованию пришлось совершенно прекратить всякий покос сена и пережить серьезные опасения, «чтоб воры и поставленные сена не пожгли».[1] Такие же нападения на сенокосные команды, с убийствами возможно большего числа входивших в их состав людей, происходили и в районе отдельных заводов: так, напр., 11 августа около Преображенского завода было убито до 50 человек.

Одновременно в тот же короткий срок была совершенно расстроена и внутренняя коммуникация между правительственными укрепленными пунктами, расположенными по той части Исетского почтового тракта, которая проходила по территории, охваченной восстанием, и находилась между крепостями Верхояицкой и Воздвиженской. Так, за разорением Сапсальского яма, произведенным, как было указано выше, 9 августа, последовало 11 числа сожжение Баракальского почтового стана и очень близко около этого же времени — Уральского яма. Если к этому прибавить, что тогда же и из прочих станов началось бегство обслуживавших их башкир и сами они также были поставлены под угрозу ближайшего разо-

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 77 об.—78 об.

рения, то приходится признать, что одна из поставленных задач восстания выполнялась на первых порах далеко не плохо. В том же плане стремительных и коротких ударов, особенно чувствительных вследствие своей неожиданности, проходили в это время и все действия восставших башкир против вновь возникших и еще строившихся на их землях русских заводов. Но наибольшее развитие этих действий падает уже на вторую неделю восстания, когда к повстанцам примыкают почти все жители Тамьянской и Чанкин-Кипчакской волости.

Главная масса повстанческих отрядов группируется в это время в верховьях р. Ика, в районе Бугулчана, совсем неподалеку от того места, где сосредоточивались их силы еще в начальный момент восстания. Отсюда, вооруженные в большинстве случаев только копьями, саблями, луками и стрелами, но уже несколько сорганизованные, с собственными знаменами, они производят свои нападения на ближайшие заводы, убивая на рудниках или в окрестных с ними деревнях по преимуществу русское заводское население, работных людей и приписных заводских крестьян; из числа местных народностей доставалось только некоторым новокрещеным, которые разделяли при этом общую участь с русскими. В такой ненависти восставших ко всему русскому населению в их крае, независимо от классовой принадлежности отдельных его представителей, сказывалась еще воспитанная многими десятилетиями царского господства национальная рознь, мешавшая башкирам различать действительных своих противников от естественных союзников в противном лагере.

Одновременно, как и в первые дни движения, производилось также сожжение повстанцами заготовленного для заводов различного хозяйственного материала: дров, уголья и сенных запасов, и наконец, целыми табунами угонялся скот. Особенно пострадавшими оказались при этом два завода: Преображенский — заводчика Ив. Твердышева — и Покровский — графа А. И. Шувалова. Последний из них, еще полностью недостроенный, был почти целиком сожжен и уничтожен восставшими 15 августа 1755 г.[1] Во всех этих действиях нашла свое отражение давно накапливавшаяся ненависть башкирского населения к заводам, которые представлялись тогда ему с одной только отрицательной стороны. Действительно, в условиях того времени, когда приходилось переносить всевозможные стеснения и обиды от заводчиков и лишаться нередко значительных и лучших земель, захватываемых под заводское строительство, трудно было местному населению за всем этим разглядеть то положительное и прогрессивное, что, несомненно, несли с собою заводы метрополии в отсталую экономическую жизнь Башкирии. Поэтому все враждебные выступления восставших башкир против местных заводов, являясь по существу не совсем целесооб-

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 79—82; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 658—661.

разными, были психологически вполне понятными и оправданными. Справедливость требует отметить, что, используя эту форму борьбы, башкирские повстанцы никогда не превращали ее в основную и преобладающую тактику своих действий. Еще на первоначальном этапе восстания они часто производили нападения на отдельные правительственные команды, пытались затруднить и даже совсем прервать регулярные между ними связи и, наконец, постоянно и с самого еще начала держали под зорким своим наблюдением район новостроившейся Зелаирской крепости. В результате, совсем незаметно для правительственной стороны восставшие башкиры добились здесь такого положения, что не упускали из поля своего зрения ни одного из местных воинских передвижений. Этим, как нам кажется, следует объяснить сравнительно крупный успех, который был одержан повстанческими войсками над драгунской ротой капитана Шкапского, направленной из Зелаирской крепости к Авзяно-Петровскому заводу графа П. И. Шувалова.

Имевший прямым своим назначением охрану завода, к которому он направлялся, этот отряд, усиленный еще 50 казаками, был отправлен с соблюдением всех предосторожностей по наиболее безопасной дороге, где, по всем собранным сведениям, никакой встречи с восставшими башкирами «и чаять было не можно». А между тем последние именно здесь и преградили отряду дальнейшее продвижение вперед, ввязавшись с ним в настоящее сражение. Это произошло 18 августа в 30 верстах от Зелаирской крепости, причем главными участниками сражения были башкиры, только что недавно разорившие Покровский завод. Использовав затруднения правительственного отряда, проходившего по узкой лесной тропе со многими топкими местами, где часть его крепко застряла со своими лошадьми, и хорошо учитывая все преимущества численного своего перевеса над противником, мало осведомленным о действительных размерах их войск, повстанцы окружили этот отряд со всех сторон и после двухчасового упорного боя уничтожили почти целиком. Правда, эта победа стоила им гибели одного из крупных их вождей — башкира Бушмас-Кипчакской волости Кучук-бая, но зато она открыла остальным свободный проход к Яику, куда теперь спешно отходили из Башкирии все повстанческие отряды, стремившиеся поскорее перебраться в пределы Казахстана.[1] Переходы эти начались значительно ранее, еще с 11 числа, но только теперь, в связи с выяснившейся заминкой распространения восстания на другие районы страны, приняли массовый характер. В таких условиях, когда навстречу и «на переем» этим отступавшим повстанцам со всех сторон устремлялись правительственные войска, очень важно было всякое уничтожение живой силы противника, создававшее вместе с тем и известное замешательство в его лагере. Действительно, в значительной степени

---

[1] ГАФКЭ. Фонд. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. IV, лл. 275—278.

именно этот одержанный успех помог главным башкирским силам, после сожжения Покровского завода и совсем вблизи от Зелаирской крепости, свободно проскочить к Яику и перейти последний между Кизылской и Урдасымской крепостями еще до прибытия сколько-нибудь значительных правительственных войск.[1]

Не останавливаясь пока на дальнейшей судьбе ушедших в Казахскую Орду башкирских повстанцев и на последующем ходе борьбы в Ногайской Башкирии, обратимся сначала к рассмотрению событий в противоположном, северо-западном, углу страны и постараемся выяснить, что̀ задержало здесь своевременное выступление Гайнинской волости, которой отводилась та же роль, какая поручена была на юго-востоке, на Ногайской дороге, башкирам Бурзянской волости: открыть и возглавить восстание на Осинской, Сибирской и Казанской дорогах. Поскольку можно судить на основании сохранившихся документов, это замедление в значительной степени было обусловлено тем политическим руководством, которое непосредственно вело всю подготовительную работу намечавшегося в этом районе восстания, но не обнаружило в ответственный критический момент достаточной решимости. В самом деле, еще в первой половине августа 1755 г. возвратился сюда, в аул Карыш-баш, окончив свою миссию на Ногайской дороге, мишарский мулла Батырша Али-улы, но вместо того чтобы немедленно приступить к развертыванию давно задуманного движения среди местного башкирского и мишарского населения, он занял выжидательную позицию, нисколько не спеша с посылкой обещанных представителей в Гайнинскую волость.[2] Между тем только появление посланных им мишарей могло явиться сигналом для начала восстания на Осинской дороге. Очевидно, Батырша выжидал первых результатов начавшейся борьбы в Ногайской Башкирии, не решаясь сразу поставить на карту дальнейшие судьбы мишарского населения. Не было в это время проявлено должной решимости и со стороны другого руководителя местного движения, гайнинца Чурагула, не имевшего, повидимому, полной уверенности в обещанной мишарской помощи и тоже не торопившегося действовать до появления на территории Гайнинской волости обусловленных соглашением посланцев от мишарей Сибирской дороги.

Между тем, время нисколько не ждало, события шли очень быстро, сменяя одно другое, и лучшего момента для начала выступления в Осинской и Сибирской Башкирии трудно было подыскать. Из-за нерешительности вождей этот момент был упущен, и сделанную таким образом ошибку пришлось исправлять в менее выгодных обстоятельствах при частичном уже поражении восстания на Ногайской дороге. Эта ошибка тем более была досадной, что она исходила от того же политического руководства, которое впервые в истории Башкирии вполне правильно поставило перед развер-

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] Там же, ч. II, лл. 1—17.

нувшимся движением, как необходимое условие его успеха, действительно четкие и последовательные требования о необходимости «пресловутых и явных противников, которые доносят неверным, стеснить, дабы не было так, как в прошлые годы».[1] Отмечая эту излишнюю осторожность и нерешительность вождей как причину замедления в развертывании восстания на Осинской дороге, мы, однако, ни в какой степени не склонны относить их исключительно к личным свойствам данных действовавших лиц, которые являлись всего лишь наиболее яркими представителями той социальной группы, из какой они сами вышли и все особенности и недостатки которой естественно отразили в своей деятельности.

Из указанной пассивной и нерешительной позиции Батырша вышел не раньше 20-х чисел августа 1755 г., в значительной степени уже под влиянием соответственных представлений со стороны гайнинских башкир, настаивавших на скорейшем начале борьбы. Мы имеем здесь в виду новое посещение их представителями аула Карыш, происшедшее около этого времени и закончившееся, наконец, посылкой к ним давно обещанных посланцев из среды мишарского населения.[2] Но это происходило уже под живым впечатлением недавно полученного в мишарских аулах правительственного указа о спешном откомандировании местных команд для борьбы с башкирскими повстанцами Ногайской дороги и в виду непосредственной угрозы разгрома всего еще не успевшего как следует развернуться движения, а поэтому, конечно, не смогло получить того значения, которое оно несомненно имело бы, если было бы сделано несколько ранее. И в этом поданном с заметным опозданием ответном сигнале башкирам Ногайской дороги, задержавшем своевременное развертывание событий в остальной Башкирии, нельзя, конечно, не видеть того рокового обстоятельства, которое самым отрицательным образом отразилось на общем ходе всего данного башкирского восстания.

Как бы то ни было, сейчас же с прибытием посланных Батыршей в Гайнинскую волость четырех его представителей (Максута, Урускула, Исмагила и Ахмера), на территории последней развернулись активные действия. В значительной мере только в силу указанных выше обстоятельств (новой сложившейся обстановки и нерешительности вождей) они не переросли в настоящее восстание, которое увлекло бы за собой соседние районы Сибирской и Казанской дорог. Даже при очень короткой и слабой вспышке это движение гайнинских башкир и ясачных татар все же отозвалось как-то в Казанской Башкирии, где, по словам официального доношения И. И. Неплюева в Сенат, башкиры, жившие по реке Деме, тоже «были колеблемы», очевидно, именно в данный момент.[3]

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 353 об.

[2] Там же. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., №1781, ч. II.

[3] Там же. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, л. 90; ч. III, лл. 474—475; ч. IV, лл. 1—2, 167 об.—168, 192—196.

В самой Гайнинской волости события этого короткого, но оживленного периода развивались приблизительно в следующей последовательности. 27—28 августа был убит восставшими башкирами под предводительством Мустая и Акбаша местный старшина Абдук Куджагул-улы, с одной стороны, за свои «великие денежные сборы» с населения, с другой — как один из наиболее ярко выраженных правительственных агентов в собственной их среде, с которыми они считали теперь необходимым расправляться в самом начале. Затем начались постепенные сборы и группировки по отдельным аулам военных отрядов повстанцев для развертывания наступательных действий в сторону Осы и Кунгура и для поднятия восстания в соседних волостях Осинской и Сибирской дорог. В ауле Султанай спешно шло изготовление ратниц одним из участников восстания, Сагитом Чубаркиным. В качестве главных агитаторов на всех крупных собраниях в аулах Башап, Султанай, Тюнгэк, Аккулуш и др. выступали башкиры Чурагул и Исхак и местный ясачный татарин Акчура Ягутеев. Везде эта агитация сопровождалась зачитыванием вслух известного воззвания Батырши. В результате в короткий срок — в течение всего нескольких дней — волнением была охвачена почти вся линия аулов, расположенных по р. Тулве, причем в некоторых из них население целиком примыкало к восстанию. На 1 сентября намечен был окончательный срок для открытия уже крупных повстанческих действий, которые должны были вывести движение из эмбриональной его формы в подлинное широкое восстание.[1]

Не случайно и, повидимому, в связи с успевшими проникнуть в русскую среду частичными сведениями о характере и размерах намечавшейся борьбы находились распространившиеся в это время и несколько позднее различные, потом не оправдавшиеся слухи о нападениях поднявшихся башкир и ясачных татар на Шавкуновский медеплавильный завод и село Медянки и об осаде ими Торговижского и Сокольского острожков в Кунгурско-Красноуфимском районе. Слухи были настолько упорны и многозначительны, что создавалось даже впечатление о целой «башкирской войне», идущей «по ту сторону села Торговища со стороны Верх-Иренской четверти».[2] Часть местных крестьян деревни Быковой даже оставила свои жилища и вместе с женами и детьми бежала в Ачитскую крепость. В действительности дело так далеко не пошло, так как еще в самом начале борьбы движение было предано выступлением против него части местных феодалов и недостаточной решимостью и выдержанностью его вождей. Мы имеем здесь в виду нападение на собравшихся в ауле Кызыл-Яре повстанцев неожиданно появив-

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 186—211 об.; ч. III, л. 284—284 об.; ч. IV, лл. 1—2, 59—64 и др.

[2] Там же, ч. III, л. 271; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 686—687; Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 505.

шегося отряда под начальством башкира Туктамыша Ижбулат-улы.[1] По имеющимся в нашем распоряжении данным можно предполагать, что последний принадлежал к высшей феодальной прослойке местного башкирского общества. По крайней мере, в показании Исхака, данном им в Тайной канцелярии, этот Туктамыш определенно называется «знатным человеком» своего аула. В пользу этого же предложения говорят и те его «непотребные дела», на которые жаловались башкиры в ноябре 1755 г., обвинявшие его в сборе множества денег неизвестно «для каких издержек». Наконец, с этим же башкиром встречаемся мы и в 1767 г. в качестве представителя или депутата в екатерининскую законодательную комиссию от башкир и тархан Уфимской провинции.[2] Характерна также и первоначальная его роль в событиях, развернувшихся в Гайнинской волости в конце августа 1755 г., когда он, повидимому, имел некоторое отношение к убийству старшины Абдука, стеснявшего свободу его действий по отношению к зависевшему от него населению. Но добившись устранения неудобного ему конкурента, он скоро осознал все невыгоды дальнейшего своего пребывания на стороне восстания, почему так быстро и оставил ряды повстанцев, внеся полное замешательство в их среду неожиданным своим появлением перед ними во главе враждебной партии.

Это нападение, как нам кажется, явилось важной причиной того обстоятельства, что так легко удалось рассеять повстанческое собрание, происходившее в ауле Кызыл-Яре, и что в результате утраченной инициативы затормозилось и дальнейшее развертывание самого движения. Действительно, когда выяснилось, что противная сторона сорганизовалась быстрее и уже перешла в наступление, а впереди вырисовывалась перспектива скорого приближения правительственных войск, развертывать повстанческое движение становилось очень затруднительно. Тем не менее, восставшие сдались, повидимому, не сразу, и дело не обошлось здесь без некоторой, хотя и короткой, но упорной гражданской войны между ними и частью выступивших против них местных феодалов. Поскольку можно судить по тайному письму, полученному Батыршей от бураевцев, в Гайнинской волости действительно в это время происходили какие-то внутренние раздоры, «народ разделился на две части и были случаи убийства».[3] И все это в тот момент, когда половина гайнинцев уже вливалась в ряды восставших, а население окрестных районов каждую минуту готово было подняться при одном только приближении к ним повстанческих отрядов.[4] В таких условиях важна была, конечно, всякая поддержка со стороны, и за получением ее естественно обращались к Батырше.

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 186—211 об.; ч. III, л. 284—284 об.; ч. IV, лл. 190—191 об.

[2] Там же, ч. III, л. 255 об.; УЦГАЛ. Архив Гос. совета, св. 109/11, № 528, л. 1.

[3] Там же, ч. II, лл. 1—17.

[4] Там же.

«О, как хорошо бы было, если вы послали бы много людей на подмогу народу», сообщали ему в том же тайном письме бураевцы, предупреждавшие его и о лично грозившей ему опасности.[1] Хотя это письмо и дошло по назначению, оно все же не дало тех результатов, которые от него ожидались. Столь необходимая и желанная подмога не была предоставлена, и движение Гайнинской волости было обречено на быстрое и полное угасание, особенно после того как запоздалой и слишком незаметной оказалась их последняя попытка поднять за собою на дальнейшую борьбу мишарские аулы соседней Сибирской дороги. Здесь небольшая часть гайнинских повстанцев появилась, повидимому, не позднее 1—2 сентября 1755 г., рассчитывая с помощью Батырши увлечь за собою местных мишарей. Но они «чуть-чуть не успели», так как он только на рассвете 1 сентября покинул аул Карыш-баш, уйдя со своими учениками в ближайший лес.[2] Не решившись без его участия взяться самостоятельно за осуществление намеченного плана и вместе с тем оставаясь в полном неведении о его местопребывании, они поворотили назад, очевидно, рассеиваясь и скрываясь по соседним аулам и оставив по себе, таким образом, только память о своем приходе «с некоторым опозданием» и о том, что «если бы они успели во время подняться, то никто из нас (т. е. мишарей. *А. Ч.*) тоже не остался».[3]

Разбираясь во всех этих обстоятельствах последних дней гайнинского восстания, нетрудно притти к заключению, что в ряду причин, предопределивших собою неудачный его исход, далеко не второстепенное место занимала также и нерешительная тактика его вождей. В самом деле еще неизвестно, какой оборот приняли бы события в данном районе даже после поражения, понесенного восставшими гайнинцами, если бы часть их, прибывшая на Сибирскую дорогу, застала бы на месте Батыршу и вместе с ним подняла бы местное мишарское население. Неизвестно также, как бы пошло дальнейшее развитие восстания и в том случае, если бы тот же Батырша, вместо того чтобы скрываться от своих преследователей в лесах западной части Уфимского уезда, проявил тогда больше решимости и риска, подняв за собою сочувствовавших его делу местных мишарей. В конце концов при известной доле смелости не исключалась возможность лучшего выхода из положения даже в самый последний момент, на рассвете 1 сентября 1755 г., когда окруженный семьей и своими учениками Батырша уходил уже из аула Карыш в ближайший лес. Ведь не случайно он сам отмечает, что в числе 150 вооруженных людей, провожавших его на расстоянии шести верст от аула, он не заметил ни одного сколько-нибудь враждебно к нему настроенного.[4] Но все эти возможности не были

[1] ГАФКЭ. Фонд 6. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 1—17.

[2] Там же, ч. IV, лл. 136, 345, 347.

[3] Там же, ч. II, лл. 1—17.

[4] Там же.

своевременно использованы, и оставшееся в самый критический момент без надлежащего руководства и необходимой вооруженной поддержки движение гайнинских башкир не могло получить дальнейшего развития, а, потерпев полную неудачу, быстро заглохло. Лишь 1 сентября утром Батырша вместе со своей семьей и учениками покинул аул Карыш-баш, уйдя в ближайший лес; 1-го же или 2 сентября бесплодно проблуждали здесь, около того же аула, приходившие поднять местных мишарей гайнинские повстанцы, не достигшие своей цели, а уже в 20-х числах сентября, когда в пределы Осинской дороги вступали карательные отряды правительственных войск, им ничего не оставалось делать, как только заняться розыском отдельных участников движения и привлечением их к судебному следствию.[1] Восстания, как такового, уже не существовало.

При всей кратковременности и недостаточной развернутости именно это движение более всего встревожило правящие круги феодально-крепостной России. Причина этого заключалась в том, что оно происходило в ближайшем соседстве с территорией б. Казанского ханства с его многочисленным мусульманским и вообще нерусским населением. Опасение распространения его влияния в первую очередь на татарское население этого края заставило царское правительство еще в самом начале сентября обратить внимание на некоторые неотложные нужды этого населения и своевременно сделанными уступками постараться задержать присоединение его к восставшим башкирам. Так возникло то специальное законодательство о казанских татарах, которое явилось ловким политическим маневром царского правительства, спасавшего свое положение частичными уступками местному населению при сохранении в основном всей прежней системы колониального режима. Первые решения в этом направлении были вынесены 3 и 4 сентября 1755 г., еще до получения известий о гайнинских событиях, но все основные и окончательные постановления подобного рода, изданные к концу этого месяца, находились уже несомненно в тесной связи с волнениями в Гайнинской волости и с неизжитыми тогда опасениями возможного объединения разных народностей Поволжья с продолжавшей еще волноваться Башкирией.

Из общего ознакомления со всеми этими мероприятиями видно, что царское правительство не ограничивало своих стремлений привлечением на свою сторону только верхушки татарского общества, но старалось заигрывать также и с более широкими массами казанских татар. Эта по-своему продуманная и последовательная система колониальной политики началась двумя постановлениями 3 и 4 сентября 1755 г.,[2] позднее опубликованными во всеобщее сведение в виде двух же специальных указов Правительствующего

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, лл. 262, 282, 284—284 об., 292—292 об., 362; ч. IV, лл. 209—210.

[2] Сенатский архив, IX, стр. 417—420.

сената от 21 сентября. Один из них разрешал вопрос, касавшийся исключительно мурз и служилых татар, приписанных к адмиралтейским корабельным работам, которые теперь перечислялись, согласно их желанию, в одно лишь ведомство Казанской адмиралтейской конторы; кроме этого им же устанавливалось для будущего времени зачитывать «в платеж заработных денег из положенного подушного оклада ночные часы». Другой указ от того же числа имел уже в виду интересы всего татарского населения края, временно прекращая всякие переселения некрещеных татар [1] и устанавливая впредь производство касающихся их духовных дел не в архиерейских консисториях, а в особых присутствиях губернских канцелярий.

Начатая пока в очень скромных размерах, эта политика получила дальнейшее развитие в указах 27 и 28 сентября того же года, где от постановлений, затронувших главным образом общее административное положение местного населения, правительство перешло к урегулированию отдельных сторон и хозяйственной их жизни. Первый из этих указов предписывал прекратить прежнюю практику взыскания с «иноверцев» доимочных и подушных денег, а также дополнительных нарядов рекрут, взамен платежей и нарядов, следующих с их крещеных соотечественников. Второй указ, имевший в виду главным образом мурз и служилых татар, наряжавшихся в поход против восставших башкир, устанавливал для них жалованье вперед за 2 месяца и признавал необходимым возвратить им неправильно взятые с них подушные деньги за прежние годы участия их в правительственных войсках при подавлении башкирских восстаний; при этом подтверждалась недопустимость в настоящее время взыскивать подушные деньги и с ясачных татар.

Вся эта система вполне последовательно увенчивалась принятым еще 26 сентября, но фактически проведенным в жизнь только 9 октября общим определением Правительствующего сената и Коллегий иностранных дел и Военной, утвержденным императрицей Елизаветой, о смене казанского и тобольского архиереев (Луки Конашевича и Сильвестра Гловатского), вызвавших своими действиями особенное неудовольствие местных народностей.[2] Как последний запоздалый отклик той же системы мероприятий явился указ 23 августа 1756 г., изданный уже после окончательного подавления восстания и захвата главного и идейного его вдохновителя муллы Батырши. Этим указом вновь разрешалась постройка мечетей в селах и деревнях с татарско-мусульманским населением, насчитывавшим от 200 до 300 душ мужского пола, и при наличии на ряду с ними новокрещеных лишь в размере менее $^1/_{10}$ общего

---

[1] Здесь имеется в виду временное прекращение переселения некрещеных татар из тех деревень, где оказывались крещеные, в другие деревни, где их не было; такое переселение было установлено в 1743 г.

[2] Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 436, 440, 442; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756 г., № 1582, лл. 370—370 об., 467—467 об., 782—783 об., 843—844 об., 846—847.

числа жителей (новокрещеные в таком случае выселялись на новые места); в противном же случае, при наличии новокрещеных в большем количестве, оставалось в силе прежнее правило о запрещении постройки мечетей.[1] Хотя это постановление было издано после ликвидации восстания, оно несомненно еще полностью отражало правительственные настроения периода восстания и являлось таким же политическим маневром царской власти, как и все остальные мероприятия подобного же рода, проведенные еще в конце предыдущего 1755 г.

Вся совокупность указанных мероприятий не считалась, однако, достаточной для полного обеспечения от возможной опасности, особенно в период неутихавшего еще восстания. Не случайно поэтому, что в сентябре 1755 г. царское правительство попыталось прибегнуть к испытанной политике натравливания одной народности на другую, которую оренбургский губернатор Неплюев возобновил еще в мае 1755 г. по отношению к башкирам и казахам и продолжал позднее во взаимных отношениях между теми же башкирами и местными мишарами.[2] В данном случае ту же роль должен был сыграть манифест от 26 сентября, обещавший мурзам и татарам Казанской губернии «за взятье с бою башкир имения и семейства последних, с правом продажи полученных пленников даже внутри России».[3] Хотя это обещание, в силу сложившихся обстоятельств, не получило практического осуществления, зато широко развернулась в общем ходе восстания та же политика натравливания двух народностей в противоположном углу Поволжско-Приуральского края, во взаимоотношениях башкирского и казахского народов.

Постараемся восстановить здесь все основные этапы этой политики с самого ее начала, еще с момента, когда до местных колониальных властей дошли первые известия об отходе восставших башкир за Яик и ясно обрисовалась реальная угроза возможного соглашения повстанцев с казахами для открытия совместных враждебных действий. Тогда же были поспешно командированы оренбургской администрацией почти в одно и то же время (29 мая и 7 июня) в обе казахские орды специальные посланцы с секретными письмами: Усман Арасланов в Малую Орду к хану Нур-Али и Матвей Арапов в Среднюю к султану Аблаю. Цель этих посылок была весьма несложная и сводилась к задаче в самом начале событий кровно и надолго поссорить между собою оба народа.[4] История этого эпизода, сыгравшего роковую роль в исходе башкирского восстания 1755 г., не раз освещалась прежней исторической литературой, но при этом почти всегда единственным источником для его характеристики служили только «Записки

---

[1] С. Ф. Ташкин, назв. соч., стр. 18; ср. Н. Фирсов, назв. соч., стр. 181.

[2] Записки И. И. Неплюева, СПб., 1893, стр. 152—153.

[3] Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 438—439; ПСЗ, т. XIV, № 10469.

[4] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 4—5 об., 6—7 об.

И. И. Неплюева», составленные много лет спустя после описанных в них событий и передающие их далеко не с достаточной точностью и полнотой.[1] Вместе с тем вся эта политика местных колониальных властей рассматривалась обычно под углом зрения великодержавного российского шовинизма и оправдывалась как единственно возможная политическая тактика царизма в Башкирии. Особенно резко и в совсем неприкрытой форме эта установка была выражена А. Левшиным, целиком оправдывавшим всю эту систему правительственной провокации и натравливания одной народности на другую, проводившуюся Неплюевым в 1755—1756 гг.[2] Дальнейшее изложение имеет целью на основании конкретно привлеченного материала показать в противоположность подобной точке зрения подлинную сущность этой провокационной политики российского царизма и в частности внести ряд поправок в прежнюю фактическую передачу отдельных ее деталей. В этом отношении особенно много ценных сведений дают документы, сохранившиеся в делах Коллегии иностранных дел, издаваемые в настоящее время Институтом истории Академии Наук СССР. На основании их мы можем не только проследить все изгибы неплюевской политики по отношению к казахским феодалам и башкирам-повстанцам, но и достаточно конкретно представить также самые условия пребывания в пределах Казахстана ушедших туда башкир.

Постараемся же на основе указанных материалов и путем сопоставления их данных с некоторыми ранее известными фактами восстановить прежде всего истинную картину условий, в которых оказались первые башкирские партии, отошедшие в Казахскую степь после неудачного вооруженного выступления в Бурзянской волости в мае 1755 г. Отход этот, совершившийся 21 мая, происходил, однако, далеко не так, как предусматривалось общим соглашением еще осенью 1754 г. Тогда дело представлялось таким образом, что этот уход из Башкирии восставшего населения будет носить массовый характер и, сопровождаясь разорением всех учрежденных почтовых станов на Исетском тракте и ближних к ним крепостей, приведет башкирских повстанцев в Казахстан за получением последней и непосредственной поддержки для окончательного уничтожения царского колониального господства в Приуральском крае. Между тем в данном случае, в настоящей реальной действительности, перешло Яик между верхними яицкими крепостями всего 124 так называемых «деловых» людей, забравших с собою свои семьи в количестве 26 душ малолетних мужского

---

[1] Записки И. И. Неплюева (1693—1773 гг.), СПб., 1893, стр. 155—161; Н. Фирсов, назв. соч., стр. 438—439, 441—444; В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 872—876.

[2] А. Левшин. Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей, СПб., 1832, ч. 2, стр. 216—217; В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань, 1897, стр. 873—875.

пола и женского — больших и малых 140 душ.[1] Ясно, что в таких условиях не могло быть и речи о немедленном и непосредственном вмешательстве в борьбу казахских племен. Самое большее, на что могли рассчитывать в таком случае башкиры, это было бы принятие их местными казахами более или менее дружественно, наподобие того, как было, напр., поступлено с их соотечественниками в 1740 г. Мы имеем здесь в виду уход в Казахскую орду части башкирских повстанцев во главе с Карасакалом, когда они поселились среди казахских племен «своими кибитками», по женам своим сделавшись «им киргизцом свойственниками».[2] Нечто сходное произошло и в данный момент, когда бежавшие за Яик башкиры попали даже не в Среднюю Казахскую Орду, как первоначально намечалось их планом, а в соседние с нею более крайние аулы казахов Малой Орды.

После 8-суточного перехода и днем и ночью, башкирские повстанцы остановились в это время в расположении кочевий казахского старшины Джагалбайлинского рода Серки батыря, который находился в ведомстве ханского брата султана Айчувака. Здесь они были встречены без всякой враждебности местными казахами и «не по одиначкам разобраны, но токмо посемейно разделены, и не яко пленники, но яко гости».[3] Трудно в этом факте своеобразного посемейного раздела найти какой-либо намек на происшедшее при этом фактическое разграбление только что прибывших повстанцев казахами Джагалбайлинского рода. В таком случае была бы совсем непонятной вся дальнейшая тактика оренбургского губернатора Неплюева, который, расценивая эту встречу по ее действительному значению состоявшегося приема и укрывательства враждебных царизму элементов, при первых же известиях о ней признал необходимым, сверх уже сделанных указаний хану Нур-Али и султану Аблаю, обратиться с соответственными представлениями и к султану Айчуваку, направив к нему с этой целью капитана Яковлева, «ему знакомого и к такому делу способного».[4]

Во всех этих как ранее, так и теперь сделанных представлениях Неплюев весьма искусно и последовательно разворачивал начала той провокационной политики, которая позднее получила полное завершение в окончательном вооружении им одного народа против другого и в длительной и непримиримой их вражде друг с другом. К осуществлению этой задачи он подходил постепенно,

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, л. 23.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г.; № 2, лл. 398 об.—399.

[3] Там же, л. 32.

[4] Там же, л. 19. В пользу такого же представления дела говорит и то, что часть этих повстанцев, по истечении четырех дней, сговорившись с казахами, совершенно свободно направилась отсюда обратно в Башкирию, чтобы забрать оставленные ими в лесных бортях и в прочих местах разные пожитки, и что к этому же склонялись и другие их соотечественники, неплохо, повидимому, устроившиеся в казахских аулах. ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 14 об.

не раскрывая сразу всех карт. Это последнее обстоятельство надо всегда иметь в виду для правильного понимания последовательного развития всей неплюевской политики за это время. Между тем, прежняя историческая литература, опиравшаяся главным образом на «Записки» самого Неплюева, составленные, как известно, уже много лет спустя после описанных в них событий, представляла себе всю эту политику значительно упрощенной, будучи совсем не осведомлена о ряде переходных моментов, которые связывали между собою отдельные ее звенья и обусловливали дальнейшее ее развитие. Это приводило нередко к большим неточностям в изображении действительности. Так это сказалось, напр., при изложении первых мероприятий Неплюева по отношению к казахским феодалам в связи с настоятельно вставшей необходимостью возвращения из Казахской Орды ушедших туда башкирских повстанцев. Действительно, как теперь определенно устанавливается, первые обращения оренбургского губернатора к казахской феодальной верхушке, вопреки прежнему представлению, совсем еще не были облечены в форму категорического требования выдачи всех башкирских «беглецов»; равным образом они не сопровождались тогда пожалованием казахских феодалов помимо «имений» повстанцев также их женами и детьми. Хорошо сознававшая всю нереальность подобных требований при сложившихся обстоятельствах оренбургская администрация ограничивалась на первых порах только одним стремлением: добиться от казахских феодалов действительного превращения бежавших к ним башкир в настоящих пленников. Признавая, что «не установя одного народу, другой раздражать не сходно», эта администрация настаивала перед казахской феодальной верхушкой лишь на общем разграблении башкирских повстанцев и «учинении» их пленниками, надеясь в дальнейшем с помощью тех же феодалов достигнуть окончательного разорения и обратного возвращения всех этих «беглецов» в пределы Башкирии.[1]

Только после того, как вопрос об их возвращении начал затягиваться на неопределенное время, создавая вместе с тем вполне реальную угрозу значительного осложнения его в будущем, Неплюев делает следующий шаг в направлении избранного им пути и уже определенно начинает настаивать не только на полном разграблении и общем разделении бежавших башкир, но также и на действительном «разобрании» их не посемейно, а по «одиначкам». К этому его толкали теперь обнаружившиеся случаи соучастия отдельных казахов в начавшихся башкирских набегах за укрепленную линию и «подсматривания» ими крепостей по Яику. В полном соответствии с этим и руководимый стремлением в самом начале предотвратить наметившееся объединение, Неплюев и составляет новое письмо к хану Нур-Али, отправленное к нему со специальным посланцем кн. Максютовым 28 июля 1755 г. Написанное уже

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 4—5 об., 22 об.

после получения от казахского хана первых известий о происшедшем разграблении части башкирских повстанцев в Джагалбайлинском роде, оно ставило себе задачей поощрить местную феодальную агентуру царской колониальной власти к дальнейшим более решительным шагам в этом направлении. В этих целях здесь впервые дано было понять казахским феодалам о полной допустимости с их стороны раздельного захвата жен и малолетних детей ушедших к ним башкир и долговременного удержания их в казахских аулах при условии, однако, незамедлительной выдачи самих повстанцев. «И тако хотя я о женах и малолетных их детей докучать оставлю, — писал Неплюев Нур-Али, — хотя б они и в киргиз-кайсацких руках остались, но главная и необходимая ныне нужда в том состоит, дабы самые те злодеи, которых числом 124 человека бежало, через вас были собраны и ко мне отданы». [1]

Вполне рассчитывая на успех этого начинания, оренбургская колониальная администрация ставила, таким образом, ставку на разрешение сразу двух задач: возможно скорейшего получения из казахских аулов наиболее опасных и враждебных элементов, с одной стороны, и дальнейшего разжигания межнациональной борьбы — с другой, обеспечивая тем самым для себя наиболее благоприятные условия в случае новой вспышки восстания в Башкирии. Такая вспышка была не за горами, так как в том же июле, когда окончательно определились основные линии неплюевской политики по отношению к казахским феодалам, спешно заканчивались и последние приготовления к новому выступлению в Башкирском крае. В начале же августа разразилось и самое восстание, в общем ходе которого обнаружился, как мы видели выше, новый и на этот раз уже массовый уход части восставших башкир в казахские кочевья. Это происходило во второй половине августа 1755 г. К этому времени окончательно выяснилось, что повстанцы могли рассчитывать на поддержку не только Средней Казахской Орды, но также некоторых родов и соседней с ней Малой Орды. По крайней мере в тех набегах башкирских повстанцев на укрепленную Яицкую линию, которые участились особенно в августе и сентябре, нередко главную роль играли именно семиродцы (Джетыру), т. е. казахи, принадлежавшие к составу Малой Орды. При этом по всему было видно, что, несмотря на происшедшее в июле 1755 г. частичное разграбление башкирских беглецов, основная их масса как раньше, так и теперь оставалась на положении, очень далеком от состояния настоящих пленников. Это одинаково относилось как к башкирам, ушедшим в Среднюю Орду, так и к тем, которые нашли приют у Таминского и Табынского родов Малой Орды. [2]

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 25, 33.

[2] Между тем в прежней исторической литературе господствовало обратное, неоправдываемое имеющимися источниками, представление, что все башкирские повстанцы, когда-либо укрывшиеся в казахских кочевьях, оди-

Перед царской властью нависала, таким образом, определенная угроза постепенного сплачивания в тесный союз двух угнетенных народностей, готовых в каждый момент нанести этой власти неожиданный и чувствительный удар. Подобная опасность тем более представлялась возможной, что поток беглецов в казахские степи все увеличивался и скоро уже превысил 10 000 человек.[1] В таких условиях колониальная администрация стремилась возможно скорее добиться длительной и глубокой ссоры между обоими народами. Стремясь к достижению этой цели и стараясь вообще вывести казахский народ из числа сколько-нибудь активных участников происходившего восстания, царские власти все время поддерживали самые тесные связи с казахскими феодалами, мобилизуя их на службу своим интересам и умело используя все существовавшие между ними внутренние противоречия. Самые формы этих связей были различными в зависимости от обстоятельств, проявляясь или в обычной посылке писем различным казахским феодалам или выливаясь в более или менее дружественные встречи с ними, как в самом Оренбурге, так и в других пунктах Яицкой укрепленной линии. В последнем случае они сопровождались всегда обильными угощениями и раздачей подарков как ханам и султанам, так и всем прибывавшим вместе с ними знатным и простым казахам. Для самого главного из них, хана Нур-Али, в целях окончательного его приручения, было выхлопотано даже постоянное годовое жалованье в размере 600 рублей.[2] Конечно, все эти мероприятия, распространившиеся преимущественно на феодалов Малой Казахской Орды, не могли оказать влияния на казахские племена соседней Средней Орды, но они, во всяком случае, имели то значение, что парализовали в самом начале обнаружившийся переход на сторону восставших башкир отдельных групп казахов из семиродского поколения, внеся в их ряды заметное расстройство и положив предел дальнейшему развитию этого явления среди других казахских племен той же орды.

Между тем присоединение этих казахов к восстанию могло бы иметь для колониального господства царской России роковые последствия, так как в противоположность Средней Орде, занятой в это время борьбой с «зюнгорскими калмыками», Малая Орда, наоборот, более свободно располагала своими силами. Политика

паково подверглись массовому разграблению со стороны местных феодалов. В. Н. Витевский, назв. соч., стр. 872—873; А. И. Добросмыслов. Тургайская область, Оренб., 1900, стр. 116—118.

[1] П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., Оренб., 1887, стр. 263; ср. Записки И. И. Неплюева, СПб., 1893, стр. 155, где указывается другая, значительно преувеличенная цифра количества башкирских повстанцев, ушедших в казахские аулы: «башкирцев с женами и детьми перебралось более 50 000 душ».

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 368—368 об., 370, 371, 568 об. — 578 об., 603—608; И. И. Крафт, назв. соч., прилож., стр. 44; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 440—440 об., 442.

Неплюева в отношении Малой Казахской Орды облегчалась отсутствием среди местных казахских феодалов тех обостренных и натянутых отношений с царской Россией, которые имели место в соседней Средней Орде, но во всяком случае и в данных условиях она требовала значительной осторожности, своевременной находчивости и умелого лавирования среди различных возникавших затруднений.[1] Материалы издаваемой Институтом истории Академии Наук СССР 3-й части Сборника по истории Башкирской АССР, в особенности связанные с деятельностью специальной комиссии А. И. Тевкелева, дают в этом отношении ряд ценных указаний.

Но если все было мобилизовано на то, чтобы не допустить соединения башкир с казахами, то, естественно, не могли быть оставлены без внимания и внутренние противоречия в самой Казахской Орде, дальнейшие обострения которых были только в интересах колониальной власти. Вот почему, наблюдая за событиями в Малой Орде и зная давнюю вражду хана Нур-Али к Батырю султану, Неплюев именно в данный момент представлял ему полную свободу действия по отношению к его сопернику. Характерно при этом, что самым средством разжигания подобной внутренней борьбы послужили башкирские повстанцы, скрывавшиеся в казахских кочевьях. Дело заключалось в том, что в числе четырех родов, первыми принявших башкирских «беглецов», находились также казахи, которые отделились от султана Айчувака и приняли к себе правителем сына Батыря султана — Каипа. Учитывая этот выгодный для себя момент, оренбургский губернатор и давал понять хану Нур-Али, что «по законной вине за прием злодеев может он им и свою досаду отомстить, а инако повод подается Батырь салтану более развращать и к себе привлекать».[2] Те же соображения заставляли Неплюева подталкивать на подобные действия и брата казахского хана, султана Эр-Али, «потому сам он солтан может понять, чего им кроме опасности от него (Батыря султана. *А. Ч.*) ожидать».[3] Последние представления были сделаны Эр-Али оренбургским губернатором уже при личном свидании с ним в Оренбурге, не позднее середины августа 1755 г., и сопровождались одновременным обсуждением общих мероприятий по ускорению выдачи казахскими родами всех бежавших к ним башкирских повстанцев. И вот здесь, в условиях этой конфиденциальной беседы, Неплюев впервые определенно выдвинул то наиболее действительное средство своей провокационной политики, на которое он раньше только намекал как на некоторую допустимую возможность. Мы

---

[1] В том же плане, в полном соответствии с избранной позицией, следует рассматривать и данное в это время казахам разрешение в зимнее время 1755 г. «содержать скот их на внутренней стороне реки Яика». Центр. военно-историч. архив. Дело по описи 47, № 64/67, лл. 625—627 об.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Башкирские дела, 1755 г., № 2, л. 26.

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 437 об.—440.

имеем здесь в виду полуофициальное разрешение, данное им казахским феодалам на право захвата ими жен и малолетних детей башкирских повстанцев, при условии, однако, незамедлительной выдачи их самих царскому правительству. «Жон же и малых их, воров, детей, — писал Неплюев в своем доношении о результатах этого свидания, — также и пожитки их, что чего при них есть, позволил ему (Эр-Али. *А. Ч.*) и тем, кои при том будут служить, себе в добычь употребить».[1] Имевшее в виду прежде всего башкирских повстанцев, принятых сторонниками султана Батыря, это полуофициальное заявление, однако, являлось вместе с тем как бы общим призывом и сигналом к массовому и действительному разграблению всех вообще башкир, скрывавшихся в казахских аулах. Повидимому, не без связи с этим сигналом в самом конце того же августа казахская степь сделалась свидетельницей ужасного и кошмарного события, когда поднявшиеся под непосредственным руководством собственного хана и его братьев казахские отряды, составленные главным образом из алчинцев, учинили зверское нападение на своих же соотечественников — семиродцев (Джетыру), принявших к себе башкирских повстанцев и не пожелавших отдать их на поток и разграбление своему хану и его сторонникам. Это была поистине жуткая картина, когда в 4-дневном ожесточенном сражении нападавшие алчинцы «многие кибитки поломали и не мало людей и робят подавили» и когда «с обеих сторон погибло 15 человек, а ранено более 100», из которых у некоторых были «выбиты глаза у некоторых разбиты головы и руки переломаны саблями и, наконец, у некоторых же де и ребра переломаны». Неплюевская политика могла, таким образом, торжествовать большую победу, приблизившись одновременно к достижению обеих поставленных задач: и разграбления башкирских повстанцев, укрывавшихся в казахских аулах, и разъединения самих казахов, искусно натравленных друг на друга. По крайней мере сообщавший об этом событии, как о крупном своем успехе, казахский хан Нур-Али одновременно уведомлял оренбургского губернатора и о дальнейшем продолжении начатого дела, возложенного теперь на младшего его брата, султана Эр-Али. Последний должен был «поступать таким же образом и с остальными скрывавшимися [башкирами]».[2]

Все описанное происшествие разыгралось в верховьях рр. Ирбайты, Караганлы и Камышак, в районе расположения кочевий 1000 кибиток Табынского рода и 500 Джагалбайлинского, в последних числах августа, и закончилось разделом отнятых башкирских повстанцев между победителями-алчинцами. Оцененные, мужчины по 10, женщины по 15, грудные дети по 2 кобылы, эти башкиры были распределены между алчинцами таким образом

---

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, л. 437 об.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 273, 493.

зом, что «отцы были разлучены с сыновьями, а матери с дочерьми».[1]

За этим разграблением скоро последовало и другое, происшедшее на этот раз на ряду с аулами Табынского рода (владельца Миньяшара) также и в кочевьях Таминского рода, подчиненных Исет тархану; оно сопровождалось не меньшим ожесточением при столкновении алчинцев с семиродцами, чем в их предыдущей вооруженной схватке в аулах Алла-Назар бия и Серки батыря. Если в первом случае взаимное ожесточение сторон доходило до того, что «иных ребят, отнимая одни от других, за ноги пополам разорвали», то и на этот раз столкновение не обошлось без того, что «многие ребята между ног лошадиных примерли», и «лошадей немало пало» и «с обоих же сторон урон был».[2] Но при всем том следует все же отметить, что, несмотря на описанные события, даже башкиры, находившиеся у семиродцев, далеко не все подвергнулись общему разграблению и разорению. Часть из них, очевидно, и после всего происшедшего оставалась на прежнем положении, скрепленном присягой одних «не причинять им вреда, не грабить и не выдавать их, пока [сами] не умрут тут же перед ними», и договорным обязательством других отдать казахам «своих взрослых дочерей и свою [наиболее] богатую казну».[3] С таким представлением дела вполне увязывается та политическая обстановка, которая сложилась в это время в Башкирии, обстановка, в которой башкирские «беглецы» неоднократно выступали совместно с казахами семиродского племени. Тем более подобные же отношения должны были поддерживаться между казахами и ушедшими к ним башкирами в аулах Средней Казахской Орды, где, по словам казахского батыря и старшины Юлумбетя, все находившиеся там башкирские повстанцы, «не разлучая жен от мужей, и детей от отцов и матерей, но токмо посемейно порознь же разобраны». Только в аулах основной части Малой Казахской Орды, где господствовали феодалы алчинских казахских родов, восставшие башкиры сразу попадали в иные условия, превращаясь в настоящих пленников и испытывая действительно все тяготы подневольного существования, не напрасно сравнивавшиеся ими с царской каторгой.[4]

Выяснив, таким образом, общую картину положения башкирских повстанцев в пределах Казахстана и основную позицию, занятую по отношению к ним различными казахскими родами, обратимся теперь к рассмотрению последнего этапа башкирского восстания 1755 г. Присматриваясь ближе к отдельным его проявлениям в это время, мы без особенного труда сможем установить, что

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 493. Разграблению здесь подверглись, повидимому, башкиры Усерганской волости; см. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 273.

[2] Там же, лл. 367 об., 378 об.—379 об.

[3] Там же, лл. 493—494 об.

[4] Там же, лл. 594 об.—596; Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, лл. 241—244.

оно приобретало тогда ясно выраженный характер упорной партизанской борьбы, в которой известное участие принимали также и некоторые казахские роды. Такая тактика диктовалась всей сложившейся обстановкой, не благоприятствовавшей дальнейшему расширению восстания, которое попрежнему сосредоточивалось только в пределах тех же шести волостей Ногайской Башкирии, какие начали его в первых числах августа 1755 г. Единственная и то неудавшаяся попытка расширения территории восстания сделана была в это время лишь в направлении Юрматынской волости, население которой склонялось к выступлению и было остановлено только быстрым сосредоточением в ее районе правительственных войск.[1] Формы этой партизанской борьбы заметно разнообразились в зависимости от окружающей обстановки и роли в ней отдельных ее участников, начиная от простых угонов скота с Яицкой укрепленной линии и кончая более крупными выступлениями внутри самой Башкирии. При этом определенно чувствовалось, что борьба продолжалась не только выбегавшими из Казахской Орды башкирскими повстанцами, поддерживавшимися некоторыми казахскими родами, но и теми из башкир, которые оставались внутри страны и время от времени напоминали о своем существовании в виде различных нападений: или на почтовые станы или на вновь строившиеся медные и железные заводы.

Самый разгар борьбы приходится на период времени с конца августа до половины октября того же 1755 г. Из отдельных более заметных выступлений назовем хотя бы разорение и сожжение повстанческой партией в самом конце августа почтового стана в районе тракта от Воздвиженской крепости к Преображенскому заводу или появление, повидимому, той же партии в начале сентября около самого Преображенского завода, сопровождавшееся избиением местных заводских жителей, отгоном скота и поджогом во многих местах имевшегося поблизости валежника и сухих, обрубленных с деревьев сучьев и травы. Подобные же действия в районе заводов происходили и в октябре, когда башкирские повстанцы, партиями в 300 человек, или подъезжали к Вознесенскому заводу графа Сиверса, отгоняя у местных заводских служителей их лошадей, или совершали нападения на отдельные их группы в районе Верхне-Авзяно-Петровского завода графа П. И. Шувалова.[2] Но, все же более частыми и систематическими были и в это время выступления другого рода, проявлявшиеся теперь в неожиданных набегах небольших башкиро-казахских отрядов на пограничные укрепленные линии — Яицкую и Уйскую — и также сопровождавшиеся захватом людей и отгоном скота у местных жителей. Со стороны казахов

---

[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, лл. 241—244.

[2] Ср. также набеги башкир 1 и 25 октября под Канониковльский завод.— ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 307 об., 308; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 664—665, 682—682 об., 685—685 об.

здесь действовали, главным образом, те из них, которые входили в состав Средней Казахской Орды, и те из семиродцев (Джетыру), которые с самого начала приняли к себе бежавших башкир.

Но поддержка, которая могла быть оказана башкирским повстанцам со стороны казахских племен, заметно ослаблялась одним привходящим обстоятельством и в значительной степени парализовалась всей системой развивавшейся провокационной политики царизма в Казахстане. Мы имеем прежде всего в виду неблагоприятно сложившуюся для башкир общую обстановку в Средней Орде, которая вынуждена была ввязаться в это время в ответственную и решительную борьбу «с зюнгорскими калмыками», куда и были брошены ею все ее главные силы.[1] Вследствие этого в сторону восставшей Башкирии могли быть выделены только небольшие вспомогательные отряды, которые, участвуя вместе с башкирами в набегах на Уйскую линию, лишены уже были возможности превратиться в сколько-нибудь решающий фактор восстания. Правда, некоторая компенсация за это невольное ослабление оказывавшейся помощи как будто намечалась среди казахов Малой Орды, где, помимо отдельных родов Джетыру, в самом начале поддержавших восставших башкир, подобное же благожелательное отношение к ним готово было распространиться также и среди некоторых других казахских родов. Агитацию за поддержку башкирских повстанцев вел в это время в западной части Казахской степи один из влиятельных туземных ходжей, Кушум, пытавшийся одновременно парализовать и отрицательные последствия провокационной политики царской власти по отношению к местным казахам. «Этих пришедших иштеков (башкир) не грабьте, не убивайте, — поучал он население окружавших его аулов, — а захватив не передавайте, [а не то] вы будете безбожники». Характерно, что вся эта пропаганда проводилась уже после известного погрома, учиненного ханом Нур-Али и его братьями в кочевьях казахов Табынского и Джагалбайлинского родов, и соединялась с попыткой помешать, насколько было возможно, налаживавшемуся союзу самой верхушки казахских феодалов с опекавшим их местным колониальным правительством. «Мы думали ограбить казну, которую везли с капитаном во главе, — сообщал ходжа Кушум ханскому писарю Али-Мухаммету, — но Азантай бий не позволил, и я отложил на один раз».[2] Возможно, здесь имелось в виду ограбление того денежного жалованья, которое в качестве своеобразной цены крови направлялось к хану Нур-Али с русским посланцем Максютовым или Яковлевым в вознаграждение его услуг по разграблению башкирских повстанцев.

Но вся эта благоприятная для восстания конъюнктура была разрушена изворотливой и провокационной политикой главного

---

[1] В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времени кончины Абул-Хайра-хана (1748—1765 гг.), т. I, Уфа, 1853, стр. 124—125.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 510 об.—510.

администратора края И. И. Неплюева, широко пустившего в ход целую систему явных и скрытых подкупов отдельных казахских феодалов и умело сыгравшего на дальнейшем обострении существовавших среди них внутренних противоречий. Последние вырастали здесь на почве столкновений этих феодалов, с одной стороны, из-за распоряжения лучшими пастбищными угодьями, а с другой — из-за использования наибольших выгод от транзитной караванной торговли и регулярного менового торга кочевников с оседлыми русскими поселениями на Яицкой укрепленной линии. В результате алчинцы, меньше других испытывавшие на себе последствия колониальной политики царизма, не только остались в стороне от восстания, но, наоборот, разграбив по полученному от оренбургского губернатора предложению башкир, укрывавшихся в аулах семиродцев, сделались главным орудием царской колониальной политики по ограблению и разорению всех остальных приходивших из-за Яика башкирских повстанцев.[1] Правда, эти же алчинцы, своеобразно истолковывая первоначальные указания, данные неплюевской администрацией их феодальным владельцам, считали разграбленных башкир своими постоянными пленниками и позднее более других сопротивлялись окончательной их выдаче в руки правительства, но это их сопротивление было сломлено летом следующего 1756 г., когда, при наличии широко разлившейся по степи взаимной кровавой распри между башкирами и казахами, с одной стороны, и в связи с изменившейся позицией феодалов семиродского поколения — с другой, добиться окончательной выдачи башкирских беглецов не представляло уже больших затруднений.

Так было подготовлено большой исторической важности собрание всех казахских феодалов Малой Орды в виду Илецкой крепости, в середине августа 1756 г., где, при участии видных казахских батырей, биев и тарханов Алла-Назара, Тюле-бая, Исетя, Кучкара и Яркана, самого хана Нур-Али и его братьев-султанов, вынесено было единогласное решение, скрепленное по местному обычаю общей «молитвою», о выдаче царским властям всех башкирских беглецов, укрывавшихся в их аулах, не исключая также и пожалованных им царским правительством их жен и детей. Еще до собрания первыми на этот путь вступили недавно еще сопротивлявшиеся этой политике казахские феодалы поколения Джетыру. Это коренное изменение прежней занятой ими позиции следует объяснить, повидимому, следующими двумя причинами. На одну из них, как общую для всех казахов Малой Орды, указал в своем заявлении на собрании у Илецкой крепости султан Айчувак, когда в ответ на враждебные выпады алчинцев следующим образом мотивировал свой новый образ действий: «оные башкирцы прежде бежали к ним сами собою, а ныне чиня им киргизцам многие злодейства и покрав их немалое число лошадей, обратно бегают». Здесь определенно чувствуется, что основная причина изменения прежней позиции

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 378 об.—381.

семиродцев несомненно коренилась в тех последствиях, которые самым гибельным образом отразились на положении казахского хозяйства в результате разожженной в степи взаимной кровавой распри казахов и башкир. Отсюда становится понятным, почему в конце концов к возвращению царским властям башкирских «беглецов» склонились и алчинцы, также понявшие, наконец, необходимость поскорее освободиться в своих аулах от беспокойного и опасного элемента, постоянно привлекавшего к себе все новые и новые набеги из-за Яика близких ему соотечественников, сопровождавших свое появление здесь разорением казахских аулов и отгоном принадлежавшего им скота.

Но помимо этого обстоятельства в изменении общей позиции феодалов семиродского поколения в вопросе о выдаче царским властям укрывавшихся в их кочевьях башкирских повстанцев имела, конечно, место и другая причина, вытекавшая уже из общего социально-политического положения этих феодалов, которые при всех своих отдельных выступлениях против царизма все же чувствовали те большие выгоды, какие они извлекали из союза с ним. Поэтому, когда эти феодалы увидели, что дальнейшая поддержка башкирских повстанцев угрожает прочности установившихся политических и экономических их преимуществ, ничего не давая взамен, кроме расстройства их хозяйств, они не остановились и перед тем, чтобы предать интересы тех самых башкир, которых первоначально сами укрыли в своих аулах, тем самым еще более укрепляя свой союз с царской властью. Этой перемене фронта феодалов семиродского поколения способствовала и заметно переменившаяся общая обстановка, в которой разрешался теперь этот вопрос. Действительно, после опубликования манифеста от 1 сентября 1755 г., объявлявшего всеобщую амнистию всем добровольно возвращавшимся башкирам, выдача их со стороны прежних их покровителей значительно облегчалась, тем более, что она с самого начала была поставлена ими в условия, строго согласованные с положениями обнародованного манифеста. Царское правительство при всех пущенных в дело средствах все же должно было, наконец, примириться с тем, что возвращаемые ему башкирские повстанцы «отдаваны были от них [казахов] не яко злодеи, но якобы те башкирцы и по собственной их охоте ими отдаются». Конечно, в руках колониальных властей оставались еще последние и крайние методы прямого военного воздействия для достижения первоначально поставленных задач (см. инструкцию, данную из Коллегии иностранных дел г.-м. Тевкелеву от 15 сентября 1755 г.[1]), но в данных условиях, «при настоящем движении войск для европейских дел», приходилось довольствоваться и достигнутым половинчатым успехом, «и их киргис-кайсак кажется в покое оставить».

Наконец, достижение спокойствия среди казахов и привлечение на свою сторону в башкирском вопросе алчинцев и семирод-

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1755 г., № 1582, лл. 593 об. 597.

цев куплено было, конечно, и ценою широко использованной по отношению к их феодальной верхушке системы всевозможных денежных раздач и подарков, на что было истрачено более тысячи рублей.[1]

Вернемся теперь к характеристике царской колониальной политики в последний, заключительный период восстания, когда оно заметно утихало, а центральные власти, занятые приготовлениями к участию царской России в надвигавшейся Семилетней войне, прилагали все усилия к скорейшей его ликвидации.

При таких обстоятельствах очень важно было не только полное устранение всех последствий восстания, но и создание таких условий, которые не допустили бы в дальнейшем новых его вспышек и общего их развития в повторное, еще более серьезное движение. Отсюда понятны все постоянные напоминания Неплюеву со стороны центральной власти об умеренности в действиях и об устранении им всяких излишних жестокостей, способствующих только дальнейшему разжиганию борьбы; понятно и отстранение от должности, по распоряжению из центра же, командира Кизылской дистанции майора Назарова, особенно вооружившего против себя местное население, и, наконец, издание специального манифеста от 1 сентября к участвовавшим в восстании башкирам, с провозглашением амнистии всем добровольно возвратившимся.[2]

Вся совокупность этих мероприятий, рассчитанных только на ослабление сопротивления восставших, ни в какой мере не сопровождалась действительным стремлением к ограждению несправедливо задетых интересов местного населения. Так, отстраненный первоначально от должности за то, что «з башкирцами поступал с высочайшим ея и. в. милосердием не сходственно и с великой жестокостью против должных порядков», майор кн. Г. Д. Назаров позднее, после подавления восстания, был совершенно оправдан во всех своих поступках «за отсутствием в них всякого состава преступления, по их (башкир. *А. Ч.*) явно оказываемому бунту и злодейству».[3]

Мало реальной оказалась и широко рекламированная в это время амнистия всем башкирам, принесшим повинные и вернувшимся в прежние свои жилища, так как обещанное возвращение принадлежавших им дворов и пожитков фактически не было выполнено. Многие из этих дворов были уже давно опустошены или даже совсем разрушены и сожжены царскими карательными отрядами,

---

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Башкирские дела, 1756 г., № 1, лл. 290—293; УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 1389—1390.

[2] Манифест этот впоследствии повторялся неоднократно и каждый раз с новым удлинением первоначально назначенных сроков. См. Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 411—412, 504; т. X, СПб., 1903, стр. 187; ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, л. 307—307 об.; Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. III, л. 439.

[3] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 1048—1124.

и в результате возвращавшиеся из казахских аулов башкиры вынуждены были скитаться по чужим жилищам, поставленные к тому же под неослабный и «искуссный присмотр» местных органов власти.

Наконец, к простой декларации сводились по существу и напоминания из Петербурга оренбургской администрации об умеренности в действиях, так как эти напоминания всегда сопровождались оговорками в случае необходимости поступать по рассмотрению местных обстоятельств, не останавливаясь даже перед конечными «погибелью и разорением» по отношению к повстанцам. Эти мероприятия имели, однако, некоторое значение в обстановке уже затухавшего движения, способствуя дальнейшему его ослаблению.

В этом же плане следует рассматривать и стремление по возможности скорее разрешить вопрос о дальнейшей судьбе башкирских повстанцев, ушедших в казахские степи. Сохранившиеся материалы дают богатый и красочный материал, подробно знакомя нас со всей этой деятельностью по документам специально образованной комиссии А. И. Тевкелева, на которого возложена была задача во что бы то ни стало добиться от казахских феодалов выдачи ими царскому правительству всех бежавших к ним башкир.[1] Параллельно с работой этой комиссии, в целях уже непосредственного воздействия на особо упорствовавшие казахские роды, применены были методы и прямой провокации. Так, учитывая накопившуюся в башкирских массах крайнюю озлобленность по отношению к части казахских родов, принимавших деятельное участие в разграблении башкирских повстанцев, и встречаясь со все чаще повторявшимися их просьбами о свободном пропуске их через Яик для отомщения казахам, Неплюев представляет, наконец, им эту возможность, отдав соответственное секретное распоряжение подчиненным ему властям, и тем возрождает и усиливает непримиримую вражду между двумя совсем недавно еще близкими народами. Об этом заключительном звене тонко расставленной сети колониальной политики говорит сам ее автор в своих «Записках»,[2] и на него же намекает в своем письме к Неплюеву казахский хан Нур-Али, жалующийся, что до него доходят слухи, что «де они (башкиры. *А. Ч.*) от киргис-кайсак лошадей отгоняют по приказанию генеральскому».[3] При этом не случайно, что наиболее пострадавшими от этих башкирских нападений оказываются казахские роды Китинский, Чиклинский и Каракисятский, входившие в алимулиновское

[1] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1755 г., № 2, лл. 561—611 об.; 1756 г., № 1, лл. 236—440 об.

[2] «Желая еще более вражду между сими народами вкоренить, — пишет И. И. Неплюев, — велел я переводчикам, чтоб они от себя им советовали, что: «генералу де ехать вам позволить нельзя, а буде вы и поедете и киргизцев разобьете, так надеемся де взыскивать на вас не будут». Они, обрадовавшись сему совету, многими партиями собрались и поехали за Яик против киргизцев . . . Между тем послал я по линии к командирам секретные ордеры, что если башкирцы без семейства и по их обычаю вооруженные будут за Яик перебираться, то бы они не воспрещали, а притворились бы так, будто того не приметили». Зап. И. И. Неплюева, СПб., 1893, стр. 157—159.

[3] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1756 г., № 1, л. 332 об.

поколение алчинцев Малой Орды. Правда, это не исключало отдельных случаев, когда в разгаре борьбы случайно задетыми могли быть и некоторые аулы дружественных казахских родов, как это произошло, напр., с частью кипчаков, у которых подбегавшими башкирами также было отогнано 200 лошадей.[1] Вызывая как следствие ответное разграбление этими казахами находившихся у них башкирских повстанцев, это случайное столкновение углубляло взаимную вражду, частично захватывая ею, быть может, даже отдельные аулы Средней Казахской Орды. В последнем случае эта вражда возникает позднее и вряд ли получает особенно широкое значение. По крайней мере в нашем распоряжении нет никаких прямых данных, чтобы говорить о глубоком охвате этой междоусобной борьбой также и аулов Средней Орды. Повидимому, она все-таки ограничивалась пространством, примыкавшим к среднему течению Яика, и охватывала, главным образом, алчинские роды Малой Орды.[2] В условиях этой ожесточенной схватки двух родственных народов и потонуло, наконец, все восстание, внутренне не достаточно спаянное и раздавленное не столько численным перевесом сосредоточенных на его территории правительственных войск, сколько переводом всей его неостывшей еще ненависти к своим угнетателям с их плеч на головы своих действительных и естественных союзников. Последними отголосками восстания были совместное нападение башкир и казахов на небольшую группу русских разночинцев, ехавших с товарами в Оренбург, между Разбойным редутом и Губерлинской крепостью, и враждебное выступление одних башкир на московской дороге у Киевзигальских рудников, где они убили горного мастера и отобрали всю одежду и лошадей у местных нарядчиков и работников; первое событие произошло 12 марта, другое — 17 июня 1756 г.[3] Еще ранее, весной того же 1756 г., начались учащенные набеги башкир на казахские аулы и отгон ими казахского скота, а в мае—июле эта борьба, заметно сузившая базу всего восстания, была уже в полном разгаре.

Но приведя к намеченной цели и надолго рассорив оба народа, эта борьба постепенно достигла того предела, за которым дальнейшее продолжение ее становилось уже невыгодным для самих колониальных властей. Вот почему они еще в начале июня ставили вопрос о введении ее в некоторые границы. С этой целью был даже издан специальный указ с категорическим воспрещением на будущее время всяких переходов башкирами р. Яика и тем более отгона ими казахского скота.[4]

Восстание окончилось, обстановка не требовала более чрезвычайных и сильных средств, и постепенно сворачивались действия карательных отрядов царских войск. На очередь дня выдвигались

[1] Там же, л. 332—332 об.

[2] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1756 г., № 1, лл. 126 об.—128, 139 об.—140.

[3] Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 534, 623.

[4] ГАФКЭ. Коллегия иностр. дел. Дело 1756 г., № 1, лл. 149—150 об.

теперь спешный разбор дела и наказание взятых в плен главных повстанцев, в том числе и идейного руководителя восстания, мишарского муллы Батырши, задержанного самими мишарами 8 августа 1756 г. Не останавливаясь подробно на этих розысках, отметим только, что, в отличие от практики прежних следствий над участниками восстаний в Башкирии, на этот раз официально не было вынесено ни одного смертного приговора. Это не значило, что в действительности все обошлось одними наказаниями кнутом, заключением в крепость, отдачей в солдаты и матросы, ссылкой на каторгу в Рогервик и раздачей в крепостную неволю на фабрики и разным партикулярным людям. Уже не говоря о том, что в самом ходе восстания было убито значительное количество его участников правительственными карательными отрядами, немало их погибло и в застенках местных канцелярий, под пытками; наконец, многие из тех, кто остался в живых и после этого, умерли в дороге при препровождении их из Оренбурга и Уфы к местам окончательного отбывания наказания. Сам Батырша кончил свою жизнь в Шлиссельбургской крепости в июле 1762 г. Главный его сторонник в Гайнинской волости Чурагул погиб в застенке Осинской воеводской канцелярии. Ряд других сколько-нибудь заподозренных лиц испытал на себе все прелести безудержной расправы майора Назарова. Жуткая картина повальных смертей наблюдалась при следовании арестованных башкир из пределов Оренбургского края к центру феодально-крепостной России. Так, напр., из 230 чел., признанных виновными в Оренбургской губернской канцелярии и отправленных из Оренбурга в распоряжение различных правительственных учреждений, доставлены были на место только 45 чел., остальные умерли в пути или при самом отправлении; при этом особенно сильная смертность охватила женщин и детей, из 115 человек которых погибло в дороге 97.[1]

Произведенное в сенатской конторе следствие обнаружило вопиющие обстоятельства всего этого дела. Отправленными в далекий путь, в позднее осеннее время, оказались в подавляющем количестве больные башкиры. Здоровых было всего 60 чел. да и те после 100-верстного перехода также заболели. Но это нисколько не остановило общего передвижения конвоированной партии. Не обошлось также и без отдельных случаев избиений конвойными солдатами башкирских женщин. При всем подавленном настроении последних, до крайности терроризованных своими следователями, некоторые из них все же показали на допросе, что один из конвойных солдат бил их не раз эфесом, «от коих побой не мало и померло».[2] В таких условиях отсутствие официально вынесенных смертных приговоров и открыто совершенных казней следует рассматривать всего лишь как ловкий, дипломатический ход царского правительства, старавшегося устранением гласных и публичных казней

[1] УЦГАЛ. Секретная экспедиция Правит. сената. Дело 1756—1759 гг., № 1594, лл. 329—332, 337 об. —338; Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, стр. 708.
[2] Сенатский архив, т. IX, СПб., 1901, 709.

избежать столь невыгодного для него в это время излишнего раздражения в стране.

Так же объясняются и последние распоряжения царского правительства в 1757 г. о прекращении дальнейших розысков и всякого привлечения к следствию новых заподозренных лиц.[1] Движение признавалось законченным, и все должно было служить к скорейшему его забвению, в особенности еще потому, может быть, что, по словам Рычкова, этот «бунт, хотя он и не так много продолжался, как описанный в „Истории Оренбургской" с начала Оренбургской комиссии, но соединен он был весьма с особливыми и до того не бывшими обстоятельствами».[2]

Каковы же основные причины, приведшие к неудаче восстания?

Восстание 1755 г. в Башкирии являлось характерным колониальным освободительным движением, направленным в данном случае с самого начала не только против гнета метрополии, но отчасти и против эксплоатации собственных феодалов. Возникшее в определенную историческую эпоху, когда еще не было налицо единственного последовательно революционного класса — пролетариата, это восстание при всех своих попытках к организации все же оставалось более стихийным, чем организованным движением, которое никогда при таких условиях не могло достигнуть победы. «Только комбинированное восстание, — говорит И. В. Сталин, — во главе с рабочим классом может привести к цели».[3]

К этой основной причине неудачи движения присоединялись еще некоторые дополнительные обстоятельства, ослаблявшие его силу и размах и понижавшие общую сопротивляемость восставших. Среди них следует прежде всего указать на недостаточное сближение между собою классово-родственных угнетенных групп различных народностей Башкирии; это сближение только что складывалось в то время и не отличалось поэтому большой устойчивостью. Это затруднило дружное и одновременное выступление угнетенных слоев местных народностей в момент восстания, хотя тенденция к такому согласованному выступлению и намечалась перед началом движения.

Чувствовалось, конечно, отсутствие необходимых в таких случаях решительных и смелых вождей, быстро ориентирующихся в окружающей обстановке и немедленно принимающих соответственные решения. При всем значении в истории данного восстания мишарского муллы Батырши он все же мало годился для той ответственной роли, которая выпала на его долю.

Не благоприятствовала быстрому и более широкому распространению движения по территории Башкирии также и общая международная обстановка, сложившаяся в Казахской степи, где главные

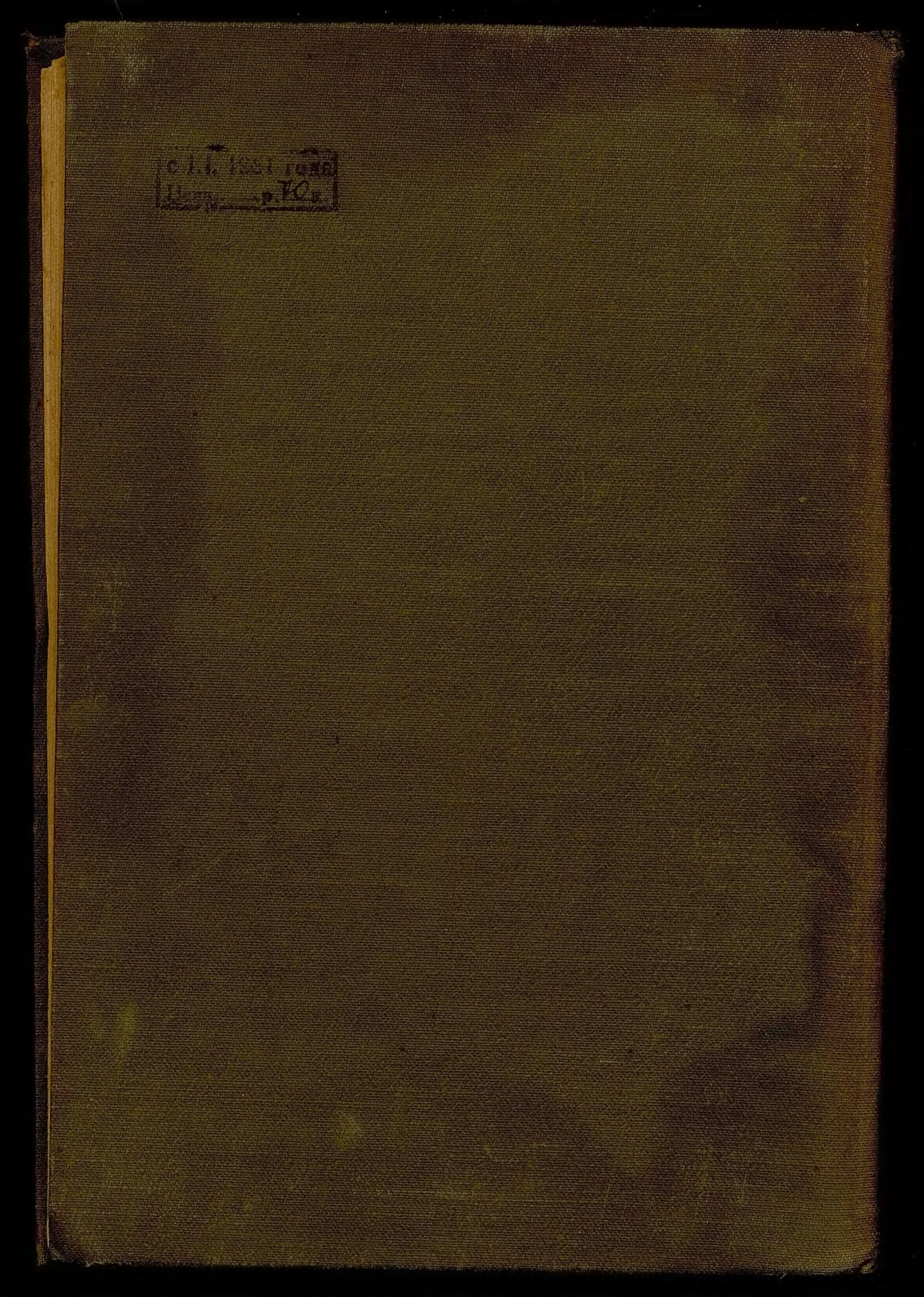
[1] ГАФКЭ. Фонд б. Гос. архива. Разр. VII. Дело 1756 г., № 1781, ч. II, лл. 119—121 об.

[2] П. И. Рычков. Топография Оренбургской губ., изд. 1887 г., стр. 259.

[3] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Большевик, 1932, № 8, стр. 37.

возможные союзники башкир — казахи Средней Орды — были отвлечены для последней и решительной борьбы с Джунгарией. Наконец, немалым минусом восстания, задуманного на широкой основе, было отсутствие у него организационной связи с казанскими татарами, значительно облегчившее царскому правительству путем небольших подачек задержку присоединения их к восставшему башкирскому населению. В этих условиях быстрое сосредоточение правительственных войск, в связи с безудержно развитой политической провокацией, решило судьбу движения не в пользу восставшей Башкирии и потопило его надолго в непримиримой и ожесточенной вражде двух родственных соседних народов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

с 1 I 1931 года
Цена р. 70 к.

Восстание
в
БАШКИРИИ
1755 г.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ЗАКАМСКАЯ УКРЕПЛЕННАЯ ЛИНИЯ
ГРАНИЦЫ БАШКИРСКИХ ДОРОГ И ГРАНИЦЫ ГУБЕРНИЙ
КРЕПОСТИ
РЕДУТЫ
ЗАВОДЫ
ГУБЕРНСКИЕ ГОРОДА И КРАЕВЫЕ ЦЕНТРЫ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ
ГОРОДА
ТАТАРСКАЯ СЕИТОВА СЛОБОДА
НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ
ЯМСКИЕ СТАНЫ
РАЙОНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВОССТАНИЙ
ДОРОГИ:
СТАРО-МОСКОВСКАЯ
НОВО-МОСКОВСКАЯ
УФИМСКАЯ
ИСЕТСКАЯ
ОТ УФЫ ДО КАЗАНИ
БУГУЛЬМИНСКАЯ БУЗУЛУКСКАЯ
КАЗАНЬ
КАЗАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКОЕ ВЕДОМСТВО
ВОЛГА
САМАРА
КУНГУРСКИЙ УЕЗД
КУНГУР
ОСИНСКАЯ
СИБИРСКАЯ
БАЛЫКЧИНСКАЯ ВОЛОСТЬ
КАЗАНСКАЯ ДОРОГА
БЮЛЯРСКАЯ ВОЛОСТЬ
КАРШИНСКАЯ ВОЛОСТЬ
УФА
БИРСК
ОСИНСКАЯ ДОРОГА
НОГАЙСКАЯ ДОРОГА
КАТАЙСКАЯ ВОЛОСТЬ
ИСЕТСКАЯ ПРОВИНЦИЯ
БУРЗЯНЕ
ОРЕНБУРГ
ЯИЦКИЙ ГОРОДОК
АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ
МАЛАЯ КАЗАХСКАЯ ОРДА
АЛИМУЛИНЦЫ
СЕМИРОДЦЫ
БАЙУЛИНЦЫ
Чулошников-Восстание в Башкирии в 1755 г.
Леноблгорлит 25-VI-1940г. Заказ №52
Тираж 1050 экз.
Типолитография Академии Наук. В. О., 9-я линия, д. № 12.